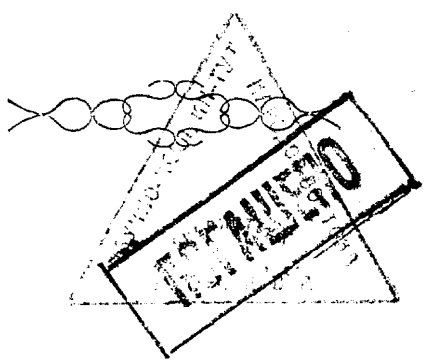
М. ХАЛАНСКІЙ.

ВЕЛИКОРУССКІЯ БЫЛИНЫ

КІЕВСКАГО ЦИКЛА.

Отдѣльный оттискъ изъ „Р. Ф. Вѣстника“.



ВАРШАВА.
В ТИПОГРАФІИ МИХАИЛА ЗЕМКЕВИЧА
Краковское-Предмѣстье, N 415 (17).

1885.

Дозволено Цензурою.
Варшава, 26 Ноября 1885 г.

ВЕЛИКОРУССКІЯ БЫЛИНЫ
Кіевскаго цикла.

Глава I.

Введеніе.

Общепринятым считается в настоящее время, что былины т. н. Кіевскаго или Владимірова цикла родились в Южной Россіи, в Кіевскій період русской исторіи. „Былины, говорит Ор. Ф. Миллер, по моему мнѣнію, не совсѣм вѣрно называются великорусскими. Онѣ в настоящее время сохраняются исключительно на великорусском сѣверѣ и востокѣ, куда давно перешли, и гдѣ значительно переработались; но первоначальная основа их южно-русская. Самое слово „былина“ встрѣчается впервые в южно-русск. Словѣ о П. Иг. в смыслѣ были, дѣйствительности. Мѣсто дѣйствія былин—Кіев, берега Днѣпра. . . Личностью, вокруг которой сходятся богатыри, постоянно является Владимір Стольно-Кіевскій“ (Труды 3-го археологич. съѣзда. Кіев 1878 г. стр. 285—6). „Содержаніе былин Владимірова цикла, говорит Л. Майков, вырабатывалось в продолженіи X, XI и XII вв., т. е. в первой половинѣ удѣльно-вѣчеваго періода, и установилось не позже времени татарскаго владычества, и даже именно той его эпохи, когда Москва не сосредоточивала в себѣ всю государственную силу Руси, и в народѣ была свѣжа память о первенствующем значеніи Кіева. Такой эпохой можно считать вторую половину удѣльно-вѣчеваго періода, вѣка XIII и XIV“ (О былинах Владимірова цикла стр. 25—27). „Мѣстностью, в которой могли быть пѣты былины в XII в., бы-

ла Южная Русь, вѣроятно, область Кіевская, в предѣлах которой помѣщается большая часть происшествій, описываемых в былинах Владимірова цикла“ (ibid. 31).

Однако, предположеніе о южно-русском происхожденіи всѣх вообще былин Владимірова цикла не имѣет за собой достаточных основаній. При ближайшем разсмотрѣніи оно оказывается *принятым на вѣру*, неразобранным критически ни одним изслѣдователем.

Изслѣдователи ссылаются на то, что Кіев в былинах является центральным пунктом, в котором сосредоточиваются богатыри, Владимір-солнышко стольно-кіевскій — лицомъ, вокруг котораго они группируются, по приказанію и волѣ котораго совершают свои подвиги. Но в тѣх чертах, которыми обрисовываются Кіев и Владимір, нѣт ничего дѣйствительнаго, историческаго, кіевскаго и южнорусскаго.

Затрудняются опредѣлить, какому историческому Владиміру пріурочить былеваго Солнышка стольно-кіевскаго. Владимір былин—чисто-эпическая личность с чертами Московскаго грознаго царя—батюшки.

Кіев-град в воображеніи великорусских „пѣтарей“ или „сказителей“ рисовался чертами чисто сказочными, как и Царь-град, Ерусолим и пр.:

Ай Кіѣв-град да немал невелик,
Соколу летѣть да на меженный день,
А и маленькой птиченькѣ не пóлетѣть
Гильфердинг, Онежскія был. N 18.

В п. Кирѣевск. I стр. 77, Кіев-град помѣщается за р. Дунаем, в восточной сторонѣ, в Сибирских украйнах.

Дорога к Кіеву описывается так:

Дюк собирается в Кіев, просит у матери прощеньица-благословеньица; мать предупреждает сына:

Прямоѣзжая дорога (к Кіеву) заколодила:
Стоят три заставы великія:
Первая застава—люты звѣри,
Другая застава—люты змѣи,
Третья застава—стоит Донской козак,

Илья Муромец сын Иванович,
Во вторых стоит Добрыня Никитич,
В третьих Михайло Поток сын Иванович,
А кругом ѣхать буде на три мѣсяцы.
Рыбников II 138 стр.

Подобно этому Финны представляют себѣ мрачную Пойолу: „дорога в Пойолу небезопасна, говорила мать Лемминкайпену, захотѣвшему отправиться туда на свадьбу, а в особенности страшны и гибельны три преграды, которыя ожидают всякаго на этом пути. К вечеру перваго дня тебѣ встрѣтится на пути огненный водопад, посреди котораго находится раскаленная скала, а на ней объятый пламенем гребень; на этом гребнѣ сидит огненный орел, который днем точит когти, а ночью клюет всякаго, кто только приблизится. К вечеру втораго дня ты встрѣтишь громадную огненную пропасть, наполненную раскаленными камнями, которая безконечно тянется издалека с востока к сѣверо-западу. Тысячи витязей и коней поглотила эта пропасть. Третья опасность постигнет тебя на третій день к вечеру, когда ты будешь приближаться к Пойолѣ. У самаго узкаго мѣста дороги на тебя бросятся волк и медвѣдь. Тысячи витязей они растерзали; как же им тебя не разорвать? Приближаясь к дому Лоухи, ты увидишь стальной частокол такой высокій, что теряется в облаках. Вмѣсто кольев насажены копья, а прясла замѣняют ядовитыя змѣи, переплетенныя ящерицами одна с другою“ ... (Калевала. Перев. Гранстрем 116—17).

У Сербов и Болгар можно отмѣтить особый круг пѣсен, в которых дѣйствіе переносится в Стамбул, дѣятельность героев связывается с Султаном (царе од Стамбола); не думаю, чтобы, разсуждая послѣдовательно, можно было родиной подобных пѣсен считать окрестности Константинополя.

Кіев-град и Владимір упоминаются нерѣдко в скандинавских сагах (Гольмгард, Gardhr, Gardharikia, Grikia и пр.). Витязи нормандскіе служат конунгу Гард Волдемару, оказывают ему важныя услуги, подобно великорусским бо-

гатырям,—все это объясняется историческими связями Варягов с Кіевом, вліяніем эпическихъ традицій, и только.

Возможно аналогичное этому объясненіе роли Кіева и Владиміра в великорусских былинах.

Если и допустить, что родиной былин Кіевскаго цикла была Кіевская Русь, то трудно объяснить, почему и как всѣ онѣ перешли на сѣвер. Высказанныя до сих пор объясненія этого явленія несогласны с вновь добытыми фактами древней русской исторіи.

По одному, болѣе раннему и в настоящее время имѣющему за собой мало послѣдователей, мнѣнію —дѣло представляется так: „когда по запустѣніи юго-западной или Кіевской государственной области, обращенной в становище восточных выходцев, старожилы, одного племени и языка с общим русским или великорусским, ушли оттуда на всегда и размѣстились вокруг занятаго уже московскаго средоточія по окраинам его болѣе или менѣе отдаленным, гдѣ и сберегли былины богатырскаго періода, — их смѣнили новые поселенцы, того племени и нарѣчія, которое с тѣх пор по нынѣ отличается болѣе узким именованіем малорусскаго. Подвинувшись в старую область, по мѣрѣ ослабленія восточников, из Волыни и Подоліи, и еще далѣе из нынѣшней Галиціи и Карпат, они ничего незнали, как незнают доселѣ, из былин о древнем кіевском періодѣ; их думы прямо начинаются с козачества, не старше его, не выше и не иначе с козачества малорусскаго, украинскаго, потом запорожскаго. Начало их не старше XVI в., язык— нынѣшнее малорусское нарѣчіе“ (П. В. Безсонов в Прилож. к VII в. Пѣсен Кирѣевск. стр. 88).

В настоящее время, кажется, нужно считать окончательно рѣшенным в отрицательном смыслѣ вопрос о запустѣніи Кіевской Руси в період татарскаго владычества, о переходѣ южно-русскаго населенія на сѣвер и сѣверо-восток и о занятіи мѣст его поселеній выходцами из Галиціи и Волыни. „Вглядѣвшись без предубѣжденія в тѣ немногія, но точныя историческія свѣдѣнія, какія дошли до нас о судьбѣ Южн. Руси с XIII по XVI ст., мы

не можем непризнать, что общепринятое мнѣніе о запустѣніи ея в это время есть не болѣе, как историческій мираж“ (В. Б. Антоновичъ. Кіевъ, его судьба и значеніе с XIV по XVI ст. Кіевск. Стар. I. 2).

Покореніе Руси Монголы начали с сѣверо-востока и постепенно переходили к юго-западу. Сѣверная Русь представила болѣе сопротивленія врагам, чѣм южная, и потому жестокость Татар недоходила на югѣ до такой степени, как на сѣверо-востокѣ. На югѣ не было ни одного такого случая, как с Козельском. Про разрушеніе Кіева только много писано: „в древнѣйшем извѣстіи о взятіи Кіева указано только разрушеніе десятинной церкви, своды которой обрушились под тяжестью столпившагося на них народа; затѣм о разрушеніи города нѣт вовсе упоминаній; говорится лишь, что из Кіева Батый прошел по Волыни, разрушил нѣсколько городов, другіе миновал или неуспѣл взять, и, по совѣту плѣннаго боярина Димитрія, неостанавливаясь на пути, поспѣшил ворваться в Венгрію, чтобы захватить эту страну в расплох, а в обратном пути его указываются грабежи, причиненные Татарами в сѣверной части Волынскаго Полѣсья. Несомнѣнно страна, лежавшая на запад от Днѣпра, пострадала от орды в весьма слабой степени, сравнительно напр. с разореніем земель ростовской или рязанской...“ (ibid. стр. 2—3). Стало быть, с гораздо большим правом нужно бы предположить движеніе населенія, укрывавшагося от Татар, не с юга на сѣверо-востокъ, а на оборот — с сѣверо-востока на юго-запад—в Волынскую область, Галицію... И на это есть указанія в лѣтописи. В повѣсти об убіеніи Михаила Черниговскаго говорится: „князю же великому Михаилу Всеволодичу, дръжащу тогда Кіев, и пріидоша к нему послы от Батыа царя, он же увидѣв словеса их лестивая, повелѣ избыти их, а сам повелѣ всему двору своему събратися, и побѣже в Угорскую землю и съ всѣми домашними своими“. В том же направленіи бѣжало, вѣроятно, и населеніе, конечно только та часть его, которая имѣла к тому средства; большинство же должно было оставаться на

родинѣ; да и то, которое бѣжало, скоро вернулось назад: „а инїи бѣжаша в далняя страны, а инїи же крыяхуся в горах, в пещерах, и в разсѣлинах и в пропастех земных, а иніи затворяхуться в градѣх крѣпкых, а иныя в непроходимїи бѣжаша островы, и мало от тѣх изоставахуться, тѣхже, не по колицѣх временех, осадиша в градѣх, и исчетоша а в число, и начаша на них дань имати Татарове. Слышавше же се, иже бяху разбѣжалися по чюжим землям, и что их избылося, начаша собиратися по малу“ (П. С. Р. Л. XV стр. 387). Весьма важно еще и то, что нѣкоторыя мѣстности Южной Россіи добровольно, без сопротивленія отдались во власть Монголов. „Ипатская лѣтопись сообщает весьма интересныя свѣдѣнія о землях: Подольской, Болоховской, Потетеревской, Звягельской и т. д. добровольно подчинившихся Монголам и состоявших в зависимости от ханов на весьма льготных условіях“ (Антонов. Кіевск. Стар. 1882, I, 4).

Итак, в первые, наиболѣе тяжелые, годы татарскаго рабства на югѣ Россіи были мѣстности, гдѣ мог пріютиться народ, а с тѣм вмѣстѣ мог сохраниться и старо-кіевскій эпос. Образованіе могущественнаго Галицко-Волынскаго княжества само собой было сильным оплотом для южно-русской народности. В то время как на сѣверо-востокѣ Руси до половины XIV ст. господствовал полный произвол татарскій, „насилье бесерменско“, князья один перед другим старались раболѣпствовать перед Татарами и наводить их на разореніе русских же областей; в Галиціи и Волыни имѣло мѣсто обратное. Галицкіе князья с достоинством и осторожностью обращались с Татарами, всячески отклоняя возможность разореній и кровопролитій. Даніил и Василько представляли рѣдкій в древней Руси примѣр братской любви и согласія в дѣятельности. Высокій нравственный характер сына Василька, Владиміра, имѣл вліяніе и сдерживал буйных сыновей и внуков Даніила. Послѣдніе хотя и затѣвали междоусобія, но старались обходить участіе Татар. Когда Юрій Львович по смерти Владиміра Васильковича занял силою нѣкоторые города, усту-

пленные послѣдним Мстиславу Даниловичу, то одна угроза Мстислава — призвать Татар, заставила Юрія выйти из запятых городов... Несомнѣнно, в Галиціи и Волыни жилось спокойнѣй, чѣм гдѣ либо в то время на Руси; сюда должно было стекаться южно-русское населеніе. Под эгидой галицких князей была полная возможность для него успокоиться, сосредоточиться, бросить взгляд на прожитое, собрать воедино эпическія пѣсни и преданія прошедшей исторіи, — словом, образовать в творчествѣ эпическій цикл.

Власть литовских князей немогла мѣшать широкому развитію эпоса.

Жизнь под владычеством Поляков была тяжела, населеніе было безправно; но по той силѣ, какую оно проявило в борьбѣ, ясно видно, что національное чувство было сильно, общественное сознаніе своей особности было ярко. Эти условія тоже благопріятны для сохраненія и развитія эпоса. В нем народ мог находить опору для своих стремленій, источник національной гордости. Сравним разцвѣт сербской и болгарской поэзіи под турецким игом. До вѣков козацких войн должен был сохраняться на югѣ эпос. Поэзія козацкой эпохи могла лишь ассимилироваться со старинным эпосом, но незаглушить его. A priori, мы вправѣ ожидать, что в теперешней малорусской пѣсенности встрѣтятся слѣды и отрывки стариннаго эпоса. Изданные до сих пор довольно громадные матеріалы заключают в себѣ нѣсколько интересных фактов для сужденія о старинном малорусском эпосѣ. На них мы ниже остановимся; а теперь замѣтим, что, судя по ним, строй и характер малорусскаго эпоса должен был отличаться от великорусскаго в самом существенном.

Большинство изслѣдователей по вопросу о причинах предполагаемаго перехода былин с юга на сѣвер держится объясненія, предложеннаго Л. В. Майковым: „Уже со времени основанія Владиміра Залѣсскаго, Ярославля и пр. в X и XI вв. мы видим постоянное движеніе южно-русскаго населенія на сѣвер и сѣверо-восток; мы видим, что это движеніе особенно усиливается в XII в., когда вели-

ко-княжескій стол был перенесен во Владимір. Если мы признали возможным существованіе былин в это время, то легко можем предположить, что онѣ были занесены этими переселенцами с юга в тѣ мѣста, которыя впослѣдствіи составили центр Великой Руси и здѣсь уже подверглись дальнѣйшей разработкѣ в постоянном устном храненіи" (О был. Влад. ц. 31).

Народныя передвиженія совершаются всегда по пословицѣ: „рыба ищет, гдѣ глубже, а человѣк—гдѣ лучше". Бѣдная естественными произведеніями, угрюмая природа сѣверо-восточной Руси немогла слишком привлекать к себѣ жителей Богом благословенной Кіевской Руси. Колонизація сѣверо-востока Руси принадлежала главным образом сѣверно-русским племенам. „Колонизаторами в землю Чуди могли явиться только *сосѣдніе* славянскія племена; самым ближайшим и естественным сосѣдом были Кривичи; за ними слѣдовали Вятичи" (Багалѣй. Истор. Сѣверск. земли 29) и Радимичи (ibid. 32). Рядом с мирной колонизаціей, направлявшейся главным образом по рѣкам, шла военная. „Начало военной колонизаціи совпадает с началом русскаго государства. Движеніе военной колонизаціи шло из дружиннаго центра Новгорода, великим Волжским путем и достигало нижняго теченія Оки" (ibid. 30).

Вот мнѣніе Костомарова о происхожденіи великорусской народности: „на сѣверо-востокѣ Руси слагалась новая славяно-русская народность с своеобразным характером, с отличительными условіями и пріемами жизни. Ея начало теряется в прежних временах, о которых у нас нѣт извѣстій; в XII в. она выказывает свое существованіе нѣкоторыми выпуклыми чертами. Мы не в силах прослѣдить, как онѣ составлялись и как выработывались до тѣх пор, пока неприняли того типа, который нам является вполнѣ в позднѣйшія времена. Знаем только, что в этих краях жили инородцы финско-тюркскаго племени; в их земли вторгнулись Славяне и жили там. Вторженіе это в значительной степени должно падать на долю Кривичей, так как великорусское нарѣчіе представляет относительно боль-

шую близость с бѣлорусским. Затѣм, исторически извѣстно, что туда переселялись люди из Южной Руси. Мы незнаем, какое значеніе имѣли к составленію этой народности Вятичи — племя, о котором нѣт возможности дѣлать никаких заключеній и по послѣдующим чертам; но несомнѣнно, впослѣдствіи, когда великорусская территорія дошла до предѣлов этого племени и наконец захватила его в свои предѣлы, элементы, составлявшіе достояніе народности Вятичей, вошли в состав великорусской народности“ (Двѣ рус. народности 77—8).

О „постоянном движеніи южно-русскаго населенія на сѣверо-восток“ здѣсь нѣт и рѣчи; переселенцам „людям из южной Руси“ отводится почтенным историком весьма скромное мѣсто. Несомнѣнно, переселенцы могли занести на сѣвер кіевскія сказанія, и в этом смыслѣ оказать вліяніе на состав великорусскаго эпоса. Но занесенное могло состоять лишь в отрывках. Цѣликом же весь Кіевскій эпос перейти немог; тѣм менѣе мог сохраниться до наших дней. Половина зашедшаго матеріала должна была затеряться в новой средѣ; другая—радикально переработаться сообразно с характером и симпатіями мѣстнаго населенія.

Изслѣдователи русскаго эпоса почему то выдѣляют Кіевскую область из прочих русских областей, предполагая, что она была и единственной родиной древне-русских народных сказаній и разсадницей своих твореній по другим областям Руси, преимущественно сѣверо-восточным. Это мнѣніе ни на чем не основано. Оставляя для послѣдующаго вопрос о том, дѣйствительно ли всѣ наши былины созданы в Кіевскій період русской исторіи, мы спрашиваем: развѣ древнерусская народная жизнь сосредоточивалась в одной Кіевщинѣ? Развѣ каждое славяно-русское племя, даже каждое удѣльное княжество, немогло создавать своих, мѣстных, сказаній, немогло выводить на свѣт своих героев, немогло пѣть пѣсень об их подвигах? Если и в настоящее время в различных областях Россіи существуют особыя сказанія о мѣстных героях, то еще бо-

лѣе это должно было быть в удѣльный період русской исторіи.

При господствѣ удѣльно-вѣчеваго начала, при слабой связи отдѣльных областей в древней Руси, не могло и быть единаго, *обще-русскаго* эпоса. Обще-русскій древній эпос— такая же фикція, как и древній обще-русскій язык. Племена жили *особь*, „имяхуть бо обычая своя, и законы отець своихъ и преданія кождо своя норовъ“ (Ип. л.); у каждаго были *свои* герои и *свои* сказанія о них: был эпос Новгородскій или Словенскій, был Кіевскій или Полянскій... На основаніи показаній тверской лѣтописи нужно признать существованіе Ростовскаго эпоса. Сказанія, занесенныя в Никоновскую лѣтопись, свидѣтельствуют о существованіи мѣстнаго Черниговскаго эпоса, и т. д. Обще-русскаго в этих областных эпосах было очень немного, как немного было в древней исторіи событій, в которых бы принимали участіе всѣ русскія племена. Обще-русским в древней нашей поэзіи было главным образом обще-славянское. Несомнѣнно, однако, что о Владимірѣ I знали всѣ русскія племена, не столько впрочем как о воинѣ, сколько о великом реформаторѣ, произведшем сильный переворот в теченіи народной жизни.

Слагавшіяся по отдѣльным областям пѣсни и былины не всѣ, конечно, оставались на своей родинѣ; нѣкоторыя, достигшія наибольшаго распространенія в своем племени, переходили в другія области, к другим племенам. Относительная легкость обмѣна поэтическим матеріалом обусловливалась сходством языка. Трудно уловить тѣ пути, которыми идет пѣсня или преданіе из уст в уста, из одной мѣстности в другую. Большое значеніе тут имѣет бродячій элемент общества: купцы, паломники, воины и пр. Распространялась пѣсня и простым путем передачи от сосѣдей сосѣдям. Массовыя переселенія также влекли за собой передвиженіе поэтическаго матеріала. Так напр. Косовскія пѣсни были перенесены из центра Старой Сербіи к окраинам. Таким же путем могли перейти в московскую область многія мѣстныя русскія сказанія в період

дѣятельности московских князей собирателей Руси, в XIV — XV вв.

Таким образом нѣт никаких основаній видѣть в былинах Владимірова цикла только древняго южно-русскаго или кіевскаго наслѣдства. Именами кн. Владиміра и города Кіева в них могли быть объединены и связаны поэтическія произведенія разнаго времени, различнаго характера и различных мѣстностей древней Руси.

Из сказаннаго вытекают задачи настоящаго изслѣдованія и метод его.

Нужно развѣнчать зданіе кіевскаго эпоса, лишить его внѣшняго единства, разсматривать былины независимо от города Кіева и кн. Владиміра. В лишенных таким образом общей связи былинах отыскивать, какія принадлежатъ народному русскому творчеству, какія заимствованы; какія разсказывают о дѣйствительных исторических лицах и событіях, и какія суть лишь поэтическіе образы, чистыя созданія народной фантазіи; какія *несомнѣнно* зашли на сѣвер с юга, из Кіевской Руси и какія принадлежат Руси сѣверо-восточной (Владимірской и Московской). В результатѣ могут получиться данныя для рѣшенія вопросов: об историческом развитіи русскаго эпоса, о том, когда и как произошло объединеніе былеваго матеріала древней Руси в Кіевскій или Владиміров круг и — почему объединяющими принципами явились Кіев и Владимір.

Изученіе русскаго эпоса идет или сравнительным путем, или историческим. Взятый сам по себѣ ни тот, ни другой метод не приводит к вполнѣ убѣдительным выводам. Сравнительный метод большею частію приводит к тому же в результатѣ, с чего начинает: „сравни“. Разсужденія о заимствованіи, обыкновенно сопровождающія сравнительныя работы по народной поэзіи, оставляют за собой широкое поле недоумѣній и вопросов. Почему один народ запял у другого извѣстное сказаніе, почему усвоил его? В'частности, почему русскіе так много заимствовали? Нѣт ли здѣсь circulus vitiosus? Недостаточно, указав сходное сказаніе у другаго народа, заявить, что от него и данное

заимствовано. Нужно это доказать, и показать пути перехода заимствованнаго сказанія в народ; нужно объяснить еще, почему оно было усвоено народом. Вѣдь заимствованіе во многих случаях есть лишь ассимиляція своего с чужим. Не все в былинах туземное; заимствованія возможны всегда при общеніи народов между собою; нужно только меньше произвола и больше объективности в примѣненіи теоріи заимствованій. Такія общія основанія для объясненія перехода сказаній, как ссылки на буддизм, Византію, Татар и пр. потому самому мало убѣдительны, что слишком широки. Мнѣ кажется, что прежде нежели заявить, что данное сказаніе заимствовано, нужно доказать, что оно не могло быть создано тѣм народом, который, по предположенію, его заимствовал. Объяснять все исключительно с исторической точки зрѣнія тоже нельзя. Историческая народная пѣсня есть прежде всего поэтическое произведеніе, а не проза, и, стало быть, не исторія. Изслѣдователь может говорить об извѣстном историческом событіи только как о подлежащем исторической народной пѣснѣ; но и здѣсь нужна большая осторожность. Может быть, что пѣсня существовала раньше того историческаго факта, на который указывается как на подлежащее.

Истина по серединѣ. Нужно соединить оба метода в изслѣдованіи былин. Если извѣстное сказаніе выходит за предѣлы русскаго міра, — то сравненіе с сходными устными и письменными сказаніями других народов имѣет в виду рѣшить, лежит ли в основаніи его какой либо литературный оригинал, какая либо племенная повѣсть, зашедшіе извнѣ и усвоенные,—или первоначальный простой миф.

Если сравненіе с сказаніями других народов, с бытом, нравами, древней литературой и исторіей своего убѣдит, что извѣстный мотив принадлежит собственному русскому народному творчеству, тогда с полным правом можно примѣнить историческій метод объясненія былины. Цѣлью его будет показать:—какому приблизительно времени и мѣсту принадлежит извѣстное сказаніе, дѣйствительное ли лицо богатырь, о котором говорит былина, или—

поэтическій образъ, какова историческая судьба извѣстнаго мотива и под.

Громадная сравнительная работа по русскому эпосу была уже сдѣлана Ор. Ф. Миллеромъ въ сочин. „Илья Муромец и богатырство Кіевское“. В настоящее время она производится в широких размѣрах профессорами всеобщей исторіи литературы (Веселовскій, Кирпичников, Колмачевскій и др.). Не смотря на очевидные успѣхи, добытые сравнительным изученіем русскаго былеваго эпоса, — все-таки чувствуется настоятельная нужда в безпристрастном изученіи русскаго эпоса в связи с народной исторіей и бытом. К сожалѣнію, дѣятельность в этом направленіи должна пока ограничиваться весьма скромными размѣрами. Главные источники для этого — мѣстныя лѣтописи, сказанія, житія, о значеніи которых для исторіи русскаго эпоса говорил столько Буслаев, и теперь остаются terra incognita для желающих изучать русскій эпос в этом отношеніи.

Мы лично воспользовались всѣми тѣми печатными матеріалами, которые можно было достать в Харьковѣ [1]). Не желая повторять задов, мы старались указывать только на то, что было до сих пор незамѣчено или неизвѣстно.

Существующее дѣленіе былеваго матеріала на былины о *старшихъ богатыряхъ* и былины о *младшихъ* мы оставляем, как неточное и произвольное. Для удобства обозрѣнія мы дѣлаем попытку раздѣлить былевой матеріал иначе. Татарское иго оставило рѣзкіе слѣды в народной поэзіи.

---

[1]) Считаю долгом выразить глубокую благодарность слѣдующим лицам, помогавшим мнѣ в моей работѣ совѣтами, указаніями и книгами, профессорам: М. С. Дринову, А. И. Кирпичникову, А. С. Лебедеву, Н. И. Петрову, И. Я. Порфирьеву, А. А. Потебнѣ и А. И. Смирнову; инспектору Бѣлгородской гимназіи И. И. Цвѣткову, кандид. Харьк. Унив. Д. И. Эварницкому.

В ней отложился цѣлый цикл сказаній о борьбѣ с Татарами, заслонившій собою многіе образы предыдущей эпохи. За толстым слоем татарщины можно разсмотрѣть образы, относящіеся к болѣе раннему времени—это былины о нѣкоторых дружинниках XII и XIII в. Послѣднія былины, разумѣется, не сохраняются в своем первоначальном видѣ, а в значительно измѣненном; нѣкоторыя, впрочем, сохраняют черты довольно древнія. В кіевскій же круг введены и нѣкоторыя былины, сложившіяся уже послѣ татарскаго ига в пору Московскую. Таким образом, принимая за основаніе дѣленія *время* сложенія былин, мы раздѣляем весь былевой матеріал, составляющій Кіевскій или Владиміров цикл, на три группы: а) былины о богатырях періода до-татарскаго; б) былины о богатырях періода татарскаго и в) былины о богатырях періода послѣ-татарскаго или московскаго.

Изслѣдованію былин мы предпосылаем главу о названіи „богатыря“ в древней Руси.

Глава II.

Храбор — богатырь; поленица.

„В древне-русской письменности до самых Татар слово богатырь неупотребляется, *и самая мысль о героѣ, как кажется, неимѣла для себя в языкѣ установившейся одной опредѣленной формы.* Гдѣ бы слѣдовало сказать *богатырь,* мы встрѣчаем то *кмет* (в Сл. о П. Иг.), то *витязь* (в лѣт. Переяславск.), то просто *мужь, воин, храбрый* и др. Далѣе, в позднѣйших памятниках рядом с богатырем как бы в дополненіе мысли употребляется *удалец, рѣзвец* (в рязанск. пов. о Евп. Коловр.). Только со времен Татар и первоначально — сколько мнѣ извѣстно — только о татарских воеводах, стало употребляться слово богатырь и — что особенно важно — как варіант формы *богатур* (монг. baghatur). А именно в Ипатьевск. л. XIV—XV в. под 1240 г. между Батыевыми воеводами встрѣчаем Се Бѣдяй (вар. Себедяй) Богатур и Бурундай богатырь. При Богатур вар: древнѣйшій *багатырь,* позднѣйшій *богатырь.* Далѣе в том же Ипатск. сп. под 1243 г. читаем о том, как в Холм к Даніилу прибѣжал половчанин Актам и говорил: Батый воротился есть изо Угор и отрядил есть на тя два богатыря возъискати тебе Монѣмана и Балаа. Ясно, что слово *богатырь,* соотвѣтственно монгольскому обычаю, употреблялось в наших лѣтописях в видѣ титула при собственномъ имени“ (Буслав. Отчет о XIV присужд. наград гр. Уварова. СПб. 1872, стр. 80).

Мы имѣем, кажется, несомнѣнныя данныя, что *в древней Руси мысль о героѣ имѣла одну твердо установленную форму.* Таковой было—*храбор* v. *хоробор,* поздн. *хоробер.* С словом *храбор* соединялось тоже представленіе,

что и с теперешним названіем героя *богатырь*. Приведем собранныя нами данныя о значеніи этого слова.

Храбръ (Mikl.), **храбъръ** (Восток.) значило первоначально *воин*, pugnator μαχητης, στρατιωτης; позднѣе получило значеніе *храбраго воина, героя, богатыря*: и оубише 2400 храбрихь титовихь, т. е. воинов (Гласник X 222).

Ороужьıє бо наше ıесть тѣло, а душа храбъръ (Вост. Словарь).

Ты оубо постражи яко добрый храбъръ Іѣсъ Хѣъ (яко добрый воин) (ibid.).

В обращеніи „блаженнаго учителя нашего Константина философа" к Славянам „о словѣ боукъвьıемъ": пріимшіи буквы сіи примутъ мудрость, побѣдж приносѧште добрж богоу.... не падаѭштіи, крѣпъко же стоѭште къ богу ıвльщесѧ ıко храбъры, стоѭштіи одесныѭ божıа прѣстола, ıегда огнемь сѫдить ıзыкомь (Изв. II отд. Ак. Н. т. VII, стр. 146).

Даніил рече: храбра, княже, борзо добудеши, а умный дорогъ есть (Бусл. Христ. для гимназ. 137).

Великаго мню Антонія крѣпка храбра и побѣдившаго силою крестною духи непріязненныя (Прав. Собесѣдн. 1858 г. 3 кн. 142).

В слѣдующих мѣстах *храборъ* значит болѣе чѣм *воин*; полагаю, прямо — *герой, богатырь*:

Ни цр҃ь же отъ ороужіа довольную помощь имать на спасеніе, ни храборъ на все довлѣти есть мощенъ (Вост. Словарь).

...Илию огньна ѳеиротеча, Самъсона прѣсильна храбъра... Горск. и Невостр. Опис. II, 2, 430.

Аще имаше единого храбра въ воихъ своих. единому на сѣчю вынити на единого сѣчьця Персянина (Срезневск. Свѣд. и Зам. в. I, 23).

И бѣ у него (Володимера) Добрыня воевода и храборъ и наряденъ мужъ (П. С. Р. Л. I, 131).

В житіи Ефросиніи Полоцкой: жалость бѣ всѣмъ въ дому (кн. Всеслава) о ней (Ефросиніи). Преподобная же Ефросинія сего небрежаше жалости отца своего; но яко

доблій храборъ, вооружившися на сопротивника своего діавола пробываше в Монастыри (Пам. стар. рус. литер. IV, 174).

В предисловіи к одной рус. редакціи Александріи Александр Македонскій назван *подобль храборъ*. Замѣчательно выраженіе — *добль храбор* и *подобль храборъ:* оно буква в букву соотвѣтствует теперешнему — *славный богатырь*.

По Даріи же Арсѫмоуанинѣ царьствова Ал. Македоньскый лѣт 12; образ же рожества и доблесть мужества и еже в ратѣхъ вазни (fortuna) и добраа дѣла хощем сказати по ряду. *и яко и самъ подобль мнится быти храборъ Александръ Макыдоньскый, яко все строивъ и поспѣвающе емоу имѣай присно къ добромоу дѣлоу помышленія. Толико бо лѣтъ проводи со всѣми языкы брань творя и біяся яко же неможаху.* Хотящіи градж по извѣстоу списати (А. Попов. Обзор Хроногр. рус. редакц. 79). Это мѣсто для нас весьма важно: в нем ясно выражено воззрѣніе русскаго книжника на храбра замѣчательно сходное с теперешним понятіем о богатырѣ. Ал. Македон. называется *храбром* потому, что много лѣт вел безпрестанную борьбу со многими народами; в этой борьбѣ он был счастлив и непобѣдим: богатыри служат Владиміру до старости, проводя жизнь в постоянных схватках с врагами русской земли. При своих успѣхах Македонскій храбор „имѣай присно къ доброму дѣлу помышленія“: вспомним завѣт крестьянина Ивана Тимофеевича своему дѣтищу Ильѣ Муромцу—

Не помысли злом на Татарина,
Не убей в чистом полѣ христіанина

Битвы—главная сфера дѣятельности храбров; в сраженіях и обнаруживалась их удаль, *храбърство:* уже бо яко орли слеталися со всей русской земли, съѣхадися дивныя удальцы храбрыхъ своихъ пытати (Сказ. о Мамаев. побоищѣ. Сахар. I, 72).

Слѣдующее мѣсто из житія Ал. Невскаго интересно в том отношеніи, что дает понятіе о том, за какіе подвиги

служилые люди получали прозваніе храбров: в Невской битвѣ „явившася в полку (Александра Невскаго) шесть мужь храбрыхъ съ самѣм с ним (Ал.). Един именем Гаврило Олексич се наѣха на шнеку, видѣв королевича мча под руку и възѣѣха по досцѣ и до самаго корабля, по ней же хожаху съ королевичемъ: иже текоша перед ним, а самаго емше свергоша и с конем в воду с доскы и божьею милостію неврежен бысть, и пакы наѣха и бися с самѣм воеводою среди полку их. 2 имен. Сбыслав Якунович Новгородец: се наѣха многажды на полк ихъ и бьяшеться единѣм топором, не имѣя страха в душѣ своей, и паде нѣколико от руку его и подивишася силѣ и храбръству его. 3. Яков родом Половчанин, ловчій бѣ у князя: се наѣха на полк с мечем и похвали его князь. 4. Новгородѣц Мѣша: се пѣшь натече на корабли и погуби три корабли с дружиною своею. 5. от молодых его имен. Сава: се въѣха в шатер великій златоверхій, и подсече столбъ шатерный, полци Александровы, видѣвше шатра паденье, возрадовашася. 6. от слуг его именемъ Ратмѣр: се бися пѣшь, и оступиша и мнози, он же отъ многих ран паде и тако скончася (Лавр. л. 206).

Подобно богатырям, окружающим князя Владиміра, и русскіе храбры собирались около наиболѣе видных князей: бяху же у Александра князя (Невскаго) много храбрыхъ, яко же древле у царя Давида, сильніи и крѣпціи (Тверск. л. под 1224 г.).

И бысть Васильеви (брату Александра Тверскаго) Тверский столъ держащу, Михайлови же возмужавшу, возмагающу, и познавашеся ото всѣхъ человѣкъ, яко сы хощетъ Богъ свободити люди своя отъ великія нужа и иноплеменникъ и величаху людіе зѣло и мнози дары прихождаху къ нему, вси сынове тверстіи прилагахуся к нему и храбри служаху ему (П. С. Р. Л. XV, 468). Высшей похвалой для кн. Михаила Тверскаго служит, по воззрѣнію автора, то, что ему служат *храбры*. Таким образом не эпической только чертой наших былин оказывается то, что в них обыкновенно около богатыря собирается *дружинушка хоро-*

брая, т. е. по старинному *дружина храбров*. Как видно, в условіях древне-русской жизни заключаются и основанія того, что в наших былинах богатыри собраны на службѣ идеальнаго князя Владиміра Стольно-Кіевскаго.

В тверск. л. помѣщено сказаніе о дѣятельности мѣстных ростовских героев — Александра Поповича, Тимони — Златой пояс и др. Герои эти называются *храбрами* прямо уже в смыслѣ *богатырей*.

В современной русской рѣчи слово *храбор* уцѣлѣло в сказках и пѣснях в формѣ *хоробер* и *храбръ* (м. б. храбор).

В былинах оно почти невстрѣчается. Кажется уцѣлѣло напр. в слѣд. мѣстах:

Ай же ты Добрынюшка Никитинич,
Пріѣхал ли ты да не по старому
Королю храбру да в услуженіе
Гильферд. 673.

И шол ли Щурилушка Щапленкович
И шол ли он к королю храбру,
Да нанялся к королю храбру,
Да на десять лѣт да в услуженіе
ibid. 678.

Сказочный богатырь *Бур-хоробер* или *Бур-храбор* тоже, что — Буря — *богатырь* (Потебня. К исторіи звуков, III, 77).

Замѣчательным остатком существовавших в старину лирических пѣсен о хоробрах является слѣд. хороводная (Сахаров. Сказ. р. н. I), подлинность и древность которой неподлежит сомнѣнію (А. А. Потебня. Объясненія мр. п., 52).

Княжій сын хоробер
Да ты что ходишь, гуляешь?
Княжій сын хоробер
Да ты что примѣчаешь?
Скажу вам, друзья, подруженьки,
Как хожу я, как гуляю,
Как хожу я, как примѣчаю

Все свою лишь молодую.
Вѣдь моя то княгиня,
Вѣдь моя то молодая
В Новѣгородѣ гуляет,
На торговой сторонѣ играет.
Уж на моей ли княгинѣ,
Уж на моей ли молодой
Красен вѣнчик сіяет,
Сарафан на ней камчатный,
Убрусец весь жемчужный,
Алы бархатны башмачки,
Два яхонта во серьгах,
Два алмаза во глазах
Со походкой лебединой,
Со поступью орлиной.

Сахар. Хоровод. п. N 31.

варіант:

Во се хоробер,
Во се хоробер!
Да что ходишь, гуляешь,
Что примѣчаешь?
Я хожу, я гуляю,
Я в хороводѣ примѣчаю
Свою подруженьку.
Вѣдь моя-то молодая,
Вѣдь моя-то княгиня
В Новѣгородѣ гуляет,
На торговой сторонѣ играет.
Уж на моей ли княгинѣ,
Уж на моей ли молодой
Красен вѣнчик сіяет,
Сарафан на ней камчатный,
Убрусец весь жемчужный,
Алы бархатны башмачки,
Два яхонта во серьгах,
Два алмаза во глазах,
Со походкой лебединой,

Со поступью соболиной.
Во се моя молодая!
Во се моя княгиня!
Ты войди, хоробер,
Ты войди в хоровод,
Ты возьми молодую
Ты возьми княгиню (ibid. 61).

„При пѣніи этой п. хороводные раздѣляются на двѣ половины, и стоят обѣ половины одна против другой. Между ними ходит *хоробер* и поет вмѣстѣ с игроками пѣсню. Под конец пѣсни хороводные сходятся вмѣстѣ, составляют круг и ходят обыкновенным порядком“ (Сахаров, I, стр. 81). Судя по этой п. слово *храбор* имѣло значеніе не только героя, но и вообще „добраго молодца“ суженаго. Вообще, в языках близки представленія *сильнаго, мужественнаго, храбраго* с одной стороны и *мужа, любовника*— с другой. Ср. русск. *мужъ* в значеніи *супруга* и *воина*; греч. ἀνήρ знач. *способный носить оружіе* и *любовник*; греч. πόσις супруг и лат. potis одного корня с pot-ens и пр. Богатырями в наших былинах называются не только герои, отличающіеся воинскими подвигами, как Илья Муромец, Ал. Попович и др., но и такіе *мо́лодцы*, женихи, как Чурило Пленкович, Дюк Степанович, Соловей Будимірович, которым нѣт дѣла до врагов Свято-Русь-земли.

С пѣсней о хоробрѣ, сопровождаемой игрой, можно сравнить пѣсню о Чурилѣ, также сопровождаемую танцем (Pokucie, Kolberg, II, 155).

Что касается самой формы *хоробер*, то она предполагает *хоробор*, встрѣчающуюся в лѣтописях, напр. в Ипатской: Владимір Галицкій бысть философъ великъ и ловецъ хитръ, *хороборъ*, кротокъ, смиренъ... татьбы ненавидѣше (П. С. Р. Л. II 221).

С тѣм же значеніем, что̀ на Руси, слово *храбар* употребляется у Сербов. Кромѣ *fortis*, *храбар* значит—юнак, heros, miles strenuus: (Богишић Нар. пјесм. в Словарѣ)

Три ти гласа допаднули храбре Марку Краљевићу
ibid. N 7 ст. 1.

Кад је дош'о храбре Марко у славноме у Цариграду
Краљевићу Марко
Стаде ти ми храбре Марко силну цару говорити.
(ibid. ст. 46—7).

В слѣд. мѣстах слову *храбар* может быть придано значеніе „молодца“, пожалуй, суженаго, жениха, как раз в параллель с приведенной великорусской п.:

Освану звезда на ведром небу
Рабар девојци пред белим двором.
(Карадж. Рѣчник. сл. *рабар*).

Hrabar mladi kupus sadi,
Djevojka mu ručak nosi.
Djevojčicu hrabar prosi:
Daj to, djevo, zdravo t' živo.
Ona veli: i ne želi
Sto t' ne more, hrabro biti.
Stari pisc. Hrv. VII, 114. из Сл. Еж. 1878, 258.

Тоже слово в формѣ имени существительнаго встрѣчается и у других Славян. Ср. у Болгар извѣстн. черноризец *Храбръ*. В польск. грамат. до XIV в. нерѣдко встрѣчается собственное имя Chrober (Бодуэн-де-Куртенэ, О древне-польск. яз., стр. 48). Кроатск. hrabar. Корень слова Miklosich опредѣляет санскритским srbh знач. ferire (Lexic. сл. храбръ).

Приведенныя данныя касательно употребленія и значенія сл. храбор в древне-русском, полагаю, представляют достаточно прочное основаніе для рѣшенія „спорнаго вопроса о происхожденіи у нас слова богатырь“ (Галахов, Истор. рус. слов. I, 20).

Татарское иго на сѣверѣ Руси произвело великую революцію в области народнаго поэтическаго творчества. Поле эпоса оживилось вступленіем новаго матеріала, вызваннаго борьбой с Татарами. Должны были появиться пѣсни и сказанія о борьбѣ русских храбров с татарскими *богатурами*. Замѣчательно, что в ранних письменных эпических сказаніях, относящихся к эпохѣ борьбы с Татарами, русскіе герои не называются богатырями; послѣднее названіе ис-

ключительно приписывается татарским витязям. В сказаніи о Меркуріи Смоленском: с Батыем „нѣкто бѣ исполин, богатырь именуемъ, с сыном своим, его же имя повѣсть умолча (Фил. Зап. 1881 г. N 3, 42). В сказ. о Мамаев. побоищѣ: и паки на иное мѣсто пріиде (Дим. Донской), найде... Бренка и близи Пересвѣтъ чернецъ близь нарочитаго богатыря лежаща (Сахаров. Сказ. р. н. I, 81). В Задонщинѣ же Пересвѣт назван хоробрым: тогда же лѣпо было стару помолодитися: хоробрый Пересвѣт поскакивает на своем вѣщем сивцѣ, свистом поля перегороди а ркучи таково слово... (Буслаев. Христ. для ср. уч з., 207).

Соблюденіе строгаго и систематическаго различенія в употребленіи двух синонимов—своего—*храбор* для своих героев, чужаго—*богатыръ*—для чужих—немогло долго удерживаться в пѣснях и обыденной рѣчи. Послѣдовало сначала безразличное употребленіе обоих слов, а затѣм—замѣна туземнаго слова чужим. Почему замѣна совершилась в пользу чужаго слова—рѣшить трудно. Ни страннаго, ни невозможнаго здѣсь нѣт ничего: извѣстны случаи замѣны без особенной нужды туземных слов, обыденных и весьма реальных в бытовом отношеніи,—чужими. Может быть, такой замѣной имѣлось в виду противопоставить татарским богатырям своих таких же (Ист. рус. слов. Галахова I, 20).

Храбры—были служилые люди, отличавшіеся своею силою и удалью. В представленіи о них не было ничего сверхъестественнаго, сказочнаго: их образ, по приведенным нами данным, вполнѣ реален. Для выраженія понятія *гиганта* существовало в старинном русском языкѣ особое слово, уцѣлѣвшее и до сих пор в былинах. В одной русской редакціи хроники Георгія Амартола в числѣ других чисто русских слов встрѣчается *полоникъ*: бысть нѣкыи гигантии рекомыи полоникъ, имя ему Невъродъ. Родишася гигантове, еже сказуется полоници. Рожахуся гиганте, рекше полоници. Слово *полоникъ*, замѣчает Срезневскій,

во всѣх случаях есть прибавленіе славянское, неимѣющее в греческом подлинникѣ соотвѣтственнаго выраженія“ (Св. и Замѣтки I, 21).

Другая форма того же слова: *польникъ*, *испольникъ*: гиганте рекше полницы; отъ гиганта, рекше отъ полникъ (Miklos. Lexic.) Vocabulum dubium замѣч. Miklosich.

Полагаю, что теперешній былинный синоним богатыря (мущины и женщины) — поляница, паленица, полянiченька — может быть возведен к болѣе древней формѣ *полоникъ* или *польникъ*. Форма *поленица* могла возникнуть вслѣдствіе ошибочной народной этимологіи. Именит. множ. ч. от польникъ — *польници* был понят происшедшим от существит. оканчивающагося в именит. ед. на -ца, по аналогіи напр. — *волчицы—волчица*, *горлицы—горлица* и др. Разумѣется, такая аналогія могла имѣть мѣсто послѣ совершившейся замѣны окончаній именительн. множеств. ч. ци, си, зи окончаніями винительнаго ки, хи, ги (дуси—духы—духи, человѣци—человѣкы—человѣки и др.), когда явилась потребность уцѣлѣвшую в былинах архаическую форму именит. множ. *поляници*, *паленицы*=стар. польници

[Сильніи русскіи могучіи богатыри
Славны поляници вси удалыи
Гильферд. 503.
Были русскіе могучіе богатыри
Тыи поляницы были удалые. ibid. 663].

привести в связь с склоненіем.

РЯД ПЕРВЫЙ:

БОГАТЫРИ ПЕРІОДА ДО-ТАТАРСКАГО.

1. Добрыня Никитич.

Глава III.

Несомнѣнно, в основѣ великорусских сказаній о Володимірѣ и Добрынѣ лежат зашедшія на сѣвер южно-русскія, кіевскія преданія о Владимірѣ I и дядѣ его Добрынѣ. Историческія преданія и пѣсни об этих лицах, связанных уже начальною лѣтописью, вѣроятно, и легли в основаніе Владимірова цикла былин. Вмѣстѣ с нѣкоторыми другими, тоже зашедшими на сѣвер, кіевскими сказаніями, онѣ составили на сѣверо-востокѣ Руси эпическій круг, впослѣдствіи ассимилировавшій себѣ и чисто мѣстныя сѣверно-русскія сказанія.

В современных былинах о Добрынѣ и Владимірѣ трудно указать, какія—остаток кіевской старины, и какія возникли спеціально на сѣверѣ. Можно с большою достовѣрностью полагать лишь, что былина о женидьбѣ Володимира представляет древне-кіевское наслѣдство. В болѣе древней формѣ она является в извѣстном лѣтописном сказаніи о женидьбѣ Владимира на Рогнѣдѣ—Горнславѣ, записанном со слов „вѣдущих“, т. е. пѣснотворцев (см. П. С Р. Л. IX 155 - 6). Не сохранив на себѣ пѣсеннаго склада, оно интересно, как отраженіе ходивших в народѣ разсказов на тот же мотив.

Из былевых мотивов, связанных с именем Добрыни, разсмотрим здѣсь два: а) о встрѣчѣ Добрыни с великаншей, поленицей и б) об измѣнѣ жены Добрыни.

А. Освободив Запаву Путятичну от змѣя, Добрыня возвращается в Кіев-град. Наѣзжает в чистом полѣ пскопоть велікую; ѣдет тою ископотью, —

Наѣзжае он богатыря в чистом поли,
А сидит богатырь на добром кони,
А сидит богатырь в платьях женскіих.
Говорит Добрыня сын Никитич:
Еже не богатырь на добром кони,
Есть же поляница знать удалая,
А кака на тут дѣвица, либо женщина.

Подъѣхал Добрыня к богатыршѣ, ударил ее палицей по буйной головѣ,—

А сидит же поляница, песворохнется,
А назад тут поляница неоглянется.

Удивленный Добрыня сомнѣвается в своей силѣ:

Смѣлость у Добрынюшки по прежнему,
Видно сила у Добрыни не по старому.

Пробует силу на сыром дубу в объем человѣческій: от одного удара его дуб разбивается по ластиньям. Возвращается к паленицѣ, ударяет ее палицей, та опять удара нечувствует... Послѣ третьяго только удара —

На кони сидит поляница, сворохнулась
И назад же поляница оглянулась:
Говорит же поляница да удалая:
Думала же русскіи комарики покусывают,
Ажно русскіи богатыри пощалкивают!

Схватила Добрыню за желты кудри, сдернула долой с коня и спрятала в глубокій кожаный мѣшок; в варіантѣ — положила в глубокій карман (Кирѣевск. II 29). Коню поленицы стало тяжело везти двух богатырей.

Не могу везти да двух богатырей, гов. он,
Силою богатырь супротив тебя,
Смѣлостью богатырь да вдвоем тебя.

Богатырша вынула Добрыню из мѣшка с такими словами:

Старый богатырь да матерыи,
Назову я пунь себѣ-ка-ва да батюшкой;
Ежели богатырь нам прилюбится,
Назову я себѣ другом да любимыим;
Ежели богатырь неприлюбится,
На долонь кладу, другой прижму,
И в овсяный блин его да сдѣлаю.

Погатырь полюбился полеиицѣ; она вынуждает его дать заповѣдь великую—взять ее в замужество:

А не сдѣлаешь ты заповѣди да великія,
На долонь кладу, другой сверху прижму
Сдѣлаю тебя я да в овсяный блин.

В Кіевѣ они берут по злату вѣнцу (Гильферд. Онежск. б. 37—39).

Из иноелавянских сказаній с этой былиной можно сравнить слѣдующую сербскую п. о том, как перепугался Марко („Марко Краљевић и джидовка“ Крал. Марко у народи. пјесмах. I. Филиповић. Загреб 1880 N XV). Раз Марко Королевич отправился на богомолье в монастырь с двумя побратимами: Милошем и Релей. Друзья ѣхали сначала полем, потом вступили в горную, лѣсистую мѣстность. Среди лѣса юнаки замѣтили на дорогѣ перо (крило) птицы Ноя (в рус. сказан. Ног, Нога). Перо лежало поперек дороги и мѣшало юнакам пройти. Ни Реля, ни Милош, ни Марко не были в состояніи поднять перо и отбросить в сторону от дороги. Пришлось саблями просѣчь лѣс и проложить дорогу около пера. Пріѣхав к монастырю, юнаки расположились пить вино в пивницѣ.

Ја сам сио, разсказывает Марко, до врата пивници,
Па на врата у сбор погледао;
Кад на сбору шетала дивојка,
За пасом јој од злата преслица,
А у руци сребрено вретено,
За ухом јој Ноја тице крило,
Управила каменой пивници
И униде к нама у пивницу.

Како сам се до врата трефио,
И до мене та стаде дивојка,
Низа се је спустила вретено,
На моју га чизму наслонила.
Како га је наслонила, мајко,
Кан' да ми је ватру наложила.

Дѣва спросила юнаков, не знают ли они Кралевича Марка. Реля и Милош сказали, что незнают, а Марко промолчал. Дѣва сняла веретено с ноги Марка и вышла вон. Марко вышел из пивницы, догнал дѣву и спросил, для чего ей нужен Королевич Марко.

Ја бих рада тог видити Марка,

отвѣчает она,

Би л' ми мог'о бити ђувеглија.

Когда Марко признался, дѣва

Вретено је подигнула на ме
И ћиде ме ударити њиме.
Туде сам се препануо, мајко,
И побигох од оте дивојке.
Она ме је кроз сбор пођерала,
Ја потекох у цркву утећи.
Кад видила джидовка дивојка
Да ћу јунак утећи у цркву,
Вретеном се за мном јест хитила.
Да ме буде њиме погодила
Била би ме мртва учинила.
Изнад мене вретено хитила,
Мене схвати витар од вретена,
И на мах сам посрнуо, мајко,
И у цркву утекох дивојки.

Дѣва стала перед церковью, а Марко у церковных ворот. Спѣла тетива у туга Маркова лука, угодила стрѣла прямо в сердце жидовкѣ-дѣвушкѣ. Марко подбѣжал к убитой, разсѣк ее на полы и стал разсматривать ея сердце.

Кад у њојзи три срца бијаху:
Једно јој се заиграло на ме,
А друго се само заиграва

А треће јој за бој и незнаде,
На нем лежи змија од три главе;
Да ми буде змија опазила,
Била би ме она уморила. (стр. 104—9).

Ср. Болгарск. п. в сборникѣ В. Качановскаго N 170 „М. Корол. убивает дѣвушку Арватку".

Представленная в этой п. великанша — дѣва с золотой прялкой и исполинским веретеном напоминает дѣв судьбы французских и нѣмецких сказаній. По французским сказаніям дѣвы судьбы, подобно нѣмецким великаншам, носят на головѣ или в передникѣ огромные куски скал, а свободною рукою в тоже самое время кружат *веретено* (Афанасьев. Поэт. Воззр. Сл. на прир. III 348). В Германіи в нѣкоторых мѣстностях передаются разсказы о трех дѣвах судьбы, вѣщія пѣсни которых раздаются при родинах, свадьбѣ и похоронах. У каждой из них имѣется *прялка* со льном, а в руках — *веретено*. Онѣ прядут веревку, протягивая с одной горы на другую (ibid. 354).

Дѣвы судьбы, прядущія нить человѣческой жизни, принадлежат и славянской мифологіи. Ганка упоминает о мифических пряхах licho-plezi (плетущія лихо), соотвѣтствующих паркам; Болгары знают *златну бабу*, которая научила женщин прясть и ткать. Сербск. *вила* указывает в ней пряху (от слова *вить*), т. е. дѣву прядущую нить жизни, а вмѣстѣ и повитуху, присутствующую и помогающую в родах (Афанасьев. ibid. 342).

Но образ славянских вѣщих прях — рожаниц не на столько ясен, чтобы можно было приведенный сербскій разсказ считать вполнѣ туземным. Скорѣй, образ исполинской пряхи „жидовки дѣвушки" мог быть заимствован из нѣмецких сказаній. Самый мотив пѣсни мог быть народным: разсказы о сношеніях юнаков с мифическими дѣвами—вилами, самовилами очень распространены у Сербов и Болгар.

С былиной о встрѣчѣ Добрыни с поленицей замѣчательно сходно одно кавказское сказаніе из круга нартовских.

На Кавказѣ, у Татар-Горцев, Кабардинцев и др. племен существует мало изслѣдованный пока круг эпическихъ сказаній о Нартах. Нарты—тоже, что наши богатыри: они и „храбры“ и „поленицы“. „Нѣкоторыя поговорки, употребляемыя в настоящее время Татарами-Горцами и Кабардинцами, хотя немногими, но яркими чертами намѣчают образ нарта. „Он храбр, хитер, силен, — он молодец, как нарт“ говорят о каком нибудь благородном узденѣ; „он строен, статен, как нарт“ говорят Горцы про человѣка, отличающагося между другими величественной и привлекательной наружностью и прославившагося подвигами благородства, безстрашія и силы. Таким образом, названіе нарт в устах народа стало нарицательным и употребляется как синоним „удалаго добраго молодца“. Равным образом сказанія гласят, что нарты были народ огромнаго роста и необъятной силы, народ, закаленный в перенесеніи трудностей и лишеній. Они проводили жизнь свою главным образом в исканіи опасностей и приключеній, в набѣгах с цѣлію добычи, а также в особых странствованіях, называемых джортуулами“ (Матеріалы для описанія мѣстностей и племен Кавказа. I. Тифлис 1881, отд. 2, стр. II).

Одним из основных мотивов нартовскаго эпоса являются сказанія о встрѣчѣ Нартов с *Эмегенами*. Эмегены отличались, как и Нарты, огромной физической силою и гигантским ростом и вмѣстѣ с тѣм глупостью; у них небыло никакой сообразительности и хитрости. „По нѣкоторым сказаніям, у них было много голов и один глаз во лбу. Между Нартами и Эмегенами велась постоянная борьба, в которой, благодаря своему умственному превосходству, Нарты всегда оставались побѣдителями, не смотря на то, что Эмегены обладали несравненно большим ростом и физической силой. Нарты питали к ним постоянную ненависть за то, что Эмегены ѣли человѣческое мясо и, когда попадал к ним кто-нибудь из Нартов, старались невыпускать его живым из своих рук“ (ibid. II—III).

Вот какой разсказ существует у Татар-Горцев Пятигорскаго округа о том, как женился нарт Алауган.

Уже под старость Алауган вздумал поискать себѣ невѣсту. Осѣдлав своего копя Гемуду и надѣв на себя оружіе, Алауган выѣхал из партовских селеній. Долго он ѣхал по красивым партским землям и наконец завидѣл вдали какое-то черное пятно, которое, по мѣрѣ его приближенія, постепенно все увеличивалось. Когда Алауган подъѣхал к нему, то глазам его представилась громадной величины женщина „Эмегена", с откинутыми назад через плечо персями: она зачиняла трещины земли при помощи иглы, которая была величиной с хорошее бревно, а нитка—как аркан.

При видѣ такой громадины Алауган совершенно оробѣл, и незнал, на что рѣшиться. „Если пуститься бѣжать, разсуждал он, то Эмегена догонит и, навѣрно, съѣст; а не бѣжать и подойти к ней—страшно". Думал, думал и, наконец, рѣшился он потихоньку подойти к ней сзади и тотчас взять ея перси себѣ в рот, и таким образом сразу стать ея молочным сыном. Так он и сдѣлал. Эмегена быстро обернула голову назад и, увидѣв Алаугана, проговорила: „ах, как жаль, что ты так скоро сдѣлался моим ребенком; а то был бы для меня сладким кусочком..." Алауган, желая показать себя петрусом, отвѣтил ей на это: ах, как жаль, что ты так скоро стала моею матерью; а то послужила бы отличной приправой для моего „сырпына".

Употребленный Алауганом пріем — locus communis кавказских сказаній. Ср. напр. в одной Аварской сказкѣ, царевич, отправившійся искать чудеснаго морскаго коня, пріѣхал в дремучій лѣс. Послѣ долгих блужданій по лѣсу, он увидѣл дом, окруженный башнями и частоколом из стальных кольев. Царевич вошел в дом,—видит: сидит великанша, головой как бы в потолок уперлась. Бросился к ней царевич и приложился губами к ея груди. „Теперь ты мой сын, а я твоя мать", сказала великанша, — если бы ты неприкоснулся к моей груди, то вот что я с тобой бы сдѣлала. С этими словами разорвала она кошку на двое и, сунув в золу, проглотила ее". (Сборн. свѣд. о Кавк. Горц. II стр. 10 Нар. сказ.).

Эмегена спросила у Алаугана о том, куда и за чѣм он ѣдет. Тот разсказал ей, что до старости оставался холостым, а теперь ѣдет отыскивать себѣ невѣсту.

„Ах, как это кстати! я тоже вышла из дому, чтобы найти жениха для своей единственной прекрасной дочери; вот право, какое счастливое совпаденіе! Пойдем к ней: увидѣв ее, ты, конечно, полюбишь ее!“ Бѣдный Алауган с досады кусал себѣ губы, но дѣлать было нечего; из опасенія за свою жизнь, он должен был волей-неволей согласиться на предложеніе Эмегены, и они вмѣстѣ отправились в путь. Вскорѣ они пришли к громадной скалѣ, в которой была большая пещера, заложенная тяжелым каменным засовом. Эмегена одной рукой отодвинула засов, и они вошли внутрь скалы. Долго они шли, то опускаясь, то поднимаясь, по тѣсным проходам, наконец Алауган увидѣл впереди мерцающій огонек. Когда приблизились к нему, послышался чей-то радостный крик: „слышу людской запах,—вот-то будет славная закуска!“ Это был голос Эмегениной дочери.

Мать остановила ее, сказав, что это она привела ей жениха. Каково же было изумленіе Алаугана, когда он увидѣл громадную и страшно уродливую дѣву: зубы у ней были так велики, что нижніе клыки доставали до носу, а верхніе опускались ниже подбородка. Нечего дѣлать, пришлось Алаугану жениться на такой уродинѣ. Переночевав, Алауган взял свою невѣсту, посадил ее на лошадь, а сам сѣл позади ея. Едва отъѣхали нѣсколько шагов, как у Гемуды согнулась спина от тяжести, а живот опустился чуть не до земли. Вслѣдствіе этого Алаугану пришлось слѣзть и, ведя лошадь за узду, идти впереди. От Эмегены родился сын, которому дано было имя Шауай. (Матеріалы для описс. мѣстност. и плем. Кавказа I, 1881 г. Тифл. II стр. 8—10).

Сходство между русским и кавказским сказаніями так очевидно и так велико, что склоняет мысль установить между ними болѣе близкое отношеніе, чѣм простое сравненіе.

Мужественныя женщины в.-русскаго эпоса — жены Ставра, Дуная, Данилы Ловчанина рѣзко отличаются от странных, уродливых по своим особенностям, образов полениц — великанш. Тѣ стоят в органической связи с народной жизнью, не противорѣчат данным исторіи и быта. Великанши—полеиицы слабо связаны с народным эпосом и исторіей, сказанія о них являются какими-то отрывками, примыкающими совсѣм к другому, нерусскому, порядку отношеній. Кавказское сказаніе органически примыкает к мѣстному эпосу; образ Эмегенов стоит в связи с исполинской природой страны и, может быть, с исторіей.

Образ женщины великанши русских былин мог быть заимствован из кавказских сказаній. Отрывочныя сказанія о кавказских поленицах—Эмегенах могли зайти на Русь и удержаться здѣсь до наших времен, сохранив на себѣ слѣды отношеній своей кавказской родины. Встрѣча наших поленпц с богатырями всегда враждебна. Как Эмегены, онѣ жестоки и кровожадны:

Если богатырь не прилюбится,
На долонь кладу, другой прижму
И в овсяный блин его да сдѣлаю.

Как Эмегены, онѣ глупы:

Силою богатырь супротив тебя,
Смѣлостью богатырь да *вдвоем* тебя.

Баба горынинка показывает Добрынѣ Никитичу, побѣдившему ее в бою, и Ильѣ Муромцу свой погреб, в котором было золото и серебро.

Эмегены живут в горных пещерах: в русск. сказаніях паленицы называются—баба *Горынинка*, Златы-*горка* и др.

Связи Руси с Кавказом во всѣ періоды нашей исторіи были так живы и постоянны, что a priori можно было ожидать встрѣчи с вопросом об отношеніи кавказских народных сказаній к русскому народному творчеству. Народы, осѣвшіе на этом этнографическом днѣ великой Европейской равнины, находились в частом и долгом общеніи с югом и востоком Руси. Непремѣнно должны были отразиться в народном творчествѣ слѣды их вліянія, как

отразились они в языкѣ, бытѣ, общем складѣ русской народности (Сухомлинов. О языкознаніи в древн. Россіи, стр. 18—29. Пыпин. Историч. оч. рус. народности В. Е. 1884. Октябрь).

Позднѣе, козачество Запорожское и Донское было естественным проводником кавказских мотивов на Русь.

Loci communes русских былин — шелки *шемаханскіе*, сѣдла *Черкасскія*, Черкесы *Пятигорскіе* объясняются именно живыми сношеніями с Кавказом.

С цѣлію придать наибольшую устойчивость нашему предположенію о возможности вліянія кавказских партовских сказаній на русскій эпос, укажем на аналогичный случай из области мало-русской народной словесности.

В урочищѣ „Буняково Замчище“ около села Деревичи Новградволынскаго у., разсказывает преданіе, жил когда-то лицарь „Шолудивый Буняка“. І був той лицарь не аби який,— навіть і тілом не такий як повинно бути людини: мало того, шо страшенно великий, ще, выбачайте, у ёго печінки й легке та були на версі, отак от і стреміли за плечіма“. Всѣ его боялись, потому что он был людоѣд: пожирал хлопцев, которых приводили к нему по очереди. Вот пришла очередь одному хлопцу, который был единственный сын у матери. Мать при прощаньи с сыном сдѣлала слѣдующее: пішла, націрвала у себе з грудей покорму, замісіла з того покорму тіста, спекла періжків, та даючи их своему хлопцеві й каже: „на ж, тобі оці періжки, а ось що з ними зроби: як пріидеш до Буняки, то конешне підведи ёго, щоб він хоч единого періжка ззів оцім ти маеш визволитися, бо як Буняка наіється моіх періжків, то вже тебе незайме, для того, що вважатиме тебе за брата (то б то через іі покорм).

Хлопцу удалось дать пирожок Буняку; тот съѣл его, зараз і почуяв, яка в іх була заправа. „Ну, каже, хлопче, дякуй своей матери, що так мудро вхитрувалася: теперь ти еси вызволеный від смерти, не можу бо я тобі того лиха заподіяти через те, що ти стався мені братом.

Ночью хлопец, подкравшись к спящему Буняку, от-

рѣзал ему печенки и таким образом и сам избавился от смерти и страну освободил от врага (Драгоманов. Малорус. народ. пред. и разсказы 224—5).

Имя великана напоминает Половецкаго хана Буняка, разорявшаго южно-русскія области в концѣ XI ст. В мѣстностях при-Днѣстровских ходят о том же лицѣ и болѣе историчныя преданія (см. Kolberg, Pokucie I, 345—6); сохранилась даже пѣсня:

Що ж то за диви!
Може Буняк соладиви?
Кажут єго череда
Пришла нас вигнати.
Лише дадут єму знати,
Куда буде утікати
Гей на на,
Буняка!
Ей берут ся до него
Князь Роман, бояры
А щож буде з него,
Гды піде в прегони.
Ой втікает голова,
За ним біжить череда
Голова Буняка,
Здраст вам боже,
вже наша. Ibid. 346.

Интересный факт для судьбы стариннаго южно-русскаго эпоса, на котором мы ниже остановимся!

В приведенном разсказѣ о Бунякѣ замѣчательна в особенности одна подробность: средство, употребленное матерью хлопца для смягченія кровожаднаго великана в сущности тоже, каким воспользовался Алауган. Обычай молочнаго усыновленія на Кавказѣ — черта реально-бытовая и locus communis народных сказаній. „Необходимость в постороннем покровительствѣ и помощи, говорит Дубровин о Черкесах, дала начало оригинальному обычаю, извѣстному под именем *усыновленія*. Лицо чуждаго народа или чуждаго общества, переселившись к одному из черкесских

племен и желая там скрыться от преслѣдованія или остаться навсегда, изъявляло желаніе быть усыновленным одним из семействъ того аула, в котором поселилось. Глава семейства призывал к себѣ желающаго быть пріемышем, в присутствіи всѣх обнажал женѣ своей грудь и пріемышь три раза устами дотрогивался до ея сосков. Послѣ того он считался как бы вскормленным грудью его жены и сыном в его семействѣ. Точно также поступали два лица, составившіе между собою союз на жизнь и смерть. Тогда жена или мать одного из них давала другу мужа или сына свою грудь и с тѣх пор он пользовался покровительством, какое принадлежало дѣйствительному питомцу. Впослѣдствіи этот обычай до того развился, что стопло только дотронуться до груди женщины, чтобы остановить ея мужа от преслѣдованія, даже и в том случаѣ, если бы дотропувшійся до груди его жены был его заклятый врагъ“ (Очерк Кавказа и народ. его населяющ. кн. I, 79—80). Тот же обычай встрѣчается у Ингушей (Сборн. свѣд. о Кавк. Горц. IX. 79). Сравните с этим:

У Малабарцев акт усыновленія состоит в том, что хозяйка дома дает сосать свою грудь, и если младенец выплюнет молоко матери, или незахочет сосать, усыновленіе считается недѣйствительным (Э. Реклю. Материнское главенство в первобытн. семьѣ. Рус. Богатство 1883, N 1, стр. 156).

У русских и других Славян подобнаго обычая, насколько извѣстно, нѣт. Ни факты народной поэзіи, ни данныя языка и быта не дают основаній предполагать существованіе его у Славян по крайней мѣрѣ в *историческое* прошлое. В русских сказках, в тѣх случаях, гдѣ герои кавказских сказаній прибѣгают к молочному усыновленію, обыкновенно, дѣло происходит таким образом: герой сказки приходит к избушкѣ на курьих ножках. „Избушка, избушка, стань ко мнѣ передом, к лѣсу задом“. Избушка повернулась; вошел—там сидит баба-яга: „Фу-фу! доселева русскаго духу видом не видано, слухом не слыхано, а поничче русской дух в виду является, в уста мечется! Что,

добрый молодец, дѣла пытаешь, иль от дѣла лытаешь?“ Прежде, старуха, напой, накорми, потом вѣсти распроси. Старуха напоила, накормила и спать положила... и под. Так и должно было быть у гостепріимнаго народа, каким были Славяне, для котораго *чужанин* был не *hostis*, не *Feind*, а **гость**.

Поэтому нам кажется, что м.-русское преданіе о Шелудивом Бунякѣ сложилось под непосредственным вліяніем кавказских и, может быть, черкесских сказаній и обычаев. Извѣстно, что Черкесскія поселенія существовали на югѣ Россіи. До настоящаго столѣтія здѣсь были синонимами слова *черкес* и *козак*. Замѣчательно, что эти два слова и на Кавказѣ являются синонимами. По преданіям, сохранившимся у Осетин, Черкесы еще до VII в. (т. е. до прихода из Крыма кабардинских князей) назывались *казахами*, имя, которое они удержали за собою и в устах Мингрельцев и теперь еще называющих их казак-мепе, т. е. царями казаков (Сборн. свѣд. о Кавк. Горц. IX. 113).

Ниже, при разборѣ былин о Святогорѣ, мы еще встрѣтимся с затронутым здѣсь вопросом.

В. Дашкевич в ст. „Былины об Алешѣ Поповичѣ и кончинѣ богатырей“ (Кіевск. Унив. Изв. 1883 N 5) говорит: „наши былины о Добрынѣ, Алешѣ и Настасьѣ Микуличнѣ представляют черты сходства *в мелких частностях* с нѣкоторыми из средневѣковых нѣмецких обработок весьма распространенной в средніе вѣка саги о принужденіи жены ко вступленію с ней в брак во время долгаго отсутствія мужа“ (стр. 241). Из сходства наших сказаній с нѣмецкими (излож. их и друг. сродн. см. у Ор. Ф. Миллера Ил. Муромец и богатырство Кіевск. стр. 525 и дал.) автор заключает, что сказаніе могло быть занесено к нам нижненѣмецкими людьми через западныя окраины, через Новгород, который был естественным проводником западнаго вліянія в дотатарское и татарское время (243). Была и еще одна возможность проникновенія занимающаго нас

мотива в наши народныя сказанія — именно через католических проповѣдников (244).

В принципѣ, конечно, нельзя отвергать возможности вліянія нѣмецких сказаній на русскія. В занимающих нас сказаніях совпаденія дѣйствительно любопытны, но все таки вопрос о происхожденіи этих сказаній остается открытым. При распространенности варіантов даннаго мотива у различных народов представляется возможность закружиться в отыскиваніи того, кто у кого заимствовал. Совпаденія в частных подробностях принадлежат нѣмецким сказаніям, французским chansons de geste, русским, болгарским и даже кавказским нартовским. Так, в нѣмецких сказаніях герой, получив чудесным образом вѣсть о выходѣ замуж жены, внезапно, одним полетом возвращается на родину (Ор. Миллер, 525). В сказаніи о Карлѣ Великом, помѣщенном в Хроникѣ Энкеля (XIII в.), говорится, что Карл В, узнав от ангела о том, что совѣт баронов принуждает его жену отдать свою руку другому мужу, из страны Угров, которых он обращал в христіанство, в трое суток прибыл в Ахен на трех смѣнных конях; кони были доставлены ему ангелами, посланными от Бога (ibid. 531). В болгарск. п. „Симон и негова невѣста“ (Миладинов. N 66) Симон, узнав от своего коня о выходѣ замуж жены, возвращается домой как раз перед свадьбой. Его конь был его совѣтником, добрым пайщиком службы царской. Когда Симон получил от царицы позволеніе ѣхать домой,—

Тога велит коня, бърза коня:
„Престегни ми, мои църни очи,
За що негля къде ке си ода
Ако сакаш не'ста да фтасаме.
И му върза негой църни очи,
И си летна коня по небеси,
И си стигна по край него'о село

Милад. стр. 89.

Подобно тому, как в нѣмецких, французских и русских пѣснях, Симон открывается своей женѣ посредством кольца.

В одной бретонской пѣснѣ (Ор. Миллер. И. Мур. 525) муж — солдат возвращается домой на другой день послѣ свадьбы его жены; за измѣну он убивает жену. Ор. Ф. Миллер замѣчает, что эта бретонск. п. стоит особняком (526. примѣч.); это несправедливо. В болгарск. п. (Dozon N 35) Стана, жена Коё, прождав 9 лѣт мужа, ушедшаго в гайдуки, выходит замуж, по настоянію отца, за Стояна. На другой день послѣ свадьбы возвратился Коё с товарищами, убил деверя и мужа Станы, а ее—

Коё си Стана съблече,
Па ѫ със смоля намаза,
Па ѫ на свеща запали,
На дружина да му свѣти.
Три дни сѫ яли и пили,
Стана им за свѣща свѣтила.

У кавказских горцев встрѣчается сказаніе, развивающее тот же мотив: „о том как Сатана поддалась обману“ (Сборн. свѣд. о Кавказ. Горцах. V. Нартовск. сказ., стр. 17). Урызмаг отправился в годовой балц (отлучка); в отсутствіи его сошел небесный кузнец Сафа и прельстил Сатану. Когда Урызмаг, по своем возвращеніи, узнал об измѣнѣ жены, он оставил ее и пошел странствовать. Сатана переодѣвшись, догнала его и прельстила; потом открылась мужу. Урызмагу не оставалось повода гнѣваться на жену; примиренные супруги возвращаются домой.

В нѣкоторых частностях кавказское сказаніе сходится с германским мифом об измѣнѣ Фригги Одину и Одина — Фриггѣ. Замѣчательно, что Один, с цѣлью прельстить Ринду, дочь короля Рутенов, принимал вид, между прочим, *ковача* (Ор. Миллер, 534, 536). А дочь короля Нидунга соблазняется Велентом, небесным ковачем (ib. 72).

„Для того, чтобы поднять вопрос о перенесеніи повѣствовательных сюжетов, говорит А. Н. Веселовскій, необходимо, поэтому, запастись достаточными критеріями. Необходимо принять в разсчет фактическую возможность вліянія и его внѣшніе слѣды в собственных именах, в остатках чуждаго быта, в совокупности подобных призна-

ков, потому что каждый в отдѣльности может быть обманчив“ (Журн. Мин. Нар. Пр. 1882 г. CCXXIII, 212).

В русских и болгарских п. об измѣнѣ жены в отсутствіи мужа невидно слѣдов чуждаго быта, чужих правов и отношеній; нѣт ничего такого, что бы побуждало видѣть в них созданіе не туземное, а заимствованное.

Присутствіе мифическаго элемента в нѣкоторых варіантах разбираемаго мотива дало основаніе Ор. Ф. Миллеру предположить для него мифическую основу.

„Союз Одина с Фриггою, говорит он, по своей основѣ есть ничто иное, как коренной в мифологіи всѣх народов, древнѣйшій союз неба с землею. Теплое лѣтнее небо представлялось держащим в своих объятіях землю и порождающим из лона ея прекрасных дѣтей. Но в зимнюю пору недоставало этого теплаго плодотворнаго мужа. Он представлялся тогда умершим, — и это было древнѣйшее представленіе. Позже, когда замѣчено было постоянное возвращеніе теплоты небесной, его отсутствіе, уже признанное только временным, стало представляться *отлучкой*, отъѣздом в чужой отдаленный край... Но над землею по прежнему высится и в зимнюю пору свод небесный — только это уже не прежнее теплое, плодотворное небо, а холодный, безсильный его двойник, обманщик, облекшійся в его образ и обольстившій его жену... Но вот наконец возвращается настоящій. Он сначала неузнаваем, лишен величія..., пока опять не откроется в своем царственном блескѣ и не освободит своей супруги, природы, от ея злых женихов — этой зимней силы, протѣснившейся на его мѣсто“ (Ор. Миллер, 542).

Все это болѣе поэтично, нежели точно, научно. Такое объясненіе, как и прочія мифологическія, оставляет неудовлетворенным читателя своею общностью и широтою. В основѣ разбираемых сказаній могли быть чисто бытовые факты. Введеніе же мифическаго элемента могло совершиться позже, в силу общенароднаго свойства переносить земное и человѣческое на небо и на божественное. По крайней мѣрѣ, кавказское партовское сказаніе стоит в несомнѣнной

связи с оригинальным горским обычаем — *ходить на балц* (отлучка). „Балц мог быть 12-годичный, 20-годичный, мѣсячный и даже недѣльный. Говорю „мог быть“, т. е. прошедшим временем потому, что балц этот теперь теряет то значеніе, которое имѣл прежде — значеніе большею частію безцѣльной поѣздки в дальніе края—в Чечню, в Кабарду и пр. ради того только, чтобы проѣхать. своих знакомых и прожить у них без всякой цѣли все время, предвзятое на балц. Но балцы предпринимались и с видимой цѣлью, не без дѣла. Лѣт 15 или 20 назад в Осетіи, Чечнѣ и Кабардѣ балц был в большом ходу, и он же служил осязательною причиною всюду тогда распространеннаго увоза скотины, лошадей и пр. Предприниматели таких балцов были не только терпимы в народѣ, но даже пользовались уваженіем, как люди не деревенщина, а благородные наѣздники“ (Сборн. свѣд. о Кавк. Горц. III народ. сказ. 19—20).

Подобнаго рода поѣздки в дальнія страны с цѣлью себя показать, людей посмотрѣть, вѣроятно, были и у Славян, в частности у Руси. О пих упоминают сказки и былины. Добрыня просится у матери—

Поѣду я добрый молодец
В чисто поле поляковать, козаковать,
Постою я вѣдь за вѣру христіанскую,
Порублю я вѣдь поганых татаровей
Гильферд. 177.

или:

Дай мнѣ Добрынюшки прощеньицо,
Дай-ко Добрыни благословеньицо,
А съѣздить Добрыни на чисто на полё
А мнѣ ли Добрыни исполяковать,
Могучи плечи Добрынюшки расталкивать.
ibid. 347.

Судя по горскому обычаю, *такой* мотив поѣздки Добрыни древнѣе того, когда он ѣдет по порученію Володиміра. Это стремленіе „испробовать силушки богатырской“, растолкать могучія плечи, выразилось, между прочим,

в укшуйничествѣ на сѣверѣ, бродничествѣ и позднѣе козачествѣ на югѣ Руси. Помимо этого, бытовая исторія могла представить столь много фактов для образованія пѣсен и сказаній об измѣнѣ жены в отсутствіи мужа, что кажется излишним прибѣгать к туманным мифологическим сближеніям, или к натянутым соображеніям о заимствованіи.

Es ist eine alte Geschichte,
Doch bleibt sie immer neu.

В виду довольно опредѣленных указаній тверской лѣтописи на *Тимоню—Золотой пояс,* храбра, товарища Олеши Поповича; в виду того, что таже личность в Никоновск. л. называется *Добрыня Рязанич—Золотой пояс,* я присоединяюсь к мнѣнію гг. Буслаева, Майкова и др., что в былевом Добрынѣ Никитичѣ, племянничкѣ кн. Володиміра, соединены два образа: кіевскаго Добрыни, дяди Владиміра и какого-то сѣверно-русскаго, мѣстнаго, рязанскаго богатыря, м. б. Тимони. Произошла взаимная ассимиляція эпическихъ сказаній: рязанскій храбор привлекся к Владиміру и породнился с ним; кіевскій сподвижник Владиміра получил мѣстную, рязанскую окраску:

Жил был торговый гость
Никитушка Романович;

живучись, он переставился. Оставались у Никиты жена и сын Добрыня Никитич. Про его удальство прошла слава великая по всѣм землям. Сам старый козак Илья Муромец собрался на ту славу на великую. Пріѣхал старый к городу Рязани,

Сам своим умом размышляет:
Досель Рязань-город слободой слыла,
Нониче Рязань слывет городом.
(Ефименко. Матеріалы, II, стр. 10).

---

2. Иван Данилович.

Глава IV.

Считаем вѣроятным, что упоминаемый в Новгородск. л. под 1118 г. сотскій *Ставр*, навлекшій на себя гнѣв Владиміра Мономаха и заточенный им в погреб, есть одно лицо с былинным Ставром Годиновичем.

Ближайшее к этому лѣтописное упоминаніе относится к *Ивану Даниловичу*.

Никоновская лѣтоп. под 1136 г., разсказывая о походѣ Ольговичей Черниговских против Кіевскаго кн. Ярослава Володимерича, между прочим, сообщает: Ольговичи, повоевав села по Сулѣ отидоша и сташа на Супои. И изыде противу их князь великій Ярополк Кіевскій, сын Владиміра Мономаха... и спидошася на сѣчу и бишася крѣпко; но вскорѣ побѣгоша Половци от Ольговичев. И погнаша по них великаго князя Ярополча дружина, и братіи его *лутчая мужи храбрыя*, и биша много гоняще Половцев и возвратишася вспять, и необрѣтоша князей своих, и впадоша Ольговичем в руцѣ; а Половцы обратишася на них в тыл, и тако многих *храбрых* мужей избиша Ярополчих и братьи его, и держащих стяг великаго кн. Ярополка Кіевскаго и братьи его изымаша, и бояр его множество поимаша, а иных многих без числа убиша, и *храбраго Давыда Яруновича* тысяцкаго кіевскаго, и *Ивана Данилова богатыря славнаго* убиша и Станислава *благороднаго*, и Дапила Тугковича, и Дамьяна, и Янка, и многих мужей *сильных* и *храбрых* и внука Влад. Мономаха Василька Марича убиша, и много князей убиша, и едва убѣжаша в Кіев с братьею своею отнюдь в малѣ дружинѣ Ярополк... м. августа в 8 д. (изд. 1768 г. II, 71).

Разсказ о том же событіи Ипатск. л. короче; неупоминается в нем об Иванѣ Даниловичѣ и других *храбрах*, павших в сраженіи при Супоѣ. „Тысяцкій с бояры Ярополка преже гнаша по Половцѣх, избиша ѣ и воротишася опять на полчище, и необрѣтоша княжьи своея, и упадоша Ольговичем в руцѣ, и тако изымаша ѣ, держаще стяг Ярополч, яша бояр много: Давыда Ярославича (=лавр. Яруновича) тысяцькаго, и Станислава Доброго Тудъковича и прочих мужій; и внук Володимерь Василько Маричич убьен бысть ту; многы бо бяше бояре киевскии изоимали“ (Ип. лѣт. 1871, 214).

Разсказ Никоновск. лѣтоп., очевидно, *подновлен*: выраженіе „славнаго богатыря“ принадлежит, по крайней мѣрѣ, к XIV—XV ст.; эпитет Станислава „благородный“ отдает болѣе эпосом, чѣм исторіей; *храбрыя, храбрых* стоит вмѣсто *храбри, храбровъ*; но несомнѣнно, он основан на неизвѣстном нам мѣстном, кіевском, свидѣтельствѣ о битвѣ при Супоѣ. Ипаче трудно объяснить большую фактическую обстоятельность изложенія Никоновск. л. в сравненіи с Ипатск. и Лаврентьевск. Упоминаніе об Иванѣ Даниловичѣ под 1136 г. еще болѣе убѣждает в том, что автор Никоновск. л. имѣл под руками какую либо лѣтописную кіевскую замѣтку. Если бы свѣдѣніе об этом богатырѣ он получил из былин или других эпическех сказаній, то скорѣе упомянул бы о нем во главѣ *о богатыряхъ Владиміра*, ибо в XVII в., когда составлялся Никоновскій свод, цикл Владиміров уже вполнѣ был установлен.

Извѣстіе Никоновской л. важно по своему указанію на кружок *храбров*, служивших у стольнаго — кіевскаго князя. Это, сколько нам извѣстно, самое раннее, *наиболѣе достовѣрное историческое* свидѣтельство о Кіевском богатырском кругѣ. Сообщенія той же лѣтописи „о богатырях Владиміра“ — позднѣйшаго происхожденія; о них ниже. Один из храбров этого мѣстнаго круга прозывается „благородный“. Это напоминает *вѣжливаго* богатыря Владимірова цикла Добрыню: он отца-матери хорошаго, роду племени

ученаго, умѣет слово молвить, перед чужим царем поклониться и похвалиться (Кирѣевск. Указатель).

Итак, богатырь, котораго великорусскія былины воспѣвают под именем Михаила и Ивана Даниловича, назывался в дѣйствительности *Иваном Даниловичем*, жил в XII в., состоял на службѣ в. кп. Кіевскаго Ярополка Володимерича, считался *храбром*, и в битвѣ при Супоѣ в 1136 г. был убит вмѣстѣ с другими кіевскими служилыми храбрами. Получает таким образом фактическое основаніе общее мнѣніе наших изслѣдователей о южно-русском, кіевском происхожденіи былин об этом богатырѣ.

А. Н. Веселовскій в ст. „Южно-русскія былины“ сдѣлал остроумную попытку опредѣлить схему старинной пѣсни, от которой пошли великорусскія былины о Михайлѣ Даниловичѣ и Васпліи Игнатьевичѣ, — и мрус. разсказы о Михайликѣ. Мы не можем согласиться с почтенным изслѣдователем в самом существенном. Нам кажется, что былины об Иванѣ Даниловичѣ составляли особый круг, отличный по основному мотиву от былин про Василья Игнатьевича. Малорусскія сказанія примыкают к послѣдним.

Из малорусских сказаній с былиною об Иванѣ Даниловичѣ можно сравнить думу об Ивасѣ Коновченкѣ (напечат. в Сборн. южно-рус. п. Метлинскаго, в Кіевск. Старинѣ 1882 Август и в сборп. Максимовича за 1834 г.).

У Черкасской вдовы Коновчихи был сын Ивась (в вар. Метл. у городі у Крылові) — единственная опора и падежда матери. Однажды в Черкасы (v. в Крылов) зашли козаки „охотне війско викликати“; Ивась рѣшился идти с козаками. Бѣдная мать плакала, непускала сына в войско; спрятала даже молодецкую сбрую; только сабли не спрятала. Воспользовавшись отсутствіем матери, Ивась взял саблю, оставил дом, догнал козаков и вступил в их отряд под начальство Корсунскаго полковника Хвилопа. Козаки прибыли на Черкень — или Черкас-долину.

Тогді ж то Хвилоне, Корсуньский полковниче
Из памету вихождае,
До козаків стиха словами промовляе:

Эй, козаки, діти, друзи!
Прошу вас, добре дбайте:
Чи нема междо вами которого козака старинного,
Отамана Куринного,—
У первому разі на герци погуляти,
За віру християнську достойно и праведно стати?
Чи не мог бы котрый козак собі слави лицерствія достати?
Тогді то всі козаки замовчали.

Ср. с этим: цари невѣрные осадили Кіев град в несмѣтном числѣ. Владимір на пиру предлагает богатырям:

Уж вы, гой, еси, князи мои бóяра,
Да вы ой еси, паленицы да удалые,
Ише весь-то вы народ да православные!
А и хто бы то видь съѣздил да в чистó полё
Да пересчитывать силы невѣрныя?
А и в тую пору было, во то время
Большой видь хоронится за среднёго,
Ишшо средней-от хоронится за младшаго
А от младшаго Владиміру отвѣту нѣт.
Кирѣевск. III 44.

В отвѣт на рѣчь Хвилона,

Тількі Ивась Коновченко стиха словами промовляе:
„Эй, Хвилоне, Корсунський полковниче,
Батьку старий!
Благослови мині козаку молодому
У первому разі на герци погуляти,
За віру християнську достойно-праведно стати;
Чи не мог би я собі слави, лицерствія достати?

В вар. Кіевск. Стар. Ивась желает —

Памъяти козацькои заживати
Й знамена турецкаго доставати.

В былинѣ:

А и в тую-ту пору было, во то время
Выходил тут дородне добрый молодец
Из-за тово стола видь бѣлодубова,
Ише на имя Михайло сын Данилович
Понизёшеньку он Владиміру поклоняется,

Помалешеньку ко Владиміру подвигается:
„Ты спусти-тко, Влад. князь, в чисто поле,
„Пересчитывать то видь силы невѣрныя!
Полковник Хвилон
Стиха словами промовляе:
„Эй, Ивасю вдовиченьку!
Ще ти дитя молоде,
Розумом недійшле,
У походах не бувало,
Крови християнськои не видало:
Кров християнську увидиш,
Бардзе скоро изомліеш.
Чи не оберетця котрий козак старинный?

Почти тоже говорит и Владимір смѣлому Ивану Даниловичу:

„Ох ты гой еси, младый вьюношь, Иван Дапилович!
Молодехонек, зеленехонек,
Ты на больших боях не бывывал,
Страстей-ужастей ты не видывал".
Кирѣевск. III, 40.

Эй Хвилопе, Корсунський полковниче,
Батьку старий!
Возьми ти утя едно старее
А друге малее,
Пусти ти на воду:
Чи не равно буде плисти младе,
Як бы старе?
Чи не равно буде козак младий
На герці гуляти, як бы старий?
„Ой Ивасю Вдовиченьку, дитя младее!
Коли ж ти мою загадку одгадав,
Благословляю-ж тобі у первому разі на герці погуляти...

И Михайло Данилович ссылается на тоже locus communis: Великій государь, вели поимать гоголя и вели держать три года, да пусти, государь, того гоголя на воду, и умѣет ли тот гоголь по водѣ плавати: так то наше богатырское сердце неуимчиво. Это слово Владиміру полюби-

лось: буди ты пожалован во стольном градѣ Кіевѣ, отвѣтил он богатырю. Напустился богатырь на врагов, что ясен сокол на стада галичья, побил много силы татарской. Враги принуждены были просить сроку на трп дня (Гисторія о М. Д. Веселовскій, стр. 22—4).

Ивась Коновченко, получив дозволеніе Хвилопа,

Сам на добраго копя сідав,
Міждо козацкими табурами пробігав,
. . . . . .
На турецьки табури пробігав,
Турецьки намети поперевертав,
Турок пьядесят під міч узяв,
Девъятеро живцем извъязав.
(Метлинскій. Южно-рус. п., стр. 418—20).

Второй выѣзд против Турок Ивася был неудачен. Невпяв совѣту осторожнаго полковника, Ивась выпил много оковитой водки и опьянѣл.

Турецька бесурмлянська віра пьянаго чоловіка
за четь мили взнали,
Та йще за четь мили назад отступали;
То вони поки его пьяного зарубали,
Ще сімсот за собою утеряли;
Тільки то недобре вчінили,
Що коня невловили.
Кінь по табору турецкому гуляе,
На собі кривави поводи обривае.

Замѣтив коня Хвилон, понял, что сталось с Ивасем; приказал козакам поймать коня и привести в табор. Ивася похоронили, а матери дали знать о смерти сына (Кіевск. Стар. 1882 Авг. 275).

Несчастен был второй выѣзд и Михайла Даниловича. Мурзы-уланове накопали ям, патыкали в ямы копьев; выѣхал Михайло на бой и угодил в яму, а „конь его выдрался и поскакал в чистое поле“ (Южно-рус. был. стр. 24); былина говорит, что конь поскакал к монастырю, гдѣ сидѣл его родной отец (Кирѣевск. III, 40).

В развязкѣ сказанія расходятся: в малорусском герой

умирает; в великорусском—спасается, благодаря отцовской молитвѣ и своей.

„Кто был (Ивась Коновченко) неизвѣстный исторіи герой и в каком походѣ участвовал, трудно рѣшить, говорит К. Ф. У. О. Под Хвилоном же думы он разумѣет Филона Джеджалія, сподвижника Хмѣльницкаго от 1649—1658 г. (Кіевск. Стар. Авг. 1882 г. 278). Сравненіе думы с великорусской былиной дает основаніе полагать, что заключенный в ней поэтическій образ был создан раньше времен козачества. Он вѣроятно принадлежал Руси до-татарской. Во времена козачества он только получил новое примѣненіе, был иначе истолкован, сообразно историческим обстоятельствам времени.

К одной группѣ относится сербская п. о Секулѣ (Богишић, Срп. нар. п. из стар. запис. N 20): Вышли Угры на Косово; Секула просится у воеводы Янка ударить на царскій шатер. Янко удерживал его, но Секула непослушался; напал на Турок, но был изранен множеством стрѣл, и умер (см. О сербск. п. Косовскаго цикла, стр. 34). Тот же мотив лежит в основаніи сербских сказаній об убіеніи Милошем Обиличем на Косовом полѣ турецкаго царя Мурата (Вук, Пѣсни II, стр. 312—14. Гильферд. III, 186 и слѣд.).

3. Демьян Куденевич.

Глава V.

В Никоновск. лѣтоп. внесены два отрывка из существовавшаго, вѣроятно, сказанія о подвигах Переяславскаго богатыря *Демьяна Куденевича.* Эти отрывки интересны по сравненію с нѣкоторыми современными великорусскими былинами.

Демьян Куденевич жил в городѣ Переяславлѣ при кн. Мстиславѣ Изяславичѣ. Вот как разсказывается в Никоновск. лѣтоп. об одном богатырском его подвигѣ: князь Глѣб Юрьевич пошел на Мстислава Изяславича к Переяславлю; „и тамо пришед неуспѣ ничтоже: бѣ бо у Мстислава воинства много в Переяславлѣ собрася, но и Демьян богатырь Куденевич тамо.... Пребысть же мало в Новѣградѣ Сѣверском, бояре же его начаша к нему глаголати, да идет к Переяславлю на великое княженіе, понеже хотять тебе вси переяславстіи людіе; он же послушав их скоро пріинде к Переяславлю. Услышавше же стражіе Переяславстіи, пригнаша в Переяславль, князю же Мстиславу Изяславичу еще лежащу на одрѣ своем, яко пред свѣтом бѣ; он же скоро вста и посла воинскых собрати, а сам спѣшно тече к Демьяну богатырю Куденевичу и глагола ему сице: „нынѣ, о человѣче Божій, время Божьей помощи и пречистыя Богородицы и твоего мужества и крѣпости. Демьян же Куденевич в той час иде на конь со слугою своимь Тарасомь и точію пять отрок его зѣло младых взыдоша на кони; безвѣстно бо бѣ, и вси кождо розыдошася, он здѣ, он ондѣ. Демьян же Куденевич скоро тече со своим слугою на конех и срѣтает Глѣба Юрьевича на полѣ близ посада и нападает яро на воин-

ство его и убивает многих нещадно. Князь же Глѣб Юрьевич ужасеся зѣло, и скоро побѣже назад, а к Демьяну Куденевичу посла, глаголя: „на любовь и на мир пріидох, а не на рать!“ Демьян же Куденевич со слугою своимь Тарасомь возвратися в Переяславль и многу честь пріа от господина своего в. кп. Мстислава Изяславича (П. С. Р. Л. IX, 177).

По основному мотиву и частным подробностям это сказаніе сходится с былиной об Ильѣ Муромцѣ и Калинѣ царѣ. Представляем свод сходных мѣст из извѣстных варіантов. Послѣ пира у Владиміра

Вси русскіи могучіи богатыри
Да вси поляницы удалыи
Да вси со двора расходилиси
По своим ли то полатам богатырскіим.
Середи то ноченьки темныя
Вдруг то забило в било колокольчато
На том ли дворѣ на княженецкоем
У солнышка князя у Владиміра.

Пришол посол от Калина, который подступил к Кіеву и хочет въѣхать „в стольный Кіев град“ (Гильферд. N 121).

Ночью, на разсвѣтѣ и Глѣб подошел к Переяславлю. Во время нашествія Калина у Владиміра богатырей неслучилося. Илью Муромца разгнѣванный Солнышко приказал посадить в глубокій погреб,

А сильніи кіевски богатыри
А розсердились они тут на князя на Владиміра;
А они скоро вѣдь садились на добрых коней
А уѣхали они да во чисто поле
Ай во тое раздолье во широкое
(Гильферд. N 57, стр. 304).

Дочь Владиміра доставляла Ильѣ в погреб пищу и одежду. Узнав от дочери, что Илья еще жив, Владимір спѣшит к погребу глубокому,

И говорит он Ильѣ да таковы слова:
Ай же ты старыя козак да Илья Муромец
Наш то Кіев-град нынь в полону стоит

Обошел собака Калин царь наш Кіев-град
Со своима со войскамы со великима.
А постой же ты за вѣру за отечество,
А постой ко ты за славный Кіев град,
Да постой за матушки Божьи церквы,
Да постой ко ты за князя за Владиміра,
Да постой ко за Опраксу Королевичну
(Гильферд. 448).

Отсутствіе готоваго войска заставило и Мстислава Изяславича идти к Демьяну и просить его защитить город.

Так тут старый козак да Илья Муромец
Выходил он со полаты бѣлокаменной
Шол по городу он да по Кіеву,
Заходил в свою полату бѣлокаменну,
Да спросил то как он паробка любимаго;
Шол со паробком да любимыим
А на свой на славный на широкій двор,
Заходил он во конюшеньку в стоялую,
Посмотрѣл коня он богатырскаго.
Говорил Илья да таковы слова:
„Ай же ты мой паробок любимыи,
Вѣрный ты мой слуга, безъизмѣнныи!
Хорошо держал ты моего коня да богатырскаго.
Цѣловал он его во уста сахарніи,
Выводил добра коня с конюшеньки стоялыи
Ай на тот на славный на широкій двор.
Ай тут старыя козак да Илья Муромец
Стал добра коня тут он засѣдлывать...
(Гильферд. 448).

Снарядил коня, вооружился сам и поѣхал на Татар...

Не ясен сокол да напущает на гусей на лебедей,
Да на малых перелетных на сѣрых утушек,
Напущает-то богатырь свято-русскія
А на тую ли на силу на татарскую.
Он спустил коня да богатырскаго,
Да поѣхал ли по той по силушкѣ татарскоей,
Стал он силушку конем топтать,

Стал конем топтать, копьем колоть,
Стал он бить ту силушку великую,
А он силу бьет будто траву косит.
(Гильферд. 452—3).

В концѣ концов Татары были побиты, Калин царь взят в плѣн. В сходной по мотиву былинѣ про Василья Игнатьевича и Батыгу, побѣжденный русским богатырем Батыга „на уход ушел“:

Ай бѣжит то Батыга запинается,
Запинается Батыга, заклинается:
Не дай Боже, не дай Бог, не дай дѣтям моим
Не дай дѣтям моим и моим внучатам
А во Кіеви бывать да вѣк Кіева видать
(ibid. 325).

Слова Глѣба: „на любовь пріидох и на мир, а не на рать“, ясно, принадлежали старинной былинѣ про Демьяна, и оттуда взяты автором сказанія. К подобным loci communes древняго русскаго эпоса принадлежат и слѣд. мѣста из настоящаго отрывка: ....„нападает яро на воинство его и убивает многих нещадно“; князь... „ужасеся зѣло и скоро побѣже назад“, „многу честь прія от господина своего“ в. князя...; наконец, упоминаніе о слугѣ при богатырѣ.

Разсказ о смерти Демьяна Куденевича можно сопоставить с былиной о Сухманѣ Одихмантьевичѣ. Изложим сначала содержаніе былины.

Былина о Суханѣ или Сухманѣ начинается запѣвом общим нѣскольким былинам. У князя Владиміра пир; всѣ веселы, Сухан грустен; всѣ хвалятся, Сухану нѣчем похвастаться; он рѣшается—

Похвастать, непохвастать добру молодцу,
Привезу тебѣ (Владиміру) лебедь бѣлую,
Бѣлу лебедь живьем в руках,
Не ранену лебедку, не кровавлену.

Ср. тот же запѣв в былинах про Михайла Казарянина (Кирша Данилов, 3-е изд., 139), Михайлу Потыка (ibid. 143) и др.

Собственное содержаніе былины заключ. в слѣд.: Сухман пріѣзжает к Нѣпрѣ рѣкѣ; Нѣпра течет не по старому, вода с пѣском помутилася: за ней стоит сила невѣрная (Татары), мостит мосты, собирается переправляться и идти к Кіеву. Сухан рѣшается „отвѣдать силы невѣрныя“. Выдернул богатырь с корнем кряковистый дуб, взял его за верхушку и напустился на Татар. Всѣх прибил, осталось только три татарина; они

Бѣжали ко матушкѣ Нѣпры рѣкѣ,
Садились под кусточки под ракитовы,
Направили стрѣлочки каленыя.

Когда Сухан подъѣхал к рѣкѣ,

Пустили три татарина поганыих
Тыя стрѣлочки каленыя
Во его бока во бѣлыя:

Сухмантій выдергивал стрѣлочки каленыя, заложил раны маковыми листочками

А трех татаровей поганыих
Убил своим ножищем-кинжалищем.

Раненый возвратился в Кіев, разсказал Владиміру про свои заработки, но Владимір ему неповѣрил. Сухана он приказал посадить в погреб, а Добрынѣ съѣздить и „провѣдать заработки Сухмантьевы“. Когда Добрыня, по возвращеніи, подтвердил слова Сухана, Владимір приказал освободить его из погреба; обѣщает ему богатую награду, но он отказывается от ней:

Не умѣл меня, солнышко, миловать,
А теперь невидать меня в очи ясныя.

Промолвил, а сам

Выдергивал листочки маковые
Со тыих ран со кровавыих;
Сам Сухмантій приговоривал:
„Потеки, Сухман-рѣка,
„От моя от крови от горючія,
„От горючія крови от напрасныя“

(Рыбников, I, 26—32).

Конец нашей былины походит на сербскую п. о смер-

ти Рели Крылатаго. Реля вмѣстѣ с Марком Королевичем и Милошем убѣгали от Арапов; два послѣдніе упали в ров, вырытый хитрыми врагами. Реля вынес изо рва побратимов, но сам пал жертвой арапской хитрости. Вслѣд убѣгающим юнакам—

...Завика са града Арапка:
„О јуначе, што но два извуче,
„Окрени се, да ти видим лице!“
Превари се Реља от Пазара,
Окрену јој очи и обрве;
А арапка запјела стријелу
И на Рељу шипке оборила;
Двије њега шипке ударише:
Једна, мајко, у срце јуначко,
Друга, мајко, под грло бијело,
И погину, жалосна му мајко!
Лијепо смо њега сахранили,
И у црну земљу погребали...
Јао, Реља, покојна ти душа!
(Filipovič. Marko Kralevič, LVIII).

Из засады и нашего Сухмана подстрѣлили враги.

Сравним теперь с былиной лѣтописный разсказ о смерти Демьяна Кудеревича.

Однажды „пріидоша Половци мнози с Давыдовичи и взяша град Дегин и безвѣстно идоша к Переяславлю на вел. кн. Мстислава Изяславича и нощію пріидоша к Переяславлю на ранней зарѣ и посад зажгоша, никому же их вѣдящу, яко ратніи пріидоша; они же оступиша град и бысть во градѣ много смущеніе и плач. Демьян же Кудеревич *един выѣде из града неимѣя ничто же одѣянія доспѣшнаго на себѣ*, паче же помощію Божіею, и *много бив ратных, настрѣлен же быв от Половец и изнемог возвратися во град*; ратніи же вси, страхом одержими бѣжаша спѣшно кождо во свояси. Демьян же до конца изнеможе от ран; и скоро тече к нему князь вел. Мстислав Изяславич и *многи дары дая ему и власти обѣщевая*; он же рече: „о суетія человѣческаго! кто мертв сый желает дарованія тлѣн-

наго и власти погибающія!“ И сіе рек, усну вѣчным сном и бысть по нем от всѣх велій плачь во градѣ (П. С. Р. Л. IX, 178).

Демьян Куденевич вышел на врагов один без ратнаго вооруженія; Сухман Одихмантьевич, встрѣтившись неожиданно с силой невѣрною, для борьбы с нею пользуется первым попавшимся орудіем—дубиной.

Демьяна ранили в битвѣ; тоже—и Сухана. Демьяну князь обѣщал „многи власти и дары“; Сухмана Владимір хочет „жаловать, миловать“

За его услугу за великую
Городами его с пригородками,
Али селами со приселками,
Аль безсчетной золотой казной.

В отвѣтѣ Демьяна князю слышится укор, выраженіе недовольства: „кто мертв сый, желает дарованія тлѣннаго и власти погибающія!“ Лѣтопись не объясняет причин этого педовольства, разочарованія. В былинѣ оскорбленное самолюбіе заставляет Сухмана отказаться от наград Владиміра:

Не умѣл меня, Солнышко, миловать,
Не умѣл меня, Солнышко, жаловать,
А теперь не видать меня в очи ясныя.

По вліянію сказаній об образованіи рѣк из крови героев, народная фантазія создала Сухман-рѣку, протекшую от горючей крови Сухмана

От горючія крови от напрасныя.

Названіе рѣки Сухона могло оказать вліяніе на образованіе такого нароста в былинѣ о Сухманѣ (Н. И. Петров. Тр. Кіев. Д. Ак. 1874. Ноябрь, 346).

При очевидном сходствѣ былин о Калинѣ, Сухманѣ и сказаній о Демьянѣ Куденевичѣ, мы все-таки перѣшаемся признавать исторію о Демьянѣ Куденевичѣ историческим подлежащим указанных былин. Остановимся на том скромном выводѣ, что как лѣтописное сказаніе о Демьянѣ так и соотвѣтственныя великорусскія былины основаны на одном древнем эпическом мотивѣ. В XII в. в Переяславлѣ

он соединялся с именем Демьяна Куденевича; перешедши на сѣверо-восток Руси, он позже вошел в состав былин о Сухманѣ и Калинѣ—царѣ.

И этот вывод имѣет значеніе для вопроса о туземности и устойчивости русских былевых мотивов. В частности, лишается фактической опоры мнѣніе подобное слѣд.: „былина о Сухманѣ, говорит В. Воллнер, по своему трагическому исходу принадлежит к самым прекраспым, *но вмѣстѣ к наименѣе эпическим* (eines der unepischsten). *Сантиментальный характер этой былины указывает на вліяніе литературное и притом вѣроятно позднѣйшаго времени.* (Untersuchungen über die Volksepik der Grossrussen. Leipzig. 1879, стр. 89).

Ниже мы еще встрѣтимся с былиной сантиментальной по содержанію, но несомнѣнно старинной, по основному мотиву.

Вообще же, сантиментальность в народных сказаніях еще не служит указаніем на литературныя вліянія поздпяго времени. Многія напр. сербскія пѣсни сантимепталь-ныя по содержанію несомнѣнно туземны и довольно древни.

4. Олеша Попович.

Глава VI.

Лѣтописныя сказанія об Александрѣ Поповичѣ нераз останавливали на себѣ вниманіе изслѣдователей; однако отношеніе их к былинам про Алешу Поповича осталось недостаточно выясненным.

Тверской лѣтописец, излагая „Повѣсть о калкацком побоищѣ, и о князех рускых, и о храбрых 70“, сообщает нѣкоторыя свѣдѣнія об Александрѣ или Олешкѣ Поповичѣ на основаніи „описаній“ подвигов этого хоробра в Ростовской землѣ.

Бѣ нѣкто от ростовскых житель Александр, глаголемый Попович, и слуга бѣ у него именемь Торопъ; служаше бо той Александр великому кн. Всеволоду Юрьевичу, повнегда же дасть кн. вел. Всеволод град Ростов сыну своему князю Костантину, тогда и Александр начатъ служити Костантину. Егда же преставися великій кн. Всеволод, Костантину невосхотѣвшу быти в Володимери, но у Пречистія Ростовскіа и чюдотворцевь излюбы жити, тѣмь и прошаше Вълодимера къ Ростову, а не Ростова к Володимерю, ту бо омышляше столу быти великому княженію; но не въсхотѣ сего пречистая Богородица. И дасть кн. вел. Всеволод стол свой меншему от Костантина сыну своему Юрію; тѣмь Костантин гнѣвашеся на брата о княженьи, а князь великій Юрій многы браны на Костантина

въздвиже, хотя с Ростова съгнати его, и не попусти ему Господь. Пришедшу бо ему па нь ратію, Костантин отъиде к Костромѣ и тоа съжже; кн. вел. Юрій стоаше под Ростовом, в Пужбалѣ, а войско стояше за двѣ версты от Ростова, по р. Ишнѣ, біяхуть бо ся вмѣсто острога об рѣку Ишню. Александр же выходя многы люди вел. кн. Юріа избиваше, ихже костей накладены могыли великы и донынѣ на р. Ишнѣ, а иніи по ону сторону рѣки Усіи, много бо людей бяше с вел. кн. Юріем; а иніи побіени от Александра же под Угодичами, на Узѣ, тѣ бо храбріи выскочивше на кою либо страну обороняху град Ростов, молитвами Пречистыа. Многажды бо кн. вел. Юрій на братне достоаніе прихождаше, но с срамом възвращашеся. Единою выѣде на него из Ростова Костантинь, и бысть им бой за Юріевым на р. Гзѣ, и тамо побѣди Костантинь молитвами Пречистыа, своею правдою и тѣми же храбрыми Александром с слугою Торопом; ту же бѣ и Тимоня Золотой пояс. И ту убиша у вел. кн. храбраго Юряту, о сем вельми опечалися кн. вел. Юрій; побѣжден же смирися с братом. Потом пріиде на Ярослава Переяславскаго Мьстислав Мьстиславич, тесть его и иніи князи, с собою же и Костантина подвигоша, а за Ярослава стал кн. вел. Юрій за брата; и бысть им бой на Липицах и на Юріевѣ горѣ, и ту всѣ полки вел. кн. Юрія избыти, в них же убіен бысть храбрый и безумный боярин Ратибор, иже похвалися сѣдлы наметати супротивных [1]). Князя же Юріа побѣдивше, и на столѣ в Володимерѣ Костантина посади-

---

[1]) В сказаніи о Липецкой битвѣ, помѣщенном в Академич. сп. лѣтоп. рѣчь Ратибора передана так: нѣктоже боляр княжь Юрьевых рече: „княже Юрьи и Ярославе! небыло того ни при прадѣдех ни при дѣдех, ни при отцѣ вашем оже бы кто вшел ратью в силную землю в Суздальскую, оже вышел цѣл, хотя бы и вся Русская земля и Галичьская и Киевьская и Смоленьская и Черниговьская и Новгородская и Рязанская, никако противу сей силѣ успѣют; аже нынешніи полци, право навержем их сѣдлы“. И люба бысть рѣчь кн. Ярославу. (Лавр. л. стр. 470).

ша; два же лѣта Костантин быв князь великій, паки стол дасть брату Георгію, а дѣтем Ростов и Ярославль, а сам к Господу отходить.

Не смотря на довольно сухой перечень событій из жизни Александра Поповича, все-таки в изложеніи лѣтописца пробивается струя народно-поэтическая. Александр является здѣсь уже богатырем: личность и подвиги его заслоняют собою дѣятельность других участников в междоусобной брани князей Юрія и Константина. За сим слѣдует часть наиболѣе нас интересующая по сравненію с народно-поэтическими мотивами.

Видѣв же Александр князя своего умрьша, а Юрія сѣдша на столѣ, размышляше о животѣ, еда како отдасть мщеніе кн. вел. Юряты ради, и Ратибора и инѣх мнозѣх от дружины его, ихже изби Александр; вскорѣ смыслив, посылает своего слугу, ихже знаше храбрых, прилучившихся в то время, и съзывает их к собѣ в город, обрыт под Гремячим колодязем па р. Гдѣ, иже и нынѣ той сон стоит пуст. Ту бо събравшеся съвѣт сотвориша, аще служити начнут князем по разным княженіям, то и нехотя имут перебитися, понеже князем в Руси велико неустроеніе и части боеве; тогда же ряд положивше, яко служити им едипому великому князю в матери градом Кіевѣ. Бѣ же тогда в Кіевѣ кн. вел. Мстиславь храбрый Романович Смоленскаго и Володимер Рурикович Ростиславича, в то же время Мстислав Мстиславич в Галичи, и быша челом вси тыи храбрыи великому кп. Мстиславу Романовичу, о них же кп. вел. вельми гордяшеся и хваляшеся. (II. С. Р. Л. XV 336—38).

Тот же самый мотив развивается в старинѣ про Алешу Поповича, записан. в г. Мезени А. М. Никольским (Ефименко, Матеріалы по этнограф. рус. насел. Арханг. губерн. 2 ч., стр. 25—26).

Во славном было во городѣ во Ростовѣ,
У того попа Ростовскаго
Едино было чадо милое
Удал добрый молодец на возрастѣ,

По имени Алешинька млад,
И стал Алешинька конем владѣть,
И стал Алешинька мечем владѣть.

Приходит Алешинька к своему родителю и просит у него благословенія

Ѣхать да во чисто поле во раздольице
Ко тому ли ко синю морю....
И просил он себѣ у роднаго батюшки
У того ли попа Ростовскаго
Себѣ дружинушку хорошую,
Хорошую да хоробрую.

Отец дал сыну благословеніе с буйной головы до рѣзвых ног.

И пошел же Алешинька на конюшен двор
Со своею дружиною хороброю,
И брали они коней добрых,
Надѣвали они на коней сѣделушка черкальскія
И затягивали подпруги шелковыя
И застегивали костылечки булатные
Во ту ли кость лошадиную,
И сами коню приговаривают:
„Уж ты конь, ты конь, лошадь добрая!
„Не оставь ты конь во чистом полѣ,
„Сѣрым волкам на растерзанье
„Черным воронам на возграенье,
„А сильным паляницам на восхваленье“.

Вооружились сами и выѣхали из роднаго города.

У рѣк молодцы нестаивали,
Перевоза молодцы некрикивали,
Они ѣхали из утра день до вечера,
И доѣхали до разстаньюшка великаго
На три дорожечки широкія:
Первая дорожечка во Кіев град,
Друга дорожечка во Чернигов град,
Третья дорожечка ко синю морю
Ко тому ко камешку ко сѣрому,
Ко тому ко бережку ко крутому,

На тѣже тихи вешни заводьи.

На распутьи трех дорог происходит совѣщаніе Алеши Поповича с дружиной, подобно совѣту Александра Поповича с храбрами на рѣкѣ Гдѣ под Гремучим ключем.

Говорил тут Алеша Попович млад:
„Уж ты, гой еси, дружина хоробрая,
„В котору дорожку наш путь лежит,
„В Кіев ли ѣхать, аль в Чернигов,
„Аль к тому морю синему?“

И говорит дружина хоробрая:

Уж ты, гой еси, Алеша Попович млад!
Если ѣхать нам да во Чернигов град,
Есть во Черниговѣ вина заморскія,
Вина заморскія да заборчивыя,
По стаканчику выпьем, по другому хочется,
А по третьему выпьеш, душа горит.
Есть там калашницы хорошія,
По калачику съѣдим по другому хочется,
По другому съѣдим по третьему душа горит.
Есть там дѣвушки хорошія,
Если на дѣвушку взглянешь так загуляешься.
И пройдет про нас славушка не малая
От востока слава до запада
До того города до Ростовскаго,
До того ли попа до Ростовскаго
До твоего батюшки родителя.
Поѣдем-ко мы, Алешинька, в Кіев град
Божьим церквам помолитися,
Честным монастырям поклонитися.

И поѣхали они ко городу ко Кіеву.

Былина отражает в себѣ явственные слѣды удѣльно-вѣчевой эпохи, — той же, к которой относится и лѣтописный разсказ: Алеша Попович и его дружина хоробрая — дѣти города Ростова. Уѣзжая в Кіев, они заботятся о том, чтобы непріобрѣсти себѣ дурной славы в Ростовѣ; о Свято-Русь-землѣ еще нѣт рѣчи. Замѣчательный фактъ устойчивости русских народно-поэтических мотивов. Общій тон,

планъ и отчасти содержаніе былины и лѣтописнаго разсказа весьма сходны. Очевидно, по крайней мѣрѣ, с XVI ст., когда составлялся тверской сводъ, наша былина измѣнилась немного.

Нѣкоторыя общія черты былины и сказанія принадлежат к loci communes стариннаго русскаго эпоса. Таков напр. мотив о совѣщаніи удальцов перед отъѣздом в чужіе края. Ср. напр. Гильферд. Онежск. был. N 173 стр. 875. Еще любопытнѣе слѣд. малорусская колядка:

А в ліску, в ліску—й а в Недоборі
Блудило блудців – сімсот молодців,
Сім сот молодців—самих вібранців.
Приблудило сі—пад бистрий беріг,
Над бистрий беріг, над сине море.
Ой станьмо бракі – та порагьмосі,
Та порагьмосі—та ни зрагьмосі,
Та ни здаваймо на жінки срібло,
На жінки срібло—на гівки злото,
Й-але зложім сі по дзолотому,
По дзолотому, по червоному.
Та купім собі дзолотий човник,
Дзолотий човник—срібле веселце,
Та пускімо сі краєм Дунаєм,
Краєм Дунаєм до Сорокова.
Ми там чуємо—доброго пана,
Доброго пана, гой, пана Лесі,
Що він нам на рік добре платит.
Гой платит, платит по сто червоних,
По сто червопих, по сто сім злотих,
По сто сім злотих—по коню роню,
По коню роню, по яще сідла,
По яще сідла—шабелька срібла . . .

Kolberg, Pocucie I, 107.

В Никоновск. лѣтопись занесены отрывочныя извѣстія о дѣятельности Александра Поповича в Кіевѣ при Владимірѣ. Разсмотрим эти извѣстія в связи с данными народнаго эпоса.

В лѣто 1000 пріиде Володарь с Половцы к Кіеву,

забыв благодѣянія господина своего кн. Владиміра, дѣмоном научен. Володимеру же тогда в Переяславци на Дунаи: и бысть смятеніе веліе в Кіевѣ. И изыде поцію во срѣтеніе им Александр Попович, и уби Володаря, и брата его и иных множество Половец изби, а иных в поле прогна. И се слышав Володимер, и возрадовася зѣло, и возложи на нь гривну злату, и сотвори и вельможа в полатѣ своей.

Нечего и напоминать, что извѣстіе это ложно в историческом отношеніи. Оно интересно по сравненію с разсказом мезенской былины об освобожденіи Алешей Кіева от Василія Прекраснаго.

Кіев осадил Василій Прекрасный: хочет стольный город в полон взять, пожечь святыя церкви, князя Владиміра повѣсить, а княгиню Евпраксію Никитишну замуж взять. Алеша предлагает дружинѣ напасть на врагов и освободить от бѣды Кіев град:

Выслуга наша незабудется,
А пойдет про нас слава великая
Про выслугу нашу богатырскую
И узнает про нас старый козак
Илья Муромец сын Иванович,
Недошедши старик нам поклонится.

Напускался он с дружиной на рать Василія Прекраснаго,—

И прибили тое силу рать великую,
Кое сами кое кони топчут,
И разбѣжалась рать сила великая
По тому полю широкому,
По тѣм кустам ракитовым,
Очистила дорогу прямоѣзжую.

Заѣзжали богатыри в Кіев град. Опускаем изложеніе вставочнаго эпизода о том, как богатыри, обиженные холодным пріемом Владиміра, уѣхали из Кіева и возвратились снова туда благодаря лишь участію Ильи Муромца. Пріѣхавших гостей с почетом встрѣчали Илья Муромец с князем Владиміром и княгиней Апраксіею:

По колѣно-то у Апраксіи наряжены ноги в золото,

А по локоть-то руки в скатном жемчугѣ,
На груди у Апраксіи камень и цѣны ему нѣт.
Недошедши Апраксія низко поклонилася
И тому же Алешенькѣ Поповичу:
Уж многолѣтно здравствуй ясен сокол,
А по имени Алешинька Попович млад!
Побѣдил ты немало силы нонь
И слободил ты наш крашен Кіев град
От того ли Василія Прекраснаго.
Чѣм тебя мы станем теперь Алешу жаловать —
Пожаловать нам села со приселками,
А города с пригородками
И тебѣ будет казна незатворена,
И пожалуй ко ся ты к нам на почестен стол.

Брала его за бѣлую руку, вела в гридню столовую, сажала за столы дубовые, угощала розналивчатыми напитками и кушаньями сахарными,

И стали Алешиньку тут жаловать
Села со приселками, города с пригородками,
А казна-то была ему незакрыта....
(Ефименко, стр. 28).

Сходство былины с лѣтописным извѣстіем весьма замѣтно. Несомнѣнно в XVII в., когда внесено было извѣстіе об Александрѣ Поповичѣ в Никоновскую л. оно было еще сильнѣе; тогда вмѣсто Василія Прекраснаго враг мог имѣть другое имя, менѣе носившее на себѣ слѣды книжных вліяній.

В лѣто 1001. Александр Попович и Яп Усмошвец, убивый Печенѣжскаго богатыря, избиша множество Печенѣг и князя их Родмана и с тремя сыны его в Кіев к Володимеру приведоша. Володимер же сотвори празднованіе свѣтло, и милостыню многу раздаде по церквам и по монастырем, и убогим и нищим, и по улицам больным и клосным великія кади и бочки меду и квасу и перевары и вина поставляше, и мяса и рыбы и всякое овощие, что хто требоваше и ядяше.

Хотя и неизвѣстны былины об Алешѣ Поповичѣ, со-

держаніе которых соотвѣтствовало бы этому извѣстію, однако ясно, что здѣсь сокращенно изложена существовавшая былина про этого богатыря. В былинах обыкновенно счастливый подвиг богатырей оканчивается пиром у Владиміра: богатыри —

Ай пріѣхали, как сказали вѣдь,
Что убит безбожный Калин царь
А со всёю со рать силой великою.
Ай как тут солнышко как Владимір князь
А на радости на великіей
Ай как тут для удалых для молодцов
Забирал столованье почестен пир;
Ай как начали пить, кушать вѣдь, добром проклаждаются,
Ай как над собой незгоды болѣ неначаются.
Ай как публиковал указы он строгіи
Ай по городу по Кіеву,
Разотворил как он всѣ кабаки, конторы он,
Что бы весь народ как пил да зелено вино;
Кто не пье зелена вина,
Тот бы пил да пива пьяныя,
А кто непьет пивов пьяных,
Тот бы пил меды стоялые, —
Что бы всѣ да веселилисе.
Ай теперь да посли этого
Ай тому да всему да славы поют.
Ай Дунай, Дунай,
Болѣ вѣк незнай.

(Гильферд. Онежск. был. стр. 384).

Третье извѣстіе очень кратко; трудно сопоставлять его с былинами. В лѣто 6512 Идоша Печснѣги на Бѣлград. Володимер же посла на них Александра Поповича и Яна Усмошвеца со многими силами. Печснѣги же слышавше побѣгоша в поле.

Очевидно, сказанія Никоновск. л. об Александрѣ Поповичѣ по своей основѣ чисто эпическія. Несомнѣнно, и жена Володаря, Родмана, Яна Усмошвеца совершенно

внѣшним образом сшиты с эпической канвой сказаній. „Что касается до тѣх событій, говорит Костомаров, в которых, по Никоповск. сп., участвует Александр Поповичь, то они вымышлены книжником. Половцы, которых привел какой-то Володарь, по всѣм извѣстным нам другим древнѣйшим спискам, пришли и столкнулись с русскими уже гораздо позже, и едвали могли находиться в древнем спискѣ во времена Владимира, а тѣм болѣе не было подручно Владимиру находиться в Переяславцѣ на Дунаѣ. Быть может что нибудь и существовало в народных сказаніях о подвигах Александра или Алеши Поповича, аналогичное извѣстной нам по былинам его побѣдѣ, одержанной над Тугарином Змѣевичем; быть может, это подало книжнику повод, передѣлав такое сказаніе по своему, представить то, что он представил; но такая передѣлка имѣла бы для историка преданій о Владимирѣ такое же значеніе, как и чистая выдумка. Что касается до Яна Усмошвеца, то он здѣсь не болѣе, как выдумка книжника, вздумавшаго дать собственное имя силачу, побѣдившему Печенѣга; он сочинил это имя на основаніи извѣстнаго ему занятія силача; сверх того, книжнику хотѣлось продолжить его богатырскую дѣятельность, так как он знал, что Владимир сдѣлал большим человѣком побѣдителя Печенѣга, а потому прилично этому большому человѣку совершать богатырскіе подвиги и послѣ своего возвышенія (Историч. монограф., XIII, стр. 205).

Автор тверск. лѣтоп. упоминает об „описаніях“ подвигов Олёши Поповича, которыми он пользовался. Вѣроятно, в редакціи, бывшей в его руках, как болѣе древней, неговорилось ничего о подвигах Олеши в Кіевѣ при Владимірѣ. По мѣрѣ развитія былин об Олешѣ, отнесенія его к циклу Владимірову, составлялась, вѣроятно, и повѣсть о нем, в которую входили существовавшія былины о дѣятельности его в Кіевѣ на службѣ кн. Владиміру. К фактам народно-поэтическим в ней присоединялись домыслы грамотѣев, вызванные стремленіем тѣснѣе связать Олешу Поповича со временем Владиміра, с историческими и ска-

зочными лицами эпохи этого князя. Автор Никоновск. лѣтоп., вѣроятно, имѣл под руками такую повѣсть, простодушно принял домыслы книжника за историческій фактъ, извлек из нея нѣсколько извѣстій об Олешѣ и заполнил ими пустые годы в болѣе древнем спискѣ лѣтописи.

Ясно, что в XVI и XVII ст. Олеша Попович еще не имѣл характера богатыря — представителя духовнаго сословія: он представлялся еще как дружинник — храбор. Да и в теперешних былинах образ его двоится: то он — *сильный*,— нѣт смѣлѣе его во всем Кіевѣ —, то он — насмѣшник женскій, хвастун и коварный человѣк.

Сходство былевых мотивов об Алешѣ и лѣтописных сказаній об Александрѣ Поповичѣ, бывшее неясным нѣкоторым изслѣдователям (Ягич О славянск. народн. поэзіи. Слав. Ежег. 1878 г., стр. 199), благодаря мезенской былинѣ, становится очевидным.

Тождество имен *Александра* и *Алеши* через посредств. ф. *Олеша* уже признано давно (Отчет о XIV присужд. наград гр. Уварова, стр. 77).

Итак, былевой герой Алеша Попович в дѣйствительности назывался Александром, уменьшит. Олешей Поповичем, жил в XIII в. и был хоробром в дружинѣ Ростовскаго князя. Пользуясь принадлежавшим дружинникам правом свободнаго перехода от одного князя к другому, Олеша, по смерти ростовскаго кн. Константина, отъѣхал с нѣкоторыми товарищами из Ростова в Кіев. На службѣ Кіевскаго князя он и умер; может быть, был убит в битвѣ с Татарами на Калкѣ, если только не домысл книжника лѣтописное сообщеніе: „и Александр Попович ту убіен бысть с инѣми 70 храбрых (на Калкѣ)“. П. С. Р. Л. XV, 342.

Имѣем основаніе не соглашаться с мнѣніем г. Квашнина—Самарина, будто Алеша Попович—богатырь южнорусскій, кіевскій, пріуроченный к Ростову в Суздальскій період русской исторіи (Русск. Вѣстн. 1874 г. Сентябрь, 42—4).

Вмѣстѣ с Тимоней или Добрыней — Золотым поясом Рязанцем Олеша Попович открывает ряд богатырей сѣверно-русских.

„В позднѣйших козацких пѣснях, говорит г. Ровинскій, Алеша называется Олексіем Поповичем Пирятинским, писарем войсковым, казаком лейстровым, и дѣйствует на морѣ“ (Русск. нар. картинки IV, 101). В основѣ малорусской думы об Олексіи Поповичѣ „мы можем, говорит г. Безсонов, усматривать дѣйствительное воспоминаніе о богатырѣ Алешѣ Поповичѣ, занесенное или уцѣлѣвшее от старины живым слѣдом (Кирѣевск.. в. 4, примѣч. XXVII). Сближеніе неточное. Кромѣ внѣшняго совершенно случайнаго совпаденія в названіи героя малорусская дума и великорусская былина представляют созданія совершенно различныя по происхожденію и содержанію.

Справедливо сравнивают думу об Олексіи Поповичѣ с извѣстным эпизодом былин о Садкѣ. Только совпаденіе это вовсе не указывает на то, что в основаніи этих сказаній лежит „мотив древнѣйшій, былевой, эпическій“: „спасеніе корабля среди бури через жертву одного виновнаго брошеннаго в море“ (ibid.). Этот мотив встрѣчается нерѣдко в житійных сказаніях о чудесах различных святых, и отсюда весьма естественно мог зайти в устно-народную словесность. Малорусская дума об Олексіи Поповичѣ и былина о Садкѣ могли возникнуть совершенно независимо одна от другой, именно, под вліяніем распространенных книжных житійных сказаній. Нравоучительный характер малорус. думы вполнѣ отвѣчает этому предположенію.

Помѣщаем здѣсь наиболѣе любопытныя сказанія на мотив думы об Олексіи Поповичѣ и былины о Садкѣ.

Чудо св. Михаила Клопскаго о купцѣ. (Памятн. стар. русск. литературы изд. Кушел—Безбородк. IV стр. 48).

К сему святому *купец нѣкій Великаго Новгорода*, именем Михаил, велику любовь имяше, тогда еще в животѣ святому сущу; по отшествіи же святому ко Господу,

случися купцу оному ити по морю в латинскія страны куплю дѣяти; и тамо ему многа имѣнія пріобрѣтшу молитвами святаго, егда же во своя возвратися, и паки в корабль шед, морем шествует; егда же в пучинѣ плаваюшу, тогда ненавидяй добра роду человѣческому враг бурю зельну в мори воздвизает и плаваюшим бѣду велію и скорбь наводит; сим же тако бѣдующим купец той в умѣ святаго имѣяй, со слезами того на помощь призывает; святый ... на помощь тому ускори и явленнѣ себе всѣм показа ... діавола же прогна и море укроти, и паки невидим бысть има. Купцу же молитвами святаго паки благополучнѣ плывущу и своего отечества достигнувшу и во обитель святаго пришедшу и со слезами чудоносному гробу припадающу и смерти избавителя многих душ святаго нарицающу и всѣм явственно чудо проповѣдающу, слышаще же братія и игумен удивишася и прославиша Бога.

Чудо блажен. Исидора юродиваго ростовскаго (из Четьих—Миней Димитр. Ростовск.).

Сотворися бо чудо дивно и незабвенія достойно: купцы нѣцыи по морю с куплею своею в кораблѣ плаваніе творяху, и внезапу на нѣкоем мѣстѣ корабль ста, и неможаше двигнутися отуду, и разбивашеся волнами, вси же в нем бывшіи, отчаяшася живота своего, и ожидаху смерти; таже умыслиша метнути жребія, кого ради корабль ста, и волнами разбиваемый есть и паде жребій на единого от них купца из града Ростова, идѣже святый Исидор жительствоваше. Посадиша убо купца того на доску, и пустиша в море, и двигнуся скоро корабль от онаго мѣста, а человѣк той на дскѣ волнами носимый уже во вратѣх смертных бѣ, ни от когоже чающи помощи: и се внезапу предста ему угодник Божій Исидор, по морю яко по суху ходяй и глаголяй к нему: знаеши ли мя человѣче? купец же едва проглаголати возмог, рече: о рабе Божій, Исидоре! в нашем градѣ жительствуяй, неостави мене в мори сем погружаема, но помози мнѣ окаянному и избави мя от горькія смерти. Святый же взял его за руку и на дскѣ оной посади и бяше ему дска, аки ладія, верху воды пе-

погрязновенно плавающая. Святый же управляя ю погна скоро вслѣд корабля и достиг до того, всади в корабль человѣка цѣла, здрава и ничим же врежденна. Запрети ему, глаголя: никому же повѣдай о мнѣ, но сказуй, яко божественная сила избави тя от глубины морскія.—

Из Пролога: в 19 д. м. Марта, Слово о женѣ, заклавшей два дѣтища своя.

Повѣдаше монах Палладій, глаголя: яко слышах от нѣкоего корабленика, глаголюща: яко единою ми пловущу, рек, по морю в корабли, имѣх же многи всадники. И преходящим нам море, всѣм прочим добрѣ пловущим, овым убо в Константинь град, овым же во Александрію, другим же индѣ, комуждо вѣтру поносну сущу егда пловущим тѣм. Мы же пребыхом 15 дній, непоступающе от мѣста идѣже быхом. И бѣхом во мнозѣ стуженіи и недомышленіи, глаголюще: что убо есть сіе; Аз же навклир имѣх печаль о корабли, и иже в корабли суть, вси начахом молити Бога, за что сіе; и како еже никаможе поступающу кораблю; Единою же ми бысть невидимо глас глаголя: верзи Марію в море, и стройно ти корабль пойдет. Аз же помыслих, рекій, что убо сіе будет; и кто есть Маріа; И яко недомышляхся о сем, паки пріиде ми глас второе глаголя: верзи Марію в море, и гонзнет. Тогда аз умыслих сице, и воззвах напрасно: Маріе, рекій. Она же, возлежащи на постели своей, отзвася, рекущи: что господине велиши! Тогда рѣх ей: сотвори любовь, дойди сѣмо. Она же вставши пріиде. И поем ю отведох едину, и рѣх ей: видиши ли, сестро Маріе, какія грѣхи имам аз, яко вси вы мене дѣля имате погибнути; Она же вельми воздохнувши рече: по истинѣ господине навклире, аз есмь грѣшница. Паки же аз рекох: жено, кія грѣхи имаши; Она же рече: лютѣ мнѣ, яко пѣсть грѣха, его же не сотворих окаянная, моих ради грѣхов, вси имате погибнути. Таже потом рече: по истинѣ, господине навклире, аз окаянная мужа имѣх, и два дѣтища: первый 9 л., а другій 5 л. Таже потом умре муж мой, и пребывах вдова. Живяше же убо вкрай мене воин, и аз хотѣх, дабы мя поял жену себѣ,

и послах к нему. Воин же рече: не поиму тебе, имущу дѣти инаго мужа. Тогда аз услышах, яко нехощет мене пояти дѣтей дѣля, ктомуже и любящи их: и заклах дѣти моя, окаянная, и вѣсть ему послах, рекущи: уже не имам ни единаго дѣтища. И яко то слышав воин о дѣтищах тѣх, еже есмь сотворила, и рече: жив Господь, живый на небесѣх, яко не поиму ея. Аз же того убоявшися окаянная, и помысливши себѣ, егда сіе увѣдят судіи, и уморят мя, и того дѣля бѣжах [1]). И сіе слышав аз от жены тоя,

---

[1]) Подобный мотив развивается в нѣкоторых малорусских пѣснях. Ср. напр. Kolberg Pokucie, II, 44—46.

Ой на горі могилочка,
Росте на ній дівиночка,
Висить на ній гадиночка;
На гадину сонце пиче,
А з гадини трута тиче.
Підстав дівче коновочку,
Най натиче трути з рота,
Тим зчаруеш свого брата.
И зчаруеш брата свого
За для мене молодого.
Брат до міста за дарами,
Сестра в поли за чарами;
Брат у місті дар купуе,
Систра ему чар готуе.
Брат из міста з дарунками,
Систра д' нему з чароньками.
Ой, на! брати, тай напий-сі,
Ти з дороги а струдив-сі.
Ой пий, сестро, вперед сама,
Аби-с мині щось ни дала.
Та пий, брати, я вже пила,
Лиші-м тобі ще лишила.
А брат того як напив-сі,
По конику повалив сі.
По конику вороненькім,
По сіделку золотенькім.
Ох, дай, сестро подушечку,

и паки нехотѣх ея воврещи в пучину морскую. Но сице умыслих и рѣх ей: се аз пребываю в корабли, да вѣси убо, жено, аще непойдет корабль, то мои грѣси держат корабль. Таже воззва кораблеиики, и свѣсиша малый кораблец, и небысть ми пичтоже, ни поступи великій корабль. И рѣх женѣ: сниди в малый кораблец. Она же сниде. И абіе кораблец ни до пятижды обратися, стрем-

---

Най сі приспю хот трошечку.
Що то, сестро, тай за пиво,
Що воно ні так звелило.
Тілько-м, сестро, світом ходив,
Ще-м такого пива не пив.
Бігай сестро по сосіди,
Най сі с ними попрощаю,
Най з гріхами ни вмираю.
Сосідй нім ще прібули,
Очка єго раз зрінули.
За дарунок з срібла злота,
Іду марни з сего світа.
Ой, Сирбину, Сирбиночку!
Сватай мине дівчиночку.
Примха тибе буде сватав,
Зчаровалас свого брата.
Зчаровалас брата свого,
Тай ще мине молодого.
Брат в могилі зпочивае,
Систра очи протирае.
Ввійшло дівче до світлиці,
Вдарйло сі в обі лиці.
Бідна ж моя головочко!
Що ж я типер наробила,
Ані брата, ни Сирбина.
Ні Сирбина ані брата,
Пішла ж би я за жибрака.
Жибрак ходит, хліба просит,
А дівчина торбу носит.
Що віпросит, а все в торбу,
А дівчину гайда в морду.

глав ко дну иде и погрязе; великій же корабль поплы стройно. И три дни по сем пловуще, преидохом сѣе бѣхом прешли за 15 днiй.

Аналогично приведенным чудо Михаила Клопскаго о *попѣ невѣрующем* (Памятники Куш. Безб., IV, 49) и мн. др.

РЯД ВТОРОЙ:

БОГАТЫРИ ТАТАРСКАГО ПЕРІОДА.

Глава VII.

С нашествіем Татар начинается на сѣверо-востокѣ Руси борьба с ними населенія,—борьба долгая и упорная, большею частію скрытая и глухая, иногда выходившая наружу в видѣ народных возстаній, поголовных избіеній татарских купцов, чиновников и пр. Сценой борьбы были главным образом окраины, границы русской территоріи. С образованіем Московскаго княжества пограничная борьба принимает вид болѣе правильной и систематической обороны. Устраиваются пограничныя крѣпости, острожки, учреждается пограничная стража — с цѣлію слѣдить за движеніями кочевников и оберегать границы государства—русской земли. Первое извѣстіе о такой стражѣ находится под 1360 г. (Бѣляев, О сторожев. станичн. и полевой службѣ на Польск. Укр., стр. 1, прим. 1).

В это время сложился образ богатырей, стоящих на заставѣ, оберегающих границы свято-русской земли.

Изслѣдователи былеваго эпоса относят эту черту в Кіевскій період русской исторіи. „Разсматривая всѣ черты былины (Владимір. ц.), нельзя не придти к убѣжденію, что в ней отразилась эпоха, бывшая второю в исторіи Кіевской Руси, эпоха оборонительной борьбы со степью; первый же період представлял эпоху наступательной борьбы с Византіей. И в былинах остались слѣды и этой первой эпохи“ (Е. Барсов. Сѣверн. н. сказ. о древн.-рус. кн. и царях. Д. и Н. Россія 1879, N 9, стр. 402).

Борьба со степью велась в Московской Руси в равной мѣрѣ как и в Кіевской. Только характер этой борьбы

в Московской Руси был иной. Ширь степей, полякованье—козакованье Московским служилым людям пришлось промѣнять на тѣсноту острожков, стояніе на заставах и обереганіе границ. Идеальным героем до-Татарской Руси был дружинник—хоробер; в татарско-московскую пору таким стал богатырь — стоятель и оберегатель. В „Сказаніи о Кѣевских богатырях“ относимом издателем, Е. В. Барсовым, к началу XVII в., по сохраняющем в себѣ былевыя формулы болѣе ранняго времени, чрезвычайно мѣтко-образно выражена борьба стараго порядка с новым — дружинников, привыкших поляковать, с требованіями о стояньи и стороженьи, исходившими из новаго центра Руси, Москвы.

Владимір — образ московскаго великаго князя — получив извѣстіе о намѣреніи цареградских богатырей „изгубити Кѣев“ приказывает богатырям никуда неразъѣзжаться, а беречь Кіев и всю его вотчину.

А возговорят богатыри таково слово:
Государь князь Владимер Кіевской!
Сторожем мы в землѣ не извадились жить,
Недоведетца нам сторожами слыть.
. . . . . .
Не извадились мы сторожемь стеречи,
Только мы извадились в чистом полѣ ѣздити,
Побивать полки татарскіе.
Отпусти нас государь в чистое поле,
Мы тебѣ государю прямыс вѣсти отвѣдаем
Или тобѣ приведем языка добраго.

Владимір не рѣшился отпустить богатырей, и послѣдніе самовольно оставили Кіев град, „поѣхали в чистое поле; ѣдут по чистому полю, взговорят меж собой таку пословицу:

Лутче бы мы тоѣ срамоты великія неслыхали,
Нежели мы от князя в очи такое слово слышали,
Хотя б мы люде недородились,
Да были бы мы богатыри недобрыя,
И нас бы в Кѣевѣ

Сторожи стеречи незаставливали.

(Богатырск. Слово Е. В. Барсова, 12—14).

Время взяло свое: служилым людям пришлось никуда не-разъѣзжаться и беречь Московскаго князя и всю его вотчину — Свято-Русскую землю.

Быт московских станичников в былинах рисуется ярко и живо. За чертами татарской эпохи в них нельзя разсмотрѣть того, что принадлежало болѣе раннему времени, что перешло на сѣвер из Кіевской Руси, из эпизодов борьбы Кіева со степью.

Сподобляется старый казак Илья Муромец
Во далече, далече, во чисто поле,
Сѣдлае, уздае добра коня:
На коня положил он войлочки,
На войлочки клал он потеси,
На потеси сѣделышко черкаское,
Подвязывал двѣнадцать потесей,
Подвязывал шелками муханскими
Не для-ради красы, басы, угожества,—
Для-ради закрѣпы богатырской.
Пряжки клал мѣди казанской,
Стремянки желѣза булатнаго.
Вид'ли добра молодца сядучи,
Не вид'ли добра молодца во чисто поле поѣдучи,
Одна курева стоит во чистом поли
От ёго копыт от лошадиных.
Пріѣзжает Илья во чисто поле,
Ко тому дубу ко Невиду,
Ко тому кресту Леванидову
К бѣлому ко каменю к Олатырю.
Раздернул ён свой бѣл шатер,
Во шатер поставил добра коня,
Насыпал пшеницы бѣлояровой,
О шатер поставил одно деревцо,
Одно деревце поставил 40 сажен,
На деревце повѣсил три кисточки,
Три кисточки повѣсил золоченых,

Не ради красы, басы, угожества,
Для—ради пристрашки богатырскоей,
Чтобы знали поганые татарова,
Что стоит Илья Муромец в чистом поли,
На этой на заставы великоей.
Мало по малу справляются,
Мало по малу сподобляются,
Собрались 12 богатырев,
На эту на заставу великую.
Гильферд. 708—9.

Выѣзжали па Сафат-рѣку
На закатѣ краснаго солнышка
7 удалых русских витязей,
7 могучих братьев названных . . .
Перед ними раскинулось поле чистое,
А на том на полѣ старый дуб стоит,
Старый дуб стоит кряковистый,
У того ли дуба три дороги сходятся . . .
Становились витязи па распутіи,
Разбивали бѣл полотнян шатер,
Отпускали коней погулять по чисту полю;
Ходят кони по шелковой травѣ-муравѣ,
Зеленую траву пощипывают,
Золотой уздечкой побрякивают;
А в шатрѣ полотняном витязи
Опочив держат. Кирѣевск. IV. 108.

Подобно Московским станичникам, находившимся под властью атаманов, под-атаманов и пр., устраиваются и богатыри на своей заставѣ:

Под славным городом под Кіевом,
На тѣх на степях на цицарскіих
Стояла застава богатырская:
На заставѣ атаманом был И. Муромец,
Под-атаманье был Добрыня Н. млад,
Есаул Алеша поповскій сын . . .

Стоявшіе на заставах сторожи должны были слѣдить за движеніями кочевников: тоже и богатыри.

Ай на славной Московскоей на заставы
Стояло 12 богатырей их святорусскіих,
А по нѣй по славной по Московскоей по заставы
Ай нѣхотою нихто да непрохаживал,
На добром кони никто тут непроѣзживал,
Птица черный ворон непролетывал,
Ай ще сѣрый звѣрь да непрорыскивал.

Гильферд. 461.

„Если станичники завидят воинских людей на дальних урочищах, наказывал кн. Воротынскій станичникам по порученію Грознаго, то им посылать посылки по три, по четыре, или сколько будет пригоже, посмотря по людям и по дѣлу, от которых мѣст пригоже, а не от одного мѣста, чтобы, провѣдав подлинно про непріятеля, на какія мѣста он идет, самим с подлинными вѣстями спѣшить на-скоро в тѣ города, на которые пойдет непріятель“ (Соловьев, Ист. Рос., VII, 27). Ср. в былинѣ про Жидовина: мимо заставы богатырской незамѣтно проѣхал Жидовин—богатырь. Добрыня пробирал свою братію приборную:

„Ой вы гой еси братцы ребятушки!
„Мы что на заставушкѣ устояли?
„Что на заставушкѣ углядѣли?
„Мимо нашу заставу богатырь ѣхал!
Собирались они на заставу богатырскую,
Стали думу крѣпкую думати:
Кому ѣхать за нахвальщиком

Положили было на Ваську Долгополаго; но Илья Муромец, атаман, нашел это неудобным. Не годились также Гришка Боярскій, Алеша Попович, Добрыня Никитич; пришлось ѣхать самому атаману (Кирѣевск. I, 47).

Подвиги русских удальцов в борьбѣ с Татарами были прославлены великорусскими пѣтарями в былинах татарскаго періода. Мнѣніе А. Н. Веселовскаго, будто русскій эпос „почти не коснулся татарина, этого сравнительно поздняго врага русской земли“ (Южно-русскія был. 39), не имѣет никаких основаній. Правда, мотивы поэзіи татарской эпохи как то расплылись в русском эпосѣ. Фантазія

пѣтарей воспользовалась готовыми поэтическими образами, и богатырей предыдущей эпохи привлекла к татарщинѣ; но создала и много новыих образов. Період борьбы с Татарами для Великороссов был героической эпохой; для поэтическаго народнаго творчества он имѣл такое же значеніе, как у Сербов вѣка борьбы с Турками, у Мало-россов эпоха казацких войн. Можно сказать, что в борьбѣ богатырей именно Татарами заключается суть русскаго былеваго эпоса.

Былевое творчество татарскаго періода ярко отразилось уже в раннем письменном памятникѣ этой эпохи— в „повѣсти о приходѣ Батыевой рати на Рязань“ (Срезн. Свѣд. и Замѣтки, XXXIX). Сюда занесены два эпизода, несомнѣнно основанныя на народных былинах: a) о смерти рязанск. кн. Феодора и самоубійствѣ его жены Евпраксіи и b) о Евпатіи Коловратѣ.

1. Рязанскій князь Феодор Юрьевич.

Рязанскій кн. Юрій Ингоревич „посла сына своего кн. Федора Юрьевича Резанскаго к безбожному царю Батыю с дары и моленіи великими, чтобы невоевал Резанскія земли. Кн. Федор Юрьевич пріиде на рѣку на Воронежь к царю Батыю и принесе ему дары и моли царя, чтобы невоевал Резанскія земли. Безбожный царь Батый лестив бо и немилосерд пріа дары и охабися лестію невоевати Резанскія земли. И яряся хвалися воевати русскую землю, и пача просити у Резаньских князей тщери или сестры себѣ на ложе. И нѣкіи от вельможь Резанских завистію насочи безбожному царю Батыю на кн. Федора Юрьевича Резанскаго, яко имѣет у собѣ княгиню от царска рода. Она ж и лѣпотою тѣла красна бѣ зѣло. Царь Батый лукав лестію и немилостив в невѣріи своем, пореваем в похоти плоти своея, и рече кн. Федору Юрьевичу. Дай мнѣ, княже, вѣдѣти жены твоей красоту. Благовѣрн. кн. Фед. Юрьевич посмѣяся и рече царю. Недостойно бо с нам христіаном тобѣ нечестивому царю водити жены своя на блуд. Аще нас пріодолѣеши, то и женами нашими владѣти начнеши. Безбожный царь Батый возъярися зѣло и о-

горчися. И повелѣ вскорѣ убити благовѣрнаго кн. Федора Юрьевича, а тѣло его повелѣ повредщи звѣрем и птицам на растерзаніе. И иных князей нарочитых и людей воиньских побил. И един от пѣстун кн. Ф. Ю. укрылся именемь Аполоница, зря на блаженное тѣло честнаго своего господина горько плачущися. И видѣ его никим брегома и взя тѣло возлюбленнаго своего государя, и тайно сохрани его. И ускори к благовѣрной кн. Еупраксѣи. И сказа ей, яко нечестивый царь Батый уби и благовѣрнаго кн. Федора Юрьевича. Благовѣрная же княгиня Еупраксѣя стояше в превысоком теремѣ своем, и держа любезное чадо свое кн. Ивана Федоровича. И услыша таковыя смертопосныя глаголы и горести исполнены, абие ринуся из превысокаго терема своего с сыном своим Иваном на среду земли. И заразися до смерти. И услыша вел. кн. Юрій Ингоревич убіеніе возлюбленнаго сына своего блаженнаго кн. Федора и инѣх князей и нарочитых людей много побитіе от безбожнаго царя. И нача вельми плакатися и с велик. княгинею, и со прочими княгинеми и с братіею. И плакаше весь град (Резанскій) на мног час.

Вторая половина разсказа напоминает эпизоды нѣкоторых сербских пѣсен Косовскаго цикла.

Кад Лазару одсекоше главу
На убаву на полу Косову,
Од Срблa се нико не десио,
Већ се деси једно Туре младо,
Јесте Туре, ал' је од робиње
Родила га Српкиња робиња,
Па беседи Турско момче младо:
„Ло Турци, моја браћо драга!
„Ово ј глава једног господара,
„Греота је од Бога једнога,
„Да је клују орли и гаврани,
„Да је газе кони и јунаци".
Узе главу светога Лазара,
Зави у скут коласте аздије,
Па је носи до воде кладенца,

Спушта главу у воду кладенац
Стајала је глава у кладенцу
Лепо време четрдесет лета,
А убаво на Косову тело,
Ни га једу орли ни гаврани,
Ни га газе коњи ни јунаци. Вук. II., II, 324.

Убѣжавшій с Косова слуга Милутин приносит Милицѣ печальную вѣсть о гибели всего войска, о смерти Лазаря (ib. 293—4). В бугариштицѣ (Гильф. III, 183) говорится:

Кад ми бѣше Милица тужне гласе разумѣла,
(о косовской катастрофѣ)
Бѣше јом се од жалости живе срце распукнуло.

Справедливо сопоставляют с разсказом о Федорѣ и Евпраксіи былину о Данилѣ Ловчанинѣ (Ор. Миллер?). Сходныя мѣста дѣйствительно есть. Владимір хочет жениться; он просит князей—бояр съискать для него подходящую невѣсту:

Из-за лѣвой было из-за сторонушки
Тут возговорит Мишатычка Путятин сын:
„Уж ты батюшка Володимір князь!
Много я ѣжжал по иным землям,
Много видал я королевишон,
Много видал и из ума пытал:
Котора лицом красна—умом не сверстна,
Котора умом сверстна—лицом не красна.
Ненахаживал я такой красавицы,
Невидывал я эдакой пригожицы,—
У тово ли у Данилы у Денисьича,
Ишшо та ли Василиса Никулишна:
И лицом она красна, и умом сверстна,
И русскую умѣет больно грамоту,
И четью пѣтью горазда церковному;
Ишшо было бы кого назвать нам матушкой,
Ввеличать нам государыней.

Владимір не хочет от жива мужа жену взять; но Мишатычка был переметлив; он предложил:

Мы Данилушку пошлем во чисто поле,

Велим пымать птичку бѣлогорлицу,
Принести ее к обѣду княженецкому;
Што ишшо убить ему льва лютово,
Принести его к обѣду княженецкому.

На охотѣ погиб Данило, бросившись на свое копье. Василиса Никулична нестерпѣла смерти мужа любимаго. Приходила она ко милу дружку, поклонилась Данилу Денисьевичу,

Берет Василиса свой булатный ножь
Спорола сеѣ Василиса груди бѣлыя,
Покрыла сеѣ Василиса очи ясныя
(Кирѣевск. III, 32—38).

Любопытную параллель к сказанію о Федорѣ и Евпраксіи представляет грузинское преданіе о Давидѣ Сасунском и женѣ его Хандуд-Ханум. Давид Сасунскій бился с Хлатцами. Послѣдніе сильно тѣснили его. Его конь завяз в камышах Чехура, в болотѣ. Кое-как он выбрался из болота и пріѣхал к водам Лохура. Еще при своей жизни, когда Абамелик был в домѣ Ибрагима-аги, он силою пробрался к его женѣ. Ее звали Шимшим-Ханум. От Абамелика она родила дѣвочку, очень талантливую. Вот эта дѣвица взяла лук да стрѣлу и пошла притаилась у обвалившагося берега рѣчки.

Когда купался Давид в водах Лохура, дѣвица та тайком пустила стрѣлу Давиду в спину. Давид стал на ноги и закричал; голос его дошел до Сасуна. Собрались его братья и поѣхали на выручку Давида. Скоро они отыскали дѣвочку с голубыми глазами. Давид схватил ее за одну ногу, наступил на другую, рванул, разорвал ее на двое и бросил.

Братья взяли Давида и поѣхали в Сасун. Четыре дня спустя, Давид умер. И стали братья его сѣтовать по нем. Они пошли к Хандуд, чтобы утѣшать ее, и пожелали ей многаго здравія. А Хандуд-Ханум сказала: „Ох, ох! видно, послѣ Давида быть мнѣ у них посмѣшищем“.

Ченчхапокрик сказал: „Хандуд-Ханум, не плачь, не плачь!“

„Давид помер, но голова моя еще цѣла“.

Хандуд-Ханум поднялась на вершину башни и бросилась оттуда вниз. И ударилась она головой о камень, и голова ея пробила камень.

В долбленое головой мѣсто Сасунцы сыплят пол-шника (мѣстная мѣра сыпучих тѣл) проса и толкут, как в ступкѣ. До сих пор видны там слѣды ея семи кос; а ступка та и понынѣ стоит там перед замком (Ж. М. Нар. Пр. CCXVIII, 74).

2. Евпатій Коловрат.

Во время нашествія на Рязань Батыя, „нѣкій от вельможъ Резанских имянем Еупатій Коловрат был в Черниговѣ с князем Ингварем Ингоревичем, смля подать своего государя вел. кн. Ингоревича Резанскаго. И услыша приход зловѣрнаго царя Батыя, и иде из Чернигова малою дружиною, и гнаше скоро. И пріѣха в землю Резанскую и видѣ ея опустѣвшу, грады разорены, церкви пожжены, люди побьены. И пригна во град Резань, и увидѣ град разорен, государи побиты, и множество народа лежаше, ови побьени и посѣчени, а ини пожжены, ини в рѣцѣ истоплены. И вскрича Еупатій в горести душа своея и распалаяся в сердци своемь. И собра мало дружины 1700 челов., которых Бог соблюде, быша бо внѣ града. И погнаша в слѣд безбожнаго царя Батыя, хотяще пити чашу смертную с своими государьми равно и едва угнаша его в земли Суздальстѣй. И внезапу нападоша на станы Батыевы и начаша сѣчи без милости. И сметоша яко всѣ поскы Татарскыя. Татарове же сташа яко піяны, а ли неистовый Еупатій тако их бьяше нещадно, яко и мечи притупишася, и емля мечи татарскія и сѣчаше их нещадно. Татарове мняша яко мертви восташа. Еупатій сильныя полкы татарскыя проѣзжая бьяше их нещадно и ѣздя по полкам татарским храбро и мужественно, яко и самому царю побоятися. И едва поимаша от полку Еупатіева пять человѣк воинских изнемогших от великих ран и приведо-

ша их к царю Батыю. Царь Батый пача вопрошати. Коея вѣры есте вы и коея земля и что мнѣ много зла творите. Они же рѣша. Вѣры кристіянскія есвѣ, раби велик. кн. Юрья Ингоревича Резанскаго, а от полку Еупатіева Коловрата, посланы от кн. Ингваря Ингоревича Резанскаго тебя сильна царя почтити и честно проводити, и честь тебѣ воздати, да не подиви царю неуспѣвати наливати чашу на великую силу рать татарскую. Царь же подивися отвѣту их мудрому. И посла шурина своего Хостоврула (Таврула) на Еупатія, а с ним сильныя полки татарскія, хотя Еупатія жива яти. Хостоврул (Таврул) же съѣхася с Еупатіем. Еупатей же исполин силою наѣхав и разсѣче Хостоврула на полы до сѣдла, и начаша сѣчи силу татарскую. И многих тут нарочитых богатырей Батыевых побил: ових на полы пресѣкоша, а иных до сѣдла краяша. Татарове же возбояшася види Еупатія крѣпка исполина и навадиша на него множество пороков и начаша бити по нем с сточисленных пороков и едва убиша его и принесоша тѣло его пред царя Батыя. Царь Батый посла по мурзы и по князи ординскіи и по санчакбѣи и начаша дивитися храбрости и крѣпости и мужеству резанскому господству. Они же рекоша царю: мы со многими цари, во многих землях, на многих бранех бывали, а таких удальцов и рѣзвецов не видали, ни отцы наши возвѣстиша нам. Сіи бо люди крылатіи и неимѣюще смерти тако крѣпко и мужественно ѣздѣ бьяшася един с тысящею, а два с тмою. Ни един от них неможет съѣхати жив с побоища. Царь Батый зря на тѣло Еупатіево и рече. О Коловрате Еупатіе, гораздо еси меня поскепал малою своею дружиною, да многих богатырей сильной орды побил еси, и многіе полки от тебе падоша. Аще бы у меня такий служил, держал бых его против сердца своего. И даша тѣло Еупатіево дружинѣ останной, которые поиманы на побоищѣ, и веля их царь Батый отпустити и ни чем вредити. (Срезневск. Свѣдѣн. и Замѣтки, XXXIX).

Несомнѣнно, былина о Коловратѣ много потеряла в изложеніи книжника, однако мотивы народных былин и lo-

ci communes переданы точно. Послѣднее обстоятельство очень важно: таким путем только и можно опредѣлить степень туземности и древности извѣстных эпических формул.

Подобно Михайлу Даниловичу, Евпатій троекратно выѣзжает на врагов, при чем третій выѣзд оканчивается для него несчастьем.

С Евпатіем вступает в борьбу и падает в ней, между прочим, родственник Батыя, шурин: Василій Игнатьевич пущенной стрѣлой убивает „наилучших головушек, хорошеньких:

Убил сына Батыги Батыговича,
Убил зятя Тараканчика Карабликова,
Убил дьячка-то выдумщика.

Михайло Данилович в первый свой выѣзд убил трех братьев братовичей Бахмета и силу, что с ними было (А. Н. Веселовскій, Южнорусск. был., 23).

К общим мѣстам (loci communes) русскаго эпоса принадлежат напр. слѣд. в разсказѣ о Коловратѣ:

И *внезапу нападоша* на станы Батыевы и *начаша сѣчи без милости.*

А ли неистовый Еупатій тако их бьяше нещадно, яко и мечи притупишася, и емля мечи татарскія и сѣчаше их нещадно.

Еупатій сильныя полки татарскія проѣзжая, бьяше их нещадно и ѣздя по полкам татарским храбро и мужественно, яко и самому царю побоятися. Сравн. Гильферд. 896 стр.:

Размахалась у Василья ручка правая,
Распиналась у Василья ножка рѣзвая.
Куды рученькой махнет—туды улица,
Куды ноженькой пихнет—переулочек,
Вдвое, втрое того топчет его добрый конь.
И видит тут Батый что бѣда пришла,
И сам говорит таково слово:
„Не ужоль таковы люди в Кіевѣ,—
„А один молодец всѣх татар прибил?
Поскорешенько на коней собирается,

И сам он невѣрный заклинается:
„Не дай мнѣ-ка Бог на Руси бывать,
„И не дѣтям моим и не внучатам,
„Оставайтесь во Кіевѣ по прежнему.

Коея вѣры есте вы и коея земля и что мнѣ много зла творите? Ср.:

Ты откудова, удалый добрый молодец,
Ты коей земли, коей орды,
Как тя нуть зовут по имечки,
Нарекают по изотчины?

Гильферд. 68 и мн. др.

Гордый и насмѣшливый отвѣт слуг Евпатія Батыю напоминает слѣдующее мѣсто в исторіи про Михайла Даниловича: на предложеніе Батыя служить ему вѣрою и правдою Мих. Дан. отвѣчает: рад тебѣ служить вѣрою и правдою, своею саблею острою над твоею шеей толстою (Южп.-рус. был. 15).

Со словами Батыя у трупа Евпатія ср. слѣд.: Калин—царь говорит Ильѣ Муромцу:

Ай же ты старый казакъ да Илья Муромец!
Да садись ты со мной да за единый стол,
Ѣшь ко ѣствушку мою сахарную,
Да и пей-ко ты мои питьицы медвяныи,
И одежь-ко ты мою одежу драгоцѣнную,
И держи-тко мою золоту казну,
Золоту казну держи по надобью,
Не служи-тко ты князю Володиміру. Ibid. 455.

. . . ових на полы пресѣкоша, а иных до сѣдла краяша. .
. . . на *великую силу рать* татарскую . . .

Еупатей . . . *разсѣче* Хостоврула *на полы до сѣдла* и проч.

Имя татарскаго багадура Хостоврул или Таврул до сих пор живет в былевом эпосѣ—в формѣ прозвища—Бахмет *Таврувевич* (Южнорус. был., стр. 30), Возвяг *Тавролъевич*.

3. Идолище поганое.

Глава VIII.

Идолище поганое, говорит Ор. Ф. Миллер, является только особым видом различных насильствующих змѣев, кощеев, дивских старѣйшин, демонов и т. п. Собственно же ему свойственною чертою является то, что он, соотвѣтственно своему, *связывающему его с язычеством прозвищу* нехочет допускать в обнасилованном им Кіевѣ того, что, по народному преданію, составляет главнѣйшее проявленіе христіанства—милостыни спасенныя" (Илья Муромец . . . 740). „Народ, без сомнѣнія, видит в своем Ильѣ Муромцѣ только свято-русскаго, изначала православнаго богатыря, а в Идолищѣ — чудовищнаго представителя нехристи, которому, подобно всякой другой нехристи в наших былинах, приписывается какое-то временное нашествіе на русскую землю, рисующуюся в былинах православною изначала" (ibid. 762).

Если иго татарское отодвинуто в нашем эпосѣ назад,— к Владиміровой порѣ, то Идольство, напротив того, отодвинуто в нем вперед, как явленіе пытавшееся было *смѣнить христіанство*, но прошедшее таким же *мимолетным* (?) *мигом*, как и власть Батыги—Калина" (!) (ibid.).

„Идолище, говорит П. В. Безсонов, начало языческое: у него есть своя „земля Идольская", свое „царство Идольское"... С Идолищем борется христіанство в лицѣ Ильи Муромца" (Примѣч. к IV т. Кирѣевск. X стр.).

Взгляд на Идолище, как на представителя язычества, к сожалѣнію перешедшій в учебники (Бѣлоруссов, Учебн. теор. словесности, стр. 41), является чистѣйшим произволом. Он основан на неправильно понятом значеніи слова

Идолище. Названіе *Идолище* — бранный эпитет, прилагаемый в былинах к татарину, Батыгѣ; часто Идолище замѣняет эти опредѣляемыя и в таких случаях является собственным именем.

Как на наш-от на батюшко Кіев-град
Наѣзжает нечисто Едолище,
По прозванію Батыга Батыгович.
Гильферд.· 1148.

Ай татарин да поганыи
Что ль Идолище великое
Набрал силы он татарскія ibid. 22.

Илья Муромец

Здравствует князя со княгинею
А тому ли татарину челом небьет.
Говорит Идолище поганое. ibid. 733.

Былины об Идолищѣ примыкают к лѣтописным сказаніям о насиліях татарских послов, баскаков и др. и о расправѣ с ними ожесточеннаго населенія. Совпаденія с лѣтописными фактами в нѣкоторых случаях так характерны, что приходится былины об Идолищѣ относить к разряду *историческихъ* пѣсен Татарской эпохи. В них во многих случаях довольно вѣрно отражаются событія перваго, наиболѣе тяжелаго, времени владычества Татар на Руси. Сам Ор. Ф. Миллер позже отнес их к татарскому періоду (Ист. рус. словесности Галахова I, 93).

Во стольном городѣ во Кіеви
У ласкова князя у Владиміра
Сдѣлалась побѣдушка великая,
Великая побѣда на весь Кіев-град:
Наѣхало Идолище великое,
В долину Идолище шти сажен,
В ширину Идолище трех сажен,
Меж ушами у него вѣдь как сажень с локотью,
Меж глазами у него вѣдь как пяда мѣрная,
Меж ноздрями у него изляжет калена стрѣла.

Насильники являются в народном эпосѣ в образѣ чудовищ, исполинов. Враги Греков, Сарацины представляются

в народной греческой поэзіи в образѣ страшных великанов. Ксанфин, отправившись искать своего сына, Василія встрѣтил Саракина, он был болен и спал; имѣл на своей, головѣ 65 замков, 42 деревни; на затылкѣ у него мельницы вертѣлись; как в одной то ноздрѣ его конь стоит на стойлѣ, а в другой ноздрѣ дѣвица умычена (Былина о Ксанф., пер. Дестуниса, стр. 25). Едва ли прав поэтому А. Н. Веселовскій, видящій в описаніи Идолища сѣверно-русское искаженіе черт южно-русских былин, зашедших на сѣвер. „Сѣверно-русскія былины, отрѣзанныя от почвы, на которой онѣ создались, отдѣленныя цѣлыми вѣками от отношеній, которыя воплотились в них впервые, поневолѣ должны были исказить их в уровень с новой исторической средой и той общественной и природной обстановкой, в которой им суждено было доживать свою вѣковую жизнь. Пріуроченіе вышло неполное. Образы южно-русской природы обратились в общія мѣста, не разцвѣтясь новыми сѣверными красками; преувеличенію открылось широкое поле, потому что перепѣвалась не своя пѣсня, прямо выпесенная из жизни, из своего непосредственнаго прошлаго, дним словом из тѣх источников, из которых пѣвец мог бы почерпать чувство мѣры и норму вѣроятія: перепѣвалась пѣсня привнесенная, которую слѣдовало истолковать и переложить на ново, иначе она была бы полупопятна. Отсюда явленіе шаржа: татарина, этого сравнительно поздняго, общаго врага русской земли, он почти некоснулся; но он являлся во всей силѣ, когда на сцену выходило Идолище, змѣй, или старчище пилигримище или царище Уланище:

Вить ушишша-та у царишша быдта блюдишша
А глазишша-та у царишша—быдта чаши пивныя,
А носишшо-то у царишша быдта палица боевая
(Южно-рус. был. стр. 38—39).

Если послѣдовательно проводить мнѣніе почтеннаго академика, то пришлось бы счесть за шарж и гиперболическія изображенія предметов в искуственных поэтических произведеніях.

Идолище сам на словах похваляется:

Давайте мнѣ поединщика!
Если нѣт у вас поединщика,
Я божьи церкви всѣ на дым спущу,
Ай весь Кіев град в полон возьму
Гильферд. 905.
Князей — бояр всѣх повырублю.
ibid. 887.

Батый просит трех богатырей: Илью Муромца, Олешу Поповича и Добрыню Никитича:

Дашь, не дашь, за боем возьму,
Сильных богатырей под мечь склоню,
Князя со княгиней в полон возьму,
Божьи церкви на дым спущу,
Чудны иконы по плавь рѣки,
Добрых молодцев полоню станицами,
Красных дѣвушек плѣницами,
Добрых коней — табунами.
Кирѣевск., IV, 41.

Ср.: „беззаконный, проклятый и всему злу начальник Шевкал, разоритель христіанскій, отверзе уста своя скверная, начат глаголати, діаволом услышан: *„господине царю! аще ми велиши, аз иду в Русь, и разорю христіанства, а князи их избію, а княгини и дѣти к тебѣ приведу“*. И повелѣ ему царь сотворити тако.

Высокомѣріе и гордость Татар были замѣчены путешественниками: „нечестіе и высокомѣріе их (Татар) простирается до того, говорит Винцентій Бовезскій, что они государя своего хана называют сыном божіим и поклоняются ему вмѣсто Бога“ (Яковлев. Путешеств. к Татарам, (105). „Кичась своим многолюдством, они думают, что никакой народ не может им противустоять“ (ibid. 109). О том же см. Плано-Карпини (ibid. 103).

С пріѣздом в Кіев Идолища „сдѣлалась побѣдушка великая“,

Не по старому в Кіевѣ звон звонят . . .
Обпасильничал Идолище поганое,

Сидит у князя в новом теремѣ,
У княгини руки держит в пазухѣ.

Грустный вид представляет терем княжескій:
Княженецкія гридни с боку на бок пошатилися,
Ставники в окнах помитусились

Кирѣевск. IV, 19.

Владимір князь уже не хозяин в своем теремѣ; его мѣсто занял Идолище. Ср.:

Беззаконный же Шевкал, разоритель христіанскій, поиде в Русь со многими татары, пріиде на Тверь и *прогна князя велик. со двора, а сам ста на кн. вел. дворѣ, со многою гордостію, и воздьиже великое гоненіе на христіаны, насильствомъ, и грабленіем и поруганіем*“ (П. С. Р. Л. XV 415).

Идолище ай ѣсть-то он, пьет хлѣбом за щеку
Другой за другую,
Аи бѣлую лебедь на закусочку;
Выпивае он вѣдь напиточек
По боченкѣ сороковочкѣ за единый дух,
А во градѣ вина все мало становится.

Гильферд. 905.

„По свидѣтельствам ханских ярлыков послам и гонцам ханским были особыя пошлины и сверх того кормы на счет тѣх владѣній, куда послы пріѣзжали“ (Бѣляев, О монгольск. чиновн. на Руси в Арх. истор.-юрид. свѣд., I, 109). При таких условіях представленіе татарскаго посла в образѣ объѣдалы и опивалы могло быть естественным с народной точки зрѣнія.

При Идолищѣ в Кіевѣ
Не просят милостыни спасенныя.

Идолище говорит Ильѣ Муромцу, пришедшему в Кіев в образѣ нищаго:

Отколь пришел ты стар человѣк?
У нас была кладена заповѣдь великая:
Не просить милостыни спасенныя.

Кирѣевск. IV 19—20.

По извѣстіям китайских лѣтописцев у Татар старость

и слабость находятся в презрѣніи (Бестужев — Рюмин Истор. I 273). Винцентій Бовезскій говорит, что Татаре, видя, что родители их старѣются и от старости дряхлѣют, кормят их жирною пищею, чтобы они, отягчаясь, скорѣе задушились“ (Путеш. к Татар., 101). „Как шатры их ни изобилуют всѣм, но они не помогают бѣдным и нищим (ibid. 109). По свидѣтельству Плано-Карпини, в бытность его в Россіи прибыл туда татарскій баскак, Сарацин, который, между прочим, „нищих, кои снискивали себѣ пропитаніе милостынею, уводил“ (ibid. 185).

Отношеніе Татар к нищим противорѣчило установившимся на Руси понятіям. Нищая братія пользовалась народною любовью; церковь приняла ее под свое покровительство. Естественным должен представляться поэтому протест и общества и самих калик перехожих против татарских послов запрещавших „собирать милостыню спасенную“.

4. Илья Муромец.

Глава IX.

Нѣкоторые мотивы былин об Ильѣ Муромцѣ находятся в несомнѣнной связи с житійными сказаніями. Так, былина о чудесном исцѣленіи этого богатыря напоминает сказанія о туровском мнихѣ Мартынѣ и ростовском епископѣ Леонтіи.

В 27 д. іюня. Нѣкто старец именем Мартин, быв прежде повар епископом туровским Симеону, Игнатію и Іоакиму. Сего еписк. Георгій свободи старости ради, и бысть монах. Пребываше же в епископли монастырѣ у святых мученик (Бориса и Глѣба) един живый. Часто же боляше старец лоном, чрево бо его в лоно исхождаше. И егда сіе бываше, тогда лежаше старец вопія, не могій востати и послужити своему тѣлу. Единою же болящу ему тѣм недугом, и лежаше в келліи, от жажди водныя изнемогаше, и никому же посѣтившу его, за не бѣ вода велика около монастыря. В третій же день внидоша к нему святіи мученици Борис и Глѣб явѣ, в своем подобіи, яко и на иконѣ написани суть, и глаголаша: чим болиши, старче? Он же исповѣда им недуг свой. И рекоша ему: хощеши ли воды? И рече старец: „о господіе мои! уже ея издавна жаждаю“. И взем един ручку старчу (в вар. водонос), и принесе воды, и вземше корец, напоиша старца. И рече старец: чья еста дѣтьска? И отвѣщаша ему, глаголюще: Ярославля. И мнѣв старец, яко Георгіевы Ярослава слуги суть. И рече: Бог да сотворит вам многа лѣта, господіе мои, обаче сами вземше хлѣб ядите, аз же не могу служити вам. Они же рѣша: да бы тебѣ хлѣб был, мы убо отыдем отселѣ, а ты не боли, но почій. И абіе невидими быша. Старец же обрѣтеся здрав, и востав

прослави Бога и святыя мученики. И пребысть прочее здрав, сіе же сам сказа отцу духовному (Пролог; Ч—Минеи Димитр. Ростовск. Макарій, Ист. р. ц. III, 301).

Об Авраамiи Ростовском разсказывается в его житіи: препод. Авраамій до осмнадесяти лѣт бысть в разслабленіи великом. Случися же быть из новгородцев благочестивых мужей во градѣ их и в домѣ отца его; и бесѣдоваху о вѣрѣ в І. Христа и бываемых чудесѣх в христіанской вѣрѣ; отрок же, лежа на одрѣ, внимаше бесѣдѣ их, удивлялся зѣло; и егда вси разыдошася, нача о себѣ помышляти, како у отца моего богов много, а мнѣ не помогут, а у Новгородцев един Бог и многим исцѣленіе дает. Если бы мнѣ оной Бог дал здравіе, я бы стал ему вѣровать и служить вѣчно. И в тѣх мыслях призываше себѣ на помощь І. Хр. И абіе внезапу ощутив нашедшую свыше силу на него, нача превращатися на одрѣ, руками и погами владѣти и вскорѣ воста с одра своего возрадовася зѣло (Макарій, Ист. рус. ц., I, 271).

В былинах про Калина царя, несомнѣнно относящихся к татарскому періоду (Ровинскій, Русск. нар. карт., IV, стр. 42, прим. 53) говорится, между прочим, о том, как разгнѣванный Владимір приказал посадить И. Муромца в погреб,

А поморить его смертью голодною.
А у князя-то вѣдь дочка-та малешенька,
А малешенька-та дочка молодешенька,
Во-потай бере ключи у своей матери
А от тыих ли от погребов глубокіих;
Составляет она хлѣб да Ильи Муромцу.

Когда же подошел под Кіев Калин-царь и грозил покорить Кіев град, а княгиню Опраксію отнять, Владимір запечалился и жалѣл о том, что посадил в погреб Илью Муромца и поморил его голодною смертью.

А дочка его была малешенька,
А й говорила она да таково слово:
„Ай же ты родитель, ты мой папенька!
„А слышала во церкви во писаніи

„А старому казаку на бою смерть неуписана,
„И голодная смерть неуписана;
„А бери-тко князь ты золоты ключи.
А берет-то князь да золоты ключи,
А отмыкает-то вѣдь князь да глубокой погреб,
А во погреби Ильюнюша живой сидит,
Ай горит у Ильюши воскова свѣча,
А читает он вѣдь книгу да евангельё
Гильферд. 304—5.

в вар.:

Он во погреби сидит-то сам не старится,
Там перинушки, подушечки пуховыи,
Одѣяла снесены там теплыи,
Ѣствушка поставлена хорошая,
А одежица на нем да живет смѣнная
ibid. 448.

Обрадованный Владимір выводит богатыря из погреба холоднаго за ручушки за бѣлыя и просит постоять за вѣру и отечество супротив царя Калина.

Мотив вполнѣ бытовой. Он встрѣчается и в сербских пѣснях. Отдѣльныя частности содержанія могли возникнуть под вліяніем сходных сказаній церковно-житійнаго характера. Сравн.: о Гуріи архіеписк. Казанском разсказывается в его житіи (Четьи—Мин. Дм. Ростовск.).

Препод. Гурій архіеписк. Казанскій рожденіе и воспитаніе имѣ во гр. Радонежѣ; родом бѣ от меньших боляр, имя ему прежде бѣ Григорій, сын отца Григорія же, прозывашеся Руготин. Живяше же отрок блаженный первѣе у нѣкоего князя, именем Іоанна, смирен и тих имѣя нрав, и в церковь часто хождаше, посту же и молитвѣ, и милостынѣ и прочим добродѣтелем прилежаше, безсупружное живый житіе. Видѣв же господин добронравіе его, вручи весь дом свой, и сего ради оболган бысть к господину по зависти от клеврет своих, аки бѣ прелюбодѣет с женою его; господин же вѣру емь клевещущим на него, повелѣ его убити. Сын же господина того, разумен сый, умоли отца своего, да не ускорит клеветником вѣру

яти и не посрамить себе: испытав убо по тонку о нем, и увѣдав, яко неповинен есть, свободи его от смерти. Обаче отец его от ярости побѣждаем, всади его в ров глубок. И два лѣта в нем препроводи, алчбою озлобляемый: пища бо подаваема ему бѣ не человѣческа, на три дня вметаху по единому снопу овса, и мало воды. Нѣкій же его друг обѣща снѣди ему приносити: он же нехотяше, но велѣ ему приносити бумаги и чернила, и писаше, сѣдя в ровѣ книжицы в наученіе дѣтям, и даяше продавати и цѣну их нищим раздавати. По дву же лѣтѣх милосердый господь, видяй доброе терпѣніе раба своего, неповинно таковая страждущаго, благоизволи, аки от ада, от узилища того свободити его, и отверзе ему невидимою силы своея рукою затвор темничный. Сравн. Ровинскій, Рус. нар. карт. IV, стр. 37—38, примѣч. 46, 47.

Любопытны былины о пребываніи Ильи Муромца с другими богатырями в Царь-градѣ. „Роль Царь-града в русских былинах обращает на себя вниманіе, говорит А. Н. Веселовскій. Илья является поочередно в Кіевѣ и Константинополѣ не только в былинах об Идолищѣ, но и в „сказаніи о семи русских богатырях“ (Южно-рус. был. 60).

„Сказаніе“, судя по количеству изданных варіантов, пользовалось большим распространеніем в древней Руси. Суть содержанія его в том, что богатыри, узнав о намѣреніи царя из Царя-града отпустить на Кѣев изгонею 42 богатыря „Кѣев изгубити“, без согласія Владиміра, самовольно уѣзжают в Царь-град. В Царь-градѣ русскіе богатыри побѣждают богатырей царя Константина Боголюбовича, двух главных богатырей—Идола Скоропеевича и Тугарина Зміевича берут в плѣн, и послѣдняго ведут в Кіев. За вѣрную службу Владимір награждает возвратившихся богатырей шубами подасамитными, цѣпями золотыми и сверх того казною несмѣтною (Е. Барсов. Богатырск. сл. 12—26). Представленный Владиміру Тугарин Зміевич, на вопрос князя о цареградских вѣстях, отвѣчает:

Что ты меня, государь, о вѣстях спрашиваешь?

Всѣ вѣсти у тебя, государь: нѣт, государь, тебя гро-

знѣе во всѣх царствах, а богатырей твоих нѣт удалѣя во всѣх землях.

По просьбѣ И. Муромца с товарищи Владимір отпускает Тугарина в Царь-град. Богатыри провожают его; при прощаньи, на рубежѣ, говорят ему таково слово:

Скажи ты, Тугарин Зміевич, благовѣрной царицѣ Еленѣ, еще есмы в правдѣ устояли, и царское все исполнили: государю служба служена и честь получена".

Богатыри возвратились в Кіев „и стали славно жить в Кіевѣ, и их храбрости слава не минуется" (Кирѣевск. Пѣсни, IV, 37—38).

Слѣдует ограничить мнѣніе Е. В. Барсова, что в этой былинѣ „характерно выражено наступательное дѣйствіе Кіева на Византію" (Богатырск. сл. 10). Весьма вѣроятно, что в былинах о хожденіи богатырей в Царь-град скрывается воспоминаніе о дѣйствительных походах Русских Славян на Константинополь; но едва ли одно это обстоятельство вполнѣ объяснит роль Царьграда в русских былинах.

Благодаря исконным политическим связям и церковной зависимости Руси от Греціи, Царь-град, Византія получила в представленіи русских людей особую, идеальную окраску, греческій царь патріарх—силу авторитетов. Идеальныя представленія о византійской власти, рѣшавшей главнѣйшіе вопросы духовнаго и отчасти гражданскаго бытія древней Руси, особенно ярко отразились в кругѣ сказаній легендарнаго характера на мотив — о полученіи русскими людьми славы и чести от царя и патріарха. Так, уже в житіи Петра царевича Ордынскаго ростовскій еписк. Кирилл (1231—61) разсказывает царю Берке в Ордѣ о Леонтіи, „како крести град Ростов и како честь прія от русских князей и от греческаго царя и от патріарха" (Ключевскій, Древне-русск. житія святых как историч. источн. 20). „О сношеніях Леонтія с греч. царем и русск. князьями ни слова не говорит ни одна редакція его житія" (ibid.).

К XV и XVI в. идеализація Византіи дошла до высшей степени, особенно в Московском государствѣ. В это

время получила силу мысль, что непосредственное преемство от Византіи извѣстнаго обычая, учрежденія служит незыблемым основаніем самой необходимости его существованія. Являются сказанія, имѣющія задачей связать нѣкоторые наиболѣе важные факты русской жизни с византійскою древностью. Терновскій к этому времени относит происхожденіе сказанія о присылкѣ царских регалій Константином Мономахом кіевскому кн. Владиміру Мономаху (Изученіе Византійск. истор.). К той же эпохѣ относится сказаніе о новгородском бѣлом клобукѣ. К этим сказаніям по времени происхожденія, характеру и основной мысли примыкает и „Сказаніе о Кѣевских богатырях, как ходили в Царь-град и побили цареградцких богатырей, *учинили себѣ честь*“. Это не народная былина в тѣсном смыслѣ слова, а книжное сказаніе XV или XVI в., содержащее в себѣ многіе мотивы былины и былевыя формулы (loci communes). Очевидно, автор, связав русских богатырей с Царьградом, эпическим царем Константином, имѣл в виду ту же конечную цѣль, что̀ и авторы сказаній о бармах Мономаха и бѣлом клобукѣ. Всѣ три сказанія относятся к одному литературному направленію и связаны одной мыслью. Благовѣрная царица Елена говорит: „Илья Муромец с товарищи! таких грозных богатырей небывало в цареградѣ, не побивали наших цареградских богатырей . . .“ (Богатырск. слово, стр. 24). Тугарин Зміевич говор. Владіміру: „У тебя государя вотчины не во всѣх ли ордах, а богатырей твоих удалее нѣт и во всѣх землях“ (ibid. стр. 26). „В древняя бо лѣта, говорится в повѣсти о новгор. бѣлом клобукѣ, изволеніем земнаго царя Константина, от царствующаго сего града царьскій вѣнец дан бысть русскому царю; бѣлый же сей клобук изволеніем небеснаго царя Христа нынѣ дан будет архіепископу вел. Новгорода и кольми сій честнѣе оного, понеже архангельскаго чина есть царскій вѣнец есть, и духовнаго суть . . . да просвѣтятся и похвалятся о сем православніи . . . вся святая *предана будет* от Бога *великцый рустей земли* во времена своя и *царя рускаго возвеличит Господь над многими языки*,

и подо властію их многи царей будут от иноязычных... и страна наречется свѣтлая Росия, Богу тако изволившу прославити тацѣми благодареніи русскую землю, исполнити православія величеству и честнѣйшу сотворити паче первых сих“ (Памятн. Кушел-Безбор. I, 296).

Максимович полагал, что „кіевское давнее мнѣніе о принадлежности Ильи Муромца второй половинѣ XII ст. остается в полной силѣ и должно быть признаваемо за положительное свѣдѣніе историческое“ (Сочинен. I, 127). „Признаніе за ним этого столѣтія утвердилось в Кіевѣ особенно со времени митропол. Евгенія; а впервые оно было обнародовано еще в 1638 г., в книгѣ Театургимѣ, напечатанной в печерской лаврѣ. Сочинитель ея, здѣшній (кіевскій) монах Афанасій Кальнофойскій был один из тѣх ученых сподвижников достопамятнаго Петра Могилы, которые вмѣстѣ с ним открыли гробницу свят. Владиміра в развалинах Десятинной Церкви, как это видно из его Театургимы. Что он знал все написанное дотолѣ в Кіевѣ о св. Владиміръ, то видно также из его книги. Конечно, не на угад написал он и свое показаніе о принадлежности И. Муромца второй половинѣ XII в. В кіевских пещерах, над могилами почивающих там подвижников были стародавнія доски с краткими о них извѣстіями. Тѣми надписями руководились всѣ, писавшіе в том вѣкѣ о св. отцах печерских. Вот древній источник, из котораго Кальнофойскій мог заимствовать показаніе свое об Ильѣ Муромцѣ“ (ibid. 124).

Не заподозрѣвая добросовѣстности Кальнофойскаго, можно сомнѣваться в давности почитанія в Кіевѣ святаго подвижника Ильи Муромца. Ко времени Кальнофойскаго могла существовать надпись на доскѣ над гробницей святаго; но содержаніе ея едва ли основывалось на несомнѣн-

ных фактических данных. Ни в одном из древних агіографических памятников не упоминается святой Илья Муромец [1]). Весьма вѣроятно, поэтому, что показаніе свое об Ильѣ Муромцѣ Кальнофойскій почерпнул из народнаго преданія, а не из письменных исторических источников. Замѣчательно, что Эрих Ляссота, бывшій в Кіевѣ в 1594 г., упоминая об Ильѣ Моровлинѣ, не называет его святым. Он говорит: „в другом придѣлѣ, внѣ церкви (св. Софіи) была гробница знаменитаго героя или богатыря Elia Morowlin, о котором разсказывают много басен. Гробница его нынѣ разрушена, но в том же придѣлѣ сохранилась гробница его товарища“ (Путевыя записки Эр. Ляссоты пер. и прим. Бруна. Одесса 1873, стр. 19). В этих словах Ляссоты можно находить лишь указаніе на реализацію былевых преданій о *положеніи богатырей в Кіевѣ*.

Тот же путешественник, описывая печерскій монастырь, сообщает, что в *пещерах* находились мощи богатыря, называвшагося в народѣ Чоботко. „Item великан и богатырь, прозванный Чоботком, на котораго, как говорят, тогда то внезапно напали непріятели как раз тогда, когда он надѣл было один из сапогов своих. Неимѣя под рукой другого оружія, он в то время оборонялся от них другим сапогом, еще ненадѣтым, и перебил им всѣх своих врагов, почему и был назван Чоботко“ (ibid. 21). Брун

---

[1]) На мою просьбу, сообщить мнѣ, упоминается ли св. Илья Муромец в древних кіевских рукописных агіологических матеріалах, проф. Н. И. Петров обязательно отвѣтил: „ни в рукописных и печатных прологах, которые я спеціально изслѣдовал, ни в рукописях Кіевской Академіи я ничего не находил о препод. Ильѣ Муромцѣ“. Проф. И. Я. Порфирьев не встрѣчал упоминаній об И. Муромцѣ в рукописях Соловецкой библіотеки. Проф. Знаменскій, занимающійся разбором рукописей Соловецкой библіотеки по отдѣлу агіографіи, „ни в одном из сборников житій, прологов, Четьих-Миней не встрѣтил никакого, хотя бы самаго краткаго, упоминанія о св. И. Муромцѣ, почивающаго в кіевских пещерах (из письма ко мнѣ И. Я. Порфирьева).

в примѣч. к записк. Лясcоты полагает, что Чоботко тотже Илья Муромец, останки котораго были перенесены народом из разрушенной гробницы при храмѣ св. Софіи. Предположеніе это совершенно произвольно; оно не оправдывается ни Лясcотою ни другими источниками. Из слов Лясcоты явственно выходит, что в его время различались Чоботко — мѣстный народный святой герой и Илья Муромец—богатырь, о котором разсказывалось много басень, и котораго народная молва искала пріурочить к Кіевским историческим развалинам вмѣстѣ с его товарищем; под послѣдним можно разумѣть не Добрыню (Ор. Миллер, l. c. 800), а скорѣе слугу Ильи Муромца, того паробка любимаго, слугу вѣрнаго безъизмѣннаго, о котором помнит былина (Гильферд. 448). Ко времени Кальнофойскаго, как видно, произошло смѣшеніе преданій об Ильѣ Муромцѣ со сказаніями о Чоботкѣ. Неизвѣстный святой хоробер, память о котором сохранялась под прозвищем Чоботка, получил имя Ильи Муромца. Вмѣстѣ с тѣм Илья Муромец был помѣщен в Антоніевых пещерах и назван „по народному“ Чоботком: zakonnik Ilija, tego darmo lud pospolity Czobotkiem zowie (Ор. Миллер, l. c. 709 прим.). Дальнѣйшей реализаціей былевых сказаній об Ильѣ Муромцѣ объясняются извѣстія подобныя слѣд.: „видѣхом храбраго воина Ил. Муромца в нетлѣніи под покровом златым, ростом яко пынѣшних крупных людей; рука у него лѣвая пробита копіем; язва вся знать на рукѣ, а правая его рука изображена крестное знаменіе“ (Путеществ. в св. землю І. Лукьянова, М. 1862, стр. 14). В мѣсяцесловѣ Косолапова под 19 декабр.: препод. И. Муромца. Представился около 1188 г. Мощи его почивают открыто в Антоніевых пещерах в Кіевѣ. Три перста его правой руки сложены вмѣстѣ и пригнуты к ладони. Преподобный почивает в молитвенном положеніи и псотразимо обличает раскол. Вторично вспом. под 21 Сентябр. (сообщ. Н. И. Петров).

На сколько позволяют факты, ясно, что прославленіе Ильи Муромца святым—явленіе сравнительно позднее; оно

принадлежит XVII в. и вѣроятно имѣло мѣсто первоначально в Кіевѣ, куда великорусскіе богомольцы занесли, как имя своего главнаго эпическаго героя, так и нѣкоторыя былины о нем (viel fabeln). Из Кіева частію книжным, частію устным путем оно перешло на сѣвер. К былинам взгляд на И. Муромца как святаго привился слабо. Лишь в концѣ нѣкоторых былин встрѣчается упоминаніе о мощах И. Муромца, в качествѣ позднѣйшей приставки книжнаго происхожденія.

Пріѣзжае он (И. М.) во славный во Кіев град
А ко тыим ли он пещерам да ко Кіевским,
А прилетала невидима сила ангельска,
А взимали то его да со добра коня,
И запосили во пещеры-ты во Кіевски,
И тут же вѣдь старый опочив держал.

Гильферд. 313.

Или:

Построил он церковь соборную
Святителю Николы Можайскому
Во славном во городи во Кіеви,
Сам заѣхал во пещеры во глубокія,
Тут-то Илья переставился,
Понынѣ теперь его мощи нетлѣнныя.

ibid. 1204.

Если справедливо преположеніе, что Ярл Иліас норвежских саг, Илья-шах турецких эпических сказаній (Ровинскій, Рус. н. к., IV, 62—4) — одно лицо с нашим Ильей Муромцем, то, помимо свидѣт. Кальнофойскаго, время запѣва былин об этом богатырѣ приходится отнести к XIII вѣку и ранѣе. Однако, положительных доказательств в пользу такого именно вывода еще не представлено.

По былинам дѣятельность Ильи Муромца связывается главным образом с Татарами. Он — главный герой татарскаго періода, и в этом прежде всего заключается историческое значеніе былин об Ильѣ Муромцѣ. Илья Муромец „могучій представитель простаго народа и защитник его

интересов", но только не „перед исключительным господством дружины" (Буслаев, Истор. Оч. I, 417—18), а первоначально перед внѣшним врагом, Татарином.

Развѣ нѣт у нас да на святой Руси,
Развѣ нѣт у нас во стольном во градѣ в Кіевѣ
Развѣ нѣт такова да супротивника,
Ай сопротив Калина царя да Калиновича?
Ай как есть у нас да во чистом полѣ
И во чистом полѣ да во бѣлом шатрѣ,
Ай есть вѣдь там да удалый добрый молодец,
Еще старыя казак да Илья Муромец,
И про него же славу про великую,
И про него же силу богатырскую,
И во стихах поют, и в старинах скажут,
И на бою ему то смерть не писана.
А знаю я об том и вѣрно вѣдаю
А что он может сразиться супротив царя да Калина
Гильферд. 863.

Позже, проникли в былины об И. Муромцѣ и другіе мотивы из области гражданских отношеній московской Руси.

Быть может, первоначально Илья Муромец был излюбленным народным героем в родѣ Ивана богатыря крестьянскаго сына, — и в этой степени образ его отразился в норвежских сагах. В татарское же время образ его стал опредѣленнѣе, занял центральное положеніе в кругу других богатырей и получил извѣстное мѣстное пріуроченіе.

Какое прозваніе имѣл в старину наш герой — Муромец или Муровец или Моровлин или какое либо другое — рѣшить трудно за недостатком мѣстных суздальских свидѣтельств. Во всяком случаѣ стоять за древность формы — Муромец нельзя в виду сильнаго стремленія населенія сѣверо-восточной Руси пріурочить исторических и эпическихъ лиц к различным мѣстностям старой Суздальщины. Не только Владимір святой помѣщается во Владимірѣ на Клязьмѣ (Бычков. Описаніе рук. сборн. Публ. библ., I, 234);

ю „окаянный“ Батый пріурочивается к Ярославлю селу Череможскому: в житіи ярославск. кн. Василія и Константина говорится, что Батый стоял под Ярославлем 2 года и 6 мѣсяцев, ища отца своего; бяше бо той окаянный царь Батый родом града Ярославля, от веси Череможскія и дошед отца своего в л. 6745 взят бысть град Ярославль (Истор. Россіи Соловьева, IV, 427).

5. Василій Игнатьевич.

Глава X.

Существенная черта былин о Василіи Игнатьевичѣ — стрѣльба в осаждающих — встрѣчается в эпосѣ разных народов. Вот напр. Нартовское сказаніе на этот мотив. Нарты осадили сына Хиза, Челахсартага, в его крѣпости, и очень стѣснили его. Вышла сестра Хизова, красивая Агунда, и сказала: „ах, брат мой, как ты смотришь спокойно на того, кто разоряет твое владѣніе, твой аул; вынеси свои три освященныя богом стрѣлы; вѣдь тебѣ надо что нибудь предпринять против тѣх, которые уничтожают твое владѣніе“. Вошол он в дом и взмолился: „о боже богов! ты создал эти стрѣлы; вонзи их в шею тому, кто разоряет мое владѣніе“, и с этим пустил стрѣлу. Первая стрѣла не попала во врага; вторая — тоже миновала его. Третья стрѣла, пущенная Хизовым сыном, полетѣла вверх, с громом упала вниз и попала сыну Дченза прямо в шею. Голова — в одну, туловище — в другую сторону, — так катился Дчензов сын (Сборн. свѣд. о кавк. горц., V, Нарт. сказ., стр. 8).

В виду распространенности мотива, в вопросѣ о происхожденіи былин о Вас. Игн. не имѣет большаго значенія извѣстное лѣтописное сказаніе об Адамѣ суконникѣ, убившем стрѣлой нарочитаго татарина, во время осады Москвы Тохтамышем (П. С. Р. Л., VI, 100). Здѣсь — простое совпаденіе дѣйствительнаго происшествія с эпическим старинным сказаніем. Впрочем, случайное совпаденіе традиціоннаго эпическаго образа с дѣйствительным событіем могло оказать вліяніе на дальнѣйшее развитіе перваго. Поэтическій образ, получив новое толкованіе, новое пріуроченіе к извѣстному событію, естественно мог

воспринять в себя нѣкоторыя черты послѣдняго. Вѣроятно, в связи с дѣйствительными событіями нашествія Тохтамыша на Москву стоит упоминаніе в былинѣ о голях кабацких, самое прозваніе героя *пьяница, упьянсливый*.

Из Кіева всѣ богатыри уѣхали,
А лучилась голь кабацкая,
По прозванію Василій Игнатьевич,
А двѣнадцать годов по кабакам гулял,
Пропил, промотал все житье—бытье свое.
Гильферд. 322.

В осажденной Тохматышем Москвѣ, по словам лѣтописца, „пѣцыи недобріи человѣци начаша обходити по двором, и износяще из погребов меды господскыя и сосуды серебренныя и стьклянницы драгія и упивахуться до великаго піяна, и к шетанію дерзость прилагаху, глаголюще: „неустрашаемся нахожденія поганых татар, селик тверд град имуща, иже суть стѣны камены и врата желѣзны. И пакы влазяще на град, піяни суще и шатаахуся и ругающеся Татаром, образом безстудным досаждающе, и нѣкая словеса износяще исполнь укоризны и хулы кидаху на ня“ (ibid.).

Имя героя, *Василій пьяница*, А. Н. Веселовскій весьма удачно объясняет ассимиляціей поэтических образов. „Василій упьянсливый быть может подставился на мѣсто другаго имени, потому что был народным типом пьяницы. В древней русской словесности извѣстно слово „Василія о том, как подобает воздръжатися от пьянства“; русскій духовный стих перевел эти назиданія в конкретные образы: Василія Великаго, которому является Богородица, побуждающая его оставить хмѣльное питіе. Типическое имя было готово (Южн.-рус. был., 50).

К одному разряду с былинами о Василіи Игнатьевичѣ относится малорусское сказаніе о Михайликѣ (Легенда о золотых воротах).

Любопытную параллель к нему, хотя бы в смыслѣ соотвѣтствія малорусскаго преданія дѣйствительным отношеніям удѣльно-вѣчевой Руси представляет слѣдующее лѣ-

тописное извѣстіе об одном событіи из жизни князя Михалка Юрьевича.

По убіеніи Андрея Боголюбскаго Суздальцы и Ростовцы позвали на княжескій стол Ростиславичей, а Владимірцы приняли Михалка Юрьевича. Поступок Владимірцев непонравился Ростовцам и Суздальцам; они рѣшились силою выгнать Михалка из Владиміра и унизить младшій город. „Пріѣха же со всею силою Ростовская земля на Михалка к Володимерю и много зла сотвориша, Муромцѣ и Рязанцѣ приведоша и пожгоша около города; Володимерци бьяхуться с города, Богородицѣ святой помогающи им; и стояша около града 7 недѣль и святая Богородица избави град свой. Володимерци же не терпяче глада, рѣша Михалку: „мирися, а любо, княже, промышляй о собѣ“. Он же, отвѣщав, рече: „прави есте, чи хотите мене дѣля погинути?“ Поѣха в Русь и проводиша его Володимерци с плачем (Лавр. л., 158).

Михалко Юрьевич был дѣятельный, храбрый и любимый народом князь. О его подвигах существовала цѣлая повѣсть, внесенная в лѣтопись в видѣ сказаній о чудесах пресвятой Богородицы (Хрущев. О древн. историч. повѣстях, 131—37). Удаленіе его из Владиміра по требованію рады трусливых горожан могло стать предметом дружинной пѣсни.

Опредѣлить дѣйствительное отношеніе лѣтописнаго извѣстія к мало-русской легендѣ о Михайликѣ, за отсутствіем положительных данных, трудно; а сходство между ними есть и довольно сильное. Из извѣстных варіантов легенды наиболѣе интересен сообщенный Трусевичем (Kwiaty i owoce. Kijow 1870, 237—8). Герой называется здѣсь *Михалко*. Разсказ пріурочен к Кіеву и Татарам. Батый осадил Кіев; осада была безуспѣшна: в городѣ был znakomity rycerz Michałko. Батый знал, что, пока будет Михалко в городѣ, он не возмет Кіева; но ничего не мог сдѣлать. Однажды Михалко, замѣтив Батыя, пустил стрѣлу с письмом, в котором совѣтовал ему

отступить от Кіева. Стрѣла попала Батыю в руку и пробила ее насквозь. Батый потребовал выдачи Михалка, угрожая в противном случаѣ страшно разорить город, а жителей избить. Michałko poprzysiągł pobić Batego i ocalić miasto, ale przestraszeni mieszkańce nie decydowali się wystąpić przeciwko Batemu. Zbierali się oni tłumami na ulicach, ustawicznie radzili coś pomiędzy sobą i, jak te oto baby, płakali. Cały naród kochał Michałka, cały naród wierzył święcie w jego waleczność, pomimo to więcéj daleko jeszcze cały naród bał się tatarów. Наконец страх взял перевѣс, и горожане рѣшили выдать Михалка. Dowiedziawszy się o tém Michałko prosił by mu wolno było przynajmniéj pożegnać lud i Kijów święty. Wdział on wtedy na siebie swą śliczną zbroję, siadł na swego ulubionego konia i wyjechał na plac złoto-wrotski. Собравшемуся там народу он представил горькую участь, какая его ожидает по вступленіи Татар в город; а в концѣ, видя непреклонную рѣшимость Кіевлян, сказал: Kijowlanie! Kijowlanie! pohana wasza rada! Проговорив это, Михалко ударил копьем в золотыя ворота, поднял их на плечи и вмѣстѣ с ними выѣхал из города (Веселовскій, Южн.-рус. был., 5—6).

Варіант сказанія, изданный Драгомановым (Малорусск. нар. пред., 249) так близко сходится с великорусскими былинами Владимірова цикла, не говоря о мотивѣ, в общем характерѣ и отдѣльных выраженіях, что является предположеніе, не есть ли он лишь пересказанная Малороссами великорусская былина. Иначе трудно себѣ объяснить, как в Малороссіи могло возникнуть сказаніе о Михайликѣ, кіевском богатырѣ, дѣйствовавшем против Татар при Владимірѣ. Нѣкоторыя выраженія, как *татарове-юлановe* принадлежат скорѣе великорусскому эпосу, нежели малорусскому. Да и все вообще сказаніе о Михайликѣ, занимающее одинокое положеніе в малорусской словесности, не есть ли прикрѣпленная к Кіеву старинная великорусская былина Кіевскаго цикла? Вѣдь, всѣ изданные до сих

пор варіанты записаны или в самом Кіевѣ или в его окрестностях.

При такомъ предположеніи яснѣе становятся нити, связывающія малорусское сказаніе с событіем, случившимся в сѣверо-восточной Руси, — главнѣйшей родинѣ былин Кіевскаго или Владимірова цикла.

Глава XI.

Повѣсть о убіеніи злочестиваго царя Батыя.

Извѣстный Пахомій Логофет к сказанію об убіеніи в Одрѣ кн. Михаила Черниговскаго „приложил повѣсть „о убіеніи злочестиваго царя Батыя“ в Венгріи; сухое книжное изложеніе пощадило в ней нѣкоторые поэтическіе мотивы, по которым легко замѣтить, что это — народная южно-славянская пѣсня о Батыѣ, в книжной обработкѣ пущенная пришлым Сербом в древне-русскую письменность: в такой формѣ, иногда с варіантами, она встрѣчается в позднѣйших русских житіях и лѣтописных сборниках (Ключевскій, Др.-русск. жит. святых, 147).

Вполнѣ раздѣляя взгляд почтеннаго профессора, мы только отмѣтим народно-поэтическіе мотивы, вошедшіе в состав этой повѣсти. При крайней скудости документальных указаній на объем и содержаніе старинной славянской пѣсенности, очень важно отмѣтить факт, позволяющій дѣлать хоть какія либо заключенія в этом отношеніи. А если мы примем во вниманіе, что повѣсть написана в концѣ XV или началѣ XVI в., то отмѣченные в ней народно-поэтическіе мотивы должны пролить свѣт на такую эпоху в исторіи славянской народной поэзіи, о которой мы ничего не знаем.

Текст сказанія помѣщаем по Никоновскому сп. лѣтоп. изд. 1786 г., III, стр. 27—30. Лѣта 1248 царь Батый подвижеся ратью и до самаго града Варадина Угорскаго, и многи окрест его грады разби, и вся поплени: и никтоже можаше против его стати. Приспѣвшу же сму и к Варадину граду, еже среди земли Угорскія стоит; около же его мало простых древес, но вся древеса виноградная изобиліем всякаго овощіа, и всякаго вина. Град же

отвсюду водома обведен, и зѣло крѣпок; и от сея крѣпости не боящи никого же; среди же града стояше столп камен зѣло превысок. Бѣ же тогда самодержец тоя земли король Власлов, Угром и Чахом и Нѣмцем, и всего поморія, и до великаго моря. (Опускаем вставку о крещеніи Власлава св. Савою сербским).

Царь же Баты, пришед в землю (У)горскую, вся грады разруши, люди поплени; самодержцу же Влаславу, его же св. Сава именова Владислав, непоспѣвшу собратися с людьми далѣчаго ради земель разстоянія.

Батый же наипаче благополучно време обрѣте творяше елико хотяше, король же Владислав многи дни пребываше на предреченном столпѣ в велицѣй скорби, ни хлѣба, ни воды вкушая, и моляще Христа Бога со слезами, да преложит гнѣв свой на милость и избавит его от врагов его.

Видѣв же со столпа, на нем же сѣдяше, сестру свою бѣжащу к нему во град, и татарове достигоша ю, яша и отведоша к Батыю, король же Владислав видѣв сія паче на сугубый плачь и слезы обратися, и моляше Христа Бога, да помощію своею и милостію своею избавит его от врагов его.

Сице же ему молящусь, и слезам текущим от очию его яко рѣчным быстринам, и кдѣже падаху на мраморие, прохожаху насквозь; еже есть и до сего дни видѣти на том столпѣ, на мраморех. И от сего познаша, иже с ним сущіи панове и вси предстоящіи ему, помощи и милости Божіи бытии.

И мало по сем человѣк нѣкто свѣтел зѣло, и страшен, якож всѣм сущим с королем устрашитися и вострепетати от него, ста пред королем глаголя сице: ради слез твоих дает ти Бог побѣдити царя Батыя, изыди убо на него в си час. Начаша ж видѣти лице глаголющаго и невидѣша его; к тому изшедше же со столпа оного, видѣша конь осѣдлан никим держим, но о себѣ стоящ и сѣкира на нем. И от сего извѣстно разумѣша помощи Божія быти.

Король же Владислав в той час всѣде на коня оного,

и сѣкиру ту в руку взем, изыде из града с воинствы своими, елицы тамо с ним бѣша, и внезапу безвѣстно пріиде на стан царя Батыя. Батыю же тогда отнюдь в малѣ сущи, вси бо татарове его в загоны разыдошася, елицы же с ним сущіи татарове в той час гнѣвом Божіим побѣжены быша яко мертвіи, и бѣжаша с великим срамом.

Сравн. с этой частью сказанія о Батыѣ сербск. п. „од Беча краљ разби Турке под Бечом“ (Богишић. Српск. нар. п., стр. 314—15).

Али грми, ал' се земла тресе,
Ал' удара море у мраморје,
Ал' се ори Оринац планина,
Ал' пуцају са Задра лумбарде?
Нити грми, ни се земла тресе,
Нит' удара море у браморје,
Нит пуцају на Задру лумбарде,
Него војска испод Беча иде.
Од Беча је краљу сагледајо,
Тер је к ведру небу погледао,
С ведрим си небом разговара:
„Ах што ћу ти, мој Боже велики!
„Ко ће турском силом одољети?“
И с неба му нешто проговора:
„Не бој ми се краљу, слуго моја!
„Не мој носит' пред војском барјака,
„Него крижак, име Језусово,
„Ти ћеш турском одољети сили.
Кад је краљу ово разумјео,
Тад је ведру небу зафалио,
Из Беча се војском упутио,
И прид војском барјака не поси,
Него крижак име Језусово;
У турску је војску ударио.
Да је коме стати па гледати,
Како турске одлетају главе,
А каурске сијевају корде.
Колико је море испод Беча,

Све је црном измијешало крвцом,
Црном крвцом из турскијех глава.
Кад је краљу Турке погубио,
Здраво ми се Бечу повратио,
И велику Богу зафалио,
Да је турске погубио главе!

„Царь же Батый, видѣв свою бѣду, и недоумѣвся что сотворити, и побѣже гнѣвом Божіим гоним и сестра королева с ним. Король же Владислав с воинством своим гна вслѣд их, и многих татар изби; *таже достиже до самаго царя Батыя и сразися сам с ним, и нача сестра королева помогати Батыю. Король же Владислав возопи с великим гласом и со слезами ко Господу Богу, да ему поможет; и тако помощію Божіею одолѣв уби царя Батыя и сестру свою с ним.*

И пришед с паны своими и со всѣми воинствы своими ста в станах Батыевых; татарове ж приходяше из загонов в станы своя невѣдяще бывшаго; Угри же полон у них взимаше, а самѣх смерти предаху и все безчисленное богатство их взяша. Елицы же восхотѣша в христіанскую вѣру, тѣх оставиша живых.

Тако убо Господь Бог сотвори своею невидимою силою; смерти предаде нечестиваго царя, и всю безчисленную силу, и сбысться писаніе, глаголюще: мнѣ отмщеніе и аз воздам, глаголет Господь. Сотворен же быв мѣдным лоялом король Владислав на конѣ сидя, и сѣкиру в руцѣ держа, ею же уби царя Батыя с ним же и сестру свою невидимою силою Божіею; и водружен на том столпѣ, иже посреди града стоит, на видѣнія и память послѣднему роду. И сице стоит да иже и до сего дне. Да здѣ убо, яже о Батыи, повѣсь конец пріят.

Во второй части „повѣсти“ особый интерес для занимающагося вопросом об устойчивости народно-поэтических мотивов представляет упоминаніе о бѣгствѣ с Батыем сестры Владислава, измѣнѣ ея брату и убійствѣ измѣнницы вмѣстѣ с врагом.

Сказанія на тот же мотив и в настоящее время жи-

вут у Сербов, Болгар, Мало-руссов и Велико-руссов,— с тою лишь разницей что в современных варіантах *сестра* замѣнена *женой* или *невѣстой*. Ср.:

Бановић Страхиња (Вук II N 44). В отсутствіи Страхини, Турчин Влах-Алија увел его жену. Страхиня отправился разыскивать похитителя. На Косовом полѣ он находит врага и вступает с ним в бой. Долго боролся Страхиня с супротивником:

Носише се љетни дан до подне,
Док Турчина пјене попануше,
Бијеле су, како горски снијег,
Страхин-бана бјеле, па крваве,
Искрвави низ прси халине,
Искрвави чизме обадвије.

Утомленный бан говорит женѣ:

Љубо моја, тебе Бог убио!
Које јаде гледаш на планини?
Но ти подби један комат сабле,
Удри, љубо, мене, ја Турчина:
Мисли љубо, кога теби драго.
Али Турчин љуто проговора:
„Душо моја, Страхиново љубо!
„Не мој мене, но удри Страхина,
„Нигда нему мила бити не ћеш,
„Пријекорна бити до вијека:
„Кориће те јутром и вечером
„Ђе си била са мном под чадором;
„Мене бити мила до вијека,
„Одвешћу те Једренету граду,
„Наредићу тридест слушкиница,
„Нек ти држе скуте и рукаве,
„Ранићу те медом и шећером,
„Окитити тебе дукатима
„Саврх главе до зелене траве;
„Удри саде Страхинића бана! стр. 284.

Женску страну ласно преварити! Побѣжала жена Страхини, схватила сабельный осколок и ударила им мужа пря-

мо в лоб. Пробилась кровь алою струею, стала застилать очи Страхинѣ. Видит бан неминучую гибель, — догадался позвать вѣрнаго пса Карамана. Примчался вѣрный пес на богатырскій зов хозяина, схватил измѣнницу за горло и вмѣстѣ с ней скатился кубарем в долину. Стало Турчину жалко любы, засмотрѣлся он во слѣд; а Страхиня тѣм временем изловчился, наскочил на Турка, ударил басурмана оземь и заѣл его до смерти зубами. С женой возвратился Страхиня домой. В вар. Богишича (Срп. н. п., стр. 109) шурья Страхини убивают свою сестру за измѣну мужу.

Марко Краљевић и невјерна дјевојка (Filipovič, Kral. Marko. Zagr. 1880. N XXII).

Марко Королевич ѣдет домой с дѣвушкой, пожелавшей выдти за него замуж. Пришлось проѣзжать по дремучему бору. Дѣвушка сказала Марку на его просьбу спѣть пѣсню:

Не смијем ти запјевати Марко,
У гори је Мијате гајдуче,
Три пут ме је у мајке просио,
Ал' ме није испросит могао,
Па се бојим освете гајдучке.

Марко успокоил дѣвушку, и она запѣла. Услышал Міят голос любимой дѣвушки и вышел навстрѣчу.

Он се узе с Краљевићем Марком.
А кад виђе, да ће погинути,
Машио се у свилне џепове,
Па извади од злата јабуку,
Бацио ју прелепој девојци,
А бацајуц овак' говорио:
Помози ми погубити Марка,
Па на дар ти злаћена јабука!
Превари се, уједе ју гуја,
Помогла је Мијату гајдуку,
Нем' помогла, а себи одмогла.

Когда увидѣл Марко бѣду неминучую, он позвал на по-

мощь свою посестриму вилу. Явилась вила и помогла Марку убить Міята. А невѣстѣ своей Марко—

Црне јој очи извадио,
Пустио ју у гору зелену,
Да с' пребија од дрва до дрва,
Кано пчела од цвјета до цвјета,
Нек се каје за невјеру црну.

Болгарск. п. Dozon. N 34. Искрен собирается с женой Милицей посѣтить родителей послѣдней. Жена отговаривает его:

Любе, Искрене, Искрене!
Не смѣѥм, любе, да идем
У моя майка на госте,
Че кога бѣх си код мајка,
Иска мене Първан војвода,
А мене мајка не даде.
Сега је Първан војвода
У тая Стара Планина
Со седемдесет дружина,
Па ке ни, любе, пресресна,
Тебе ке, любе, погуби,
Мене ке, любе, залюби.

Искрен не обратил вниманія на предостереженіе жены, приказал ей собираться в дорогу и положить 70 стрѣл для 70 товарищей Парвана и одну стрѣлу, большую, для самаго Парвана. Милица для гайдуков положила 70 стрѣл, а для Парвана не взяла стрѣлы. Когда они путем—дорогою вступили в лѣс и Милица, по настоянію мужа, запѣла пѣсню, Парван узнал ее по голосу и с дружиною напал на Искрена. Искрен побил товарищей Парвана, для послѣдняго недостало стрѣлы.

Парван му тихо говори:
А бре Искрене, Искрене,
Да ли си глава предаваш,
Или ми даваш Милица,
Еднаж сос неѫ да легнем,
Та па тогава да умрем?

Искрен му тихо говори:
Първане, стара войводо;
Нити си глава предавам,
Ни ти давам Милица,
Но айде да са биѥме
До три дни и три нощи
Кой кому може надвити,
Тоя да земе Милица.

Бились три дня и три ночи.

Искрен си пояс распаса,
Искрен Милици говори:
Любе Милице, Милице!
Я прійди та ми поясо,
Та ми поясо заводи.
И Милица го послуша,
Та му поясо отпаса,
Та па го даде Първану.
Първан ѥ връзал Искрена,
Назад му ръцѣ връзахѫ
Та па го върза за дърво.
Първан пригърнѫ Милица,
Та я пригрнѫ цалива,
Пак салегнѫли заспали,
Един другому на ръка.

Проходившій мимо овчар сжалился над Искреном и освободил его. Искрен отсѣк голову спавшему Парвану, а Милицу разбудил, привел ее назад в свой дом,

Та ѭ у земник уведе,
Милици главе отсече,
Па ѥ на книга написал,
Що ѥ Милица чинила . . .

Малорусск. п. Kolberg, Pokucie, II, 17.

Ны мав Иван що робыты,
мусив вин си й-оженыты.
Взєв сы жынку Марьяночку,
гей на свою головочку.

Гой, Иване, Иваночку!
лышы пыты горивочку,
Лышы пыты тай гуляты,
та будемо газдуваты.
Купы плужок тай волыки,
тай истычок тай коныки,
Та пойидем в чисте поле
тай ви-орем файну ныву.
Оре Иванок й-одын денёк,
Марієчка волы гоныт,
тай до него ны говорыт.
На другый день поступае,
Марієчка промовляе:
Ой Иване, Иваночку!
Чи выдыш ты дорожечку?
Тов дорижков Турчин грае,
Видай ид нам повертае.
„На день добрый, Иваночку,
„Продай жинку Марієчку!
„Продай мы жинку, Иване,
„Нехай буде моєв панев.
„Як ны схочеш продаваты,
„То будем си пробуваты!“
Сталы вны си пробуваты,
Став Турчина замагаты.
Став си Турчин поправляты,
Став Ивана замагаты.
Ой як став го замагаты,
Став си Иван поклыкаты:
Ой Маріе, Марієчко!
Поратуй мни цес разочок.
Поратуй мни цес разочок,
Най ны буде загыбочок!
Марієчка як се вчула,
Плечима си й-обернула.
За Иваном бидуваты,
За Турчином панаваты.

Былы Ивана тай зйєзалы,
Тай до коне пржывезалы.
Идут гору, й-одну, другу,
В трети сталы, попасалы.
Ой Турчине, Турчиночку!
Буду в тебе за служечку.
Попусты мы били рукы,
Най не терпю кыжки мукы.
Ой Турчын си ны здогадав,
Ивановы ручкы пускав.
Гей Турчыне, Турчыночку!
Цы выдыш ты дубровочку?
Край дубровы два дубочки,
Сыгє на ных голубочки.
Подай же ж мы, пане, лучкы,
Та най убью голубочки.
Й-одын буде, пане, тоби,
Другый буде паны твойи, (2)
Паны твойи—жинци мойи.
Гей Турчын си ны здогадав,
Ивановы лучок подав.
Ой взев Иван, та як змирыв,
Турчыновы в сердце стрилыв.
Марієчка як то вздрила,
Трохы з страху ны й-умлила:
Ой Иване, Иваночку!
Подаруй мы цес разочок, (2)
Най ны буде загыбочок.
Буду й другых научаты,
Треба вирнов мужу бути.
Я ты зараз подарую,
Най лыш лучок наладую.
Наладував тай ы змирыв,
Марієчку бай застрилыв!

Варіант ibid. N 18.

К одному разряду принадлежат былины об Иванѣ Годиновичѣ.

Владимір хочет женить своего племянника Ивана Годиновича. Невѣста—Авдотья-Лебедь бѣлая, *Марья* Митріевична или Настасья—живет „во Кіеви“

Во Кіеви невѣста в Чернигови
У Митрея гостя богатаго

Гильферд., N 188,

или в Золотой Ордѣ (N 83), или в Индіи богатой у купца у Индійскаго, гостя Митрія торговаго (N 256), или за славным синим морем (N 51) или в Черниговѣ (N 179).

Ай всим-то Настасьюшка добрым добра,
Тѣлом Настасья как снѣг бѣла,
Походочка у ёй вѣдь павлиная,
Ай тихая рѣчь лебединая
А брови-ты у ёй черна соболя,
Глаза-ты у ей ясна сокола,
Ай личко у ей вѣдь как маков цвѣт

Гильферд. N 88.

Иван Годинович ѣдет свататься. Хотя она уже просватана за другого (за царя Кощега Трипетовича (N 51), за сына царск. Федора Ивановича (N 83), за царища Кощерища (N 179), но Ивану Годиновичу удается увезти ее в Кіев, по одним вар. силою, по другим с ея согласія:

Свѣт государь ты мой батюшка,
Митрей князь богатый!
Я нейду вѣдь во землю невѣрную
За того ль за царища за Кощерища,
А иду за Ивана Годиновича

(стр. 915).

На обратном пути в Кіев Ивана Годиновича догоняет прежній жених его невѣсты и вступает с ним в бой. В бою Иван Годинович одолѣл супротивника, ударил его об сыру землю, сѣл ему на бѣлы груди, а сам просит Настасью Митревну:

Подай ножище кинжалище
Вырвать сердце с печенью татарское,
Татарское сердце царскоё,
Добрым людюшкам на сгляженіё,

Ай старым старухам на роптаньё
Черным воронам всё на граяньё,
Ай сѣрым волкам все на военьё
Говорит тут царище Кощерище:
Ай же ты Настасья Митріевична!
Не подай ножища кинжалища,
Как за им вѣдь будешь жить,
Будешь слыть бабой простомывныя,
Будешь старому малому кланяться;
А за мной вѣдь будешь жить,
Будешь слыть царицей вѣковѣчноей,
Будет старый вѣдь малый тѣ кланяться

Гильферд. 916.

в вар.:

За царем за мною быть—царицею слыть,
Пановя всѣ поклонятся,
Пановя всѣ улановья,
А нѣмецких языков счету нѣт;
За Иваном быть холопкой слыть,
А избы мести, заходы скрести.

Кирша, стр. 98.

У бабы волос долог, а ум короток: соблазнилась Настасья словами Кощерища, схватила Ивана за желты кудры, сбила его о сыру землю. Привязав Ивана Годиновича к дубу а той ли его все кувыль травой, Кощерище с Настасьей свалились в бѣл шатер.

Мало времячко миновалоси,
Прилетѣли три сизых три малых три голуба
Ай друг промеж другом спрогуркнули:
За что эта головушка привязана,
Привязана головушка, прикована,
Ради дѣвки, ... , ради сводницы,
Ради сводницы все душогубницы

Гильферд. 917.

в вар.:

Налетал да тут черный ворон,
Садился тут ворон на сырой дуб,

А закрычал ворон громким голосом,
А спроязычился языком человѣческим,
А крычит, говорит он таково слово:
А не владѣть этой Марьей Митріевичной,
А царю да Кощегу да Трипетовичу,
А владѣть этой Марьею Митріевичной
А тому ли Иванушку Годиновичу

Гильферд. стр. 258.

Эта рѣчь татарину не слюбилася; выскакивает он из бѣла шатра,

Вытягивае у Ивана Годиновича
С колчана у его как вѣдь тугой лук,

берет у него калену стрѣлу, и стрѣляет в голубей (= в ворона). Иван Годинович приговаривает:

Уж ты, батюшко, мой тугой лук!
Уж ты, матушка, калена стрѣла!
Не пади-ко, стрѣла, ты ни на воду,
Не пади-ко, стрѣла, ты ни на гору,
Не пади-ко, стрѣла, ты ни в сырой дуб,
Не стрѣли сизыих, малыих голубов;
Обернись стрѣла в груди татарскія,
В татарскія груди во царскія,
Ай вырви ко сердце со печенью
Добрым людюшкам на сгляженье,
Ай старым старухам на роптаніе,
Черным воронам все на граяньё,
Ай сѣрым волкам все на военье.

Так и вышло: стрѣла не убила голубов, а, обернувшись назад, ударила в татарскія груди, вырвала сердце с печенью у царища Кощерища. Настасьюшка заплакала:

Я от бережка откачнулася,
Я ко другому неприкачнулася

Иван Годинович попросил Настасью отвязать его от дерева. „Отвязала бы я тебя, да будешь бить—мучити“. — Я не буду тебя бить, только дам три науки молодецкіих. Эта рѣчь непонравилась Настасьѣ. Брала в руки саблю вострую, хотѣла отсѣчь Ивану буйну голову. У Ивана бога-

тырское сердце разгорѣлося
Сходилсо Иванушко у сыра дуба,
Сырой дуб к земи приклоняется,
Сам весь в штильцы прищербается.
Отходил Иван Годинович на свою волю от дерева. Гильферд. N 188.

В вар. Кирши „опрастывали“ Ивана Годиновича дружина хоробрая, прибѣжавшая из Кіева „перва высылка, ровно сто человѣк“ (стр. 99).

Хватал Иван Настасьюшку за желту косу, сбивал ее о сыру землю,

Отсѣк у ней губы вѣдь как с носом прочь:
Этых мѣст мнѣ не надобно,
Этыма мѣстамы нещасливым цѣловаласи.
Копал глаза со косицамы:
Этых мѣст мнѣ не надобно,
Этыма мѣстамы нещастливым смотриласи.
Отсѣк ей руки по локотам прочь:
Этых мѣст мнѣ не надобно,
Этыма мѣстамы нещастливым обниласи.
Отсѣк у ней ноги по колѣнам прочь:
Этых мѣст мнѣ не надобно,
Этыма мѣстамы несчастливым заплеталаси.
Ай только Иванушко женат бывал.
Гильферд. 918.

Если сравнить между собой всѣ приведенныя сказанія относительно реальности содержанія и мотивировки отдѣльных эпизодов, то преимущество должно остаться за юго-славянскими варіантами. Послѣдніе глубоко правдивы: нельзя в них указать ни одного намека, ни одной черты, которыя бы отличались неестественностью, принадлежали чуждому быту, иным общественным отношеніям.

По мѣрѣ поднятія с юга на сѣвер реальность и естественность мотивов смѣняется натянутостью и сказочностью.

Малорусская п. является блѣдной копіей с южно-славянскаго оригинала. Завязка разсказа вышла в ней натя-

нутой; причина предпочтенія Турчина Ивану непонятной; способ избавленія послѣдняго от смерти неестественным. Малор. п. занимает средину между южно-славянскими сказаніями и великорусскими былинами.

Послѣднія, повторяя буквально нѣкоторыя образы малорусск. п. (ср. За Иваном бідувати,

За Турчином панувати

и

За царем за мною быть—царицею слыть,
За Иваном быть—холопкой слыть)

идут еще далѣе в область сказочности.

В малорус. п. стрѣльба в двух голубочков выведена как эпическ. locus communis. Оно встрѣчается напр. в п. о Байдѣ:

Да висить Байда на колочку
Ні єдну нічку, ні годиночку.
Аж приходить цар турецький,
„Що ти робишь, Байдо,
„Байдо молодецькій?“
Ой у полі два дубочки,
На дубочках голубочки;
„Позволь цару погуляти,
„Сізи голубочки постріляти.
Як ударив Байда, Байда з лука,
Та поцілив цара проміж уха,
А царицю в потилицю,
Его доньку в головоньку . . .
(Антонов. и Драгоман., Истор. п., стр. 152).

В былинѣ также выводятся три голубя, но затѣм, чтобы осудить поступок душегубницы Настасьи. Стрѣляет в них уже супротивник Ивана из его лука, и стрѣлы, повинуясь словам хозяина, не попадают в голубей, а, оборотившись, поражают его врага.

Имя врага в малорусской пѣснѣ еще носит отпечаток южно-славянскаго оригинала — Турчин. В былинѣ он замѣнен царем Загорской земли Афромеем Афромеевичем,

купцом Индійским, царищем Кощерищем, Кощегом Трипетовичем и др.

Получается, словом, вѣроятность, что великорусская былина об Иванѣ Годиновичѣ есть не туземное созданіе, а—передѣлка зашедшей на Русь юго-славянской пѣсни того же мотива. Переход сказанія мог совершиться независимо от введенія в нашу словесность самаго мотива литературным путем, в изложеніи серба Пахомія Логофета. Естественными посредниками в устной передачѣ мотива были Малороссы.

Глава XII.

С каких пор перевелись витязи на Святой Руси.

Былина о гибели русских богатырей не стоит особняком в славянской народной поэзіи. Мотив о появленіи в бою силы небесной, воскрешеніи побитых воинов в возрастающей прогрессіи и бѣгствѣ из битвы витязей, устрашенных грозным движеніем против них сил земных и небесных, вызванным их гордостью и высокомѣріем,— встрѣчается в южно-славянских пѣснях. Пѣсни эти пріурочиваются к нашествію Турок на Балканскій полуостров и паденію перед грозной ордой разных центров прошлой исторической жизни Болгар и Сербов. Особый интерес представляет пѣсня о паденіи города Сталака (сербск. Сталач; в настоящее время развалины замка и село при сліяніи рѣк Сербской и Болгарской Моравы в Сербіи), как по своим художественным достоинствам, так и по сравненію с русскими былинами о гибели богатырей (Период. Спис. 1884 г. XII стр. 104—109).

Пишет письмо Сулейман царь, посылает его в город Сталак ко Федору Стала, герою Сталака, с приказаніем ему выдать свою жену, Виисаву, коня, ратную сбрую (джубе и покрове), которую не берет ни сабля, ни пуля, и острую саблю, которая сѣчет дерево и камень. Федор отвергает требованія султана, полагаясь на твердыни сво-

ей крѣпости. Султан собрал сто тысяч войска и осадил Сталак. Цѣлые три года осаждал Сулейман Сталак, а взять никак немог. Медленность осады надоѣла Федору; вышел он на стѣны крѣпости и крикнул, что было мочи: „слышишь ли меня, Сулейман царь! будет бросать тебѣ ядра: достаточно ты глушил мои уши: тверда моя крѣпость, не под силу тебѣ взять ее. Вот как сойду с крѣпости, покроюсь ратною одеждой, что не берет ни сабля, ни пуля, возьму в руки острую саблю, что сѣчет дерево и камень, осѣдлаю коня „ждрелятаго“, что бьется с туманами и облаками,— живой птицы нигдѣ не оставлю“. Убоялся царь Сулейман и отступил от города. Ренегат Папаз-паша предложил иной план взятія Сталака — посредством подкопа. Сулейман поручил ему свое войско, с которым Папаз-паша подступил к Сталаку, подкопался под крѣпость и проник подземным ходом в погреба Федора; немог лишь отворить ворот погребов. Наступила Свѣтлая Недѣля. Было дѣло в Великій Четверг: гуляла Виисава по бастіону, заглядѣлась на Саву и Мораву, видит, течет вода мутная и грязная. Говорила молодая Виисава: „Господин мой, Федор Визирь! мутная и грязная течет Сава“. Федор отвѣчал: „теперь тают снѣга, оттого и вода грязна“. На Велик-день Федор пошел в церковь, отстоял святую обѣдню, возвратился домой, и посылает служанку в погреба набрать вина и ракии. Умная и разумная Виисава непустила в погреба служанку, а сама пошла, надѣв на себя одежду служанки. Отворила ворота погребов; что там видит — великое чудо! Всѣ погреба наполнили Турки, выпустили вино и ракію, пьют вино — кто феской, кто туфлей. Тот час схватили Виисаву. Она так говорила Туркам: „отпустите меня на свѣт бѣлый! Я служанка Федорова; сегодня болгарскій Велик-день: меня Федор послал за вином. Я легко могу вам выдать его: живым его захватите“. Поддались Турки обману и отпустили Виисаву. Затворила Виисава погреба, поднялася на высокій терем, вошла в свои прохладные покои и так говорила мужу: „Господин мой, Федор Визирь! Полынью будь паша ѣда, отравой стань наше питье! Всѣ

погреба наполнили Турки, открыли вино и ракію, пьют вино кто феской, кто туфлей“. Тогда сказал Федор: „исполать тебѣ, милый Боже! На Велик-день мнѣ приходится проливать кровь!“ Покрылся своей ратной одеждой (облече джубе и покрове), что защищает коня и юнака, что неберет ни сабля, ни пуля, взял в руки острую свою саблю, сѣл на коня „ждрелятога“, воскликнул, что было мочи: „вылѣзайте, Турки, на бой! Кому Бог даст, тот и будет владѣть“. Всѣ Турки вылѣзли из погребов на бой. Как выхватил Сталакинец Федор, как выхватил свою острую саблю, так побил всѣ сто тысяч войска. Стало крови коню по колѣна. Оглянулся Федор назад, что он видит — великое чудо! Гдѣ был один, там два Турка стало. (Од еднога двоица стану́ли). В другой раз Федор повернулся, побил — потоптал то сильное войско: стало крови коню по удила (по зенгвию). Оглянулся Федор назад, что́ он видит — великое чудо! На мѣстѣ двух три воина стало. Побил Федор то сильное войско: стала кровь литься уж через сѣдло. Оглянулся Федор назад: из трех становятся четверо. Тогда увидѣл Федор, что перед турецкой ордой идет сам Святой Илья, несет им зеленое знамя.

Картина возстанія побитой силы и шествія ея в бой под предводительством Иліи представлена еще в слѣдующем отрывкѣ, любопытном по пріуроченію к гор. Варадину и герою Петру Вайрадинцу:

„Удри, Петре, удри, Вайрадинче!“
—И я радим, майко, и конь ради,
—Кога Господ, майко, не помага!
—Триста души пот сабя пресекох,
—Уште триста пот кона подгазих,
—Кога назат, майко, се опулих,
—Сите души на нозе станале,
—Настанале и по мене търчат!
—Пред них оди сам свети Илија,
—В раци носи кръстатна байрака.
—Па погледнах поле Вайрадинско,
—Под Вайрадин войска испѣлнило,

—Коњ до коња, јунак до јунака,
—Јунаци те како горски пилци,
—А чадъри еден до другьего,
—Ал байраци как небо облаци,
—А мѫздраци како честа гора.
—Уште тако, майко, кажуѥйки,
—Уште така поле гледаѥйки,
—Па пуштиха два млади телала:
—„Кой ѥ с' коња, конак да си сака,
—„Кой ѥ пешак, метерис да фане.

Запис. ок. Велеса, Период. Спис. кн. IX—X стр. 95—6.

Сталакинец Федор сошел с коня, преклонился пред святым Ильею: „прости меня, наш святой Илія!“ „Прощается, Сталакинец Федор! До сей поры повелѣвал Болгарин, а от сей поры будет царствовать Турчин. А знаешь ли (за что), Сталакинец Федор? Когда были вы в бою на Косовом, вы на конях въѣзжали в церковь, потоптали триста старух, подавили триста младенцев некрещеных, неміропомазанных, копьями антидор брали (със маждраци навару узосте), — за то теперь пусть властвует Турчин“. Тогда сказал Сталакинец Федор: „и я могу, и конь может, но Господь нам непомогает: юначество не удержит царства“. Снял с себя ратныя одежды (джубе и покрове), изрубил их на мелкія части. Разсѣк саблей своего коня: „лежи конь! пусть съѣдят тебя псы; пусть Турчин на тебѣ земли не воюет“. Сломал свою острую саблю: „лежи, сабля, пусть ѣст тебя земля!“

В неудачно изданном отрывкѣ болгарск. п. „о прекращеніи общенія между юнаками послѣ Косовской битвы“ (Качановск. Памятн. болгарск. нар. творч. I, 431) дѣйствіе переносится на Косово поле; бѣгство юнаков освѣщается рѣшеніем самаго Господа:

Рано ми е сълнце огрѣя́ло,
Марко слезал од доброга копя,
Та го шета по Косово-поле;
Дружина му потио говори:
Бога тебе, Марко Кралевич!

Дали ты неможешь,
Или конь неможе,
Али сам си Господ не дае?
Тагай си Марко потио говори:
Кад си бише у Косово поле,
Та газише кьрви по зенгіо,
Сам си Господ пошел,
Видел и рекал:
Нема инат! да бѣгамо!
Тагай си рипнали та побѣгли,
Тагай изайде Реля Крылатич,
Тагай изайде Муса кеседжія,
И изайде Момчило добер юнак,
И изайде дете Груянич,
И изайде дете Міяильче,
Тагай су се дружина раздвоили.

Покончив с ратной сбруей, Федор побѣжал в свой терем и стал говорить женѣ: „Госпожа моя, Виисава молодая! Согласна ль ты встрѣчать Турок и служить им, или желаешь бѣжать вмѣстѣ со мной?“ Виисава отвѣчала: „Господин мой, Федор Визирь! Не хочу я и смотрѣть на Турок, а не то, чтобы служить им. Гдѣ ты умрешь, там и я с тобою“. Подхватили своего ребенка-мальчика и поднялись на самый верх крѣпости. Поглядѣв вокруг Сталакинец Федор, крикнул громко, что было в нем мочи: „оставайтесь, башни, пустыми! Пусть межь вами куют цыгане: Федору в вас ужь невходить!“ Бросились с верху в рѣку Мораву; разступились Сава и Морава: они пали на сухой песок. Как пали, так и стали святыми. Выстроилось там три монастыря. Тогда-то земля потурчилась.

В вар. „Султан Селим и Салаким Тодор“ (Миладинов. 303 стр.) ничего неговорится об оживленіи побитой турецкой силы и походѣ св. Иліи: Федор счастливо побивает всѣх Турок.

В п. Период. Спис. 1874 IX и X, пѣтой другим размѣром, но развивающей мотив п. о паденіи Сталака, нѣт конца:

Кара-Видо вино пиѥ,
На той поле на Венале,
Пот той дърво дафиново,
Слуга му ѥ мила сестра.
Долетале два галаба,
Кондисале на две гранки,
Му пуштиле бела книга.
Кара-Видо книга гледа,
Книга гледа, сълдзи рони.
Што му книга кажуѥше:
„Стани, стани, Кара-Видо!
„Турци двори испълнило!“
Тува стана Кара-Видо,
Си отиде у дворови,
Си затвори вити порти,
Си искачи на дивани,—
Му говори Катерина:
„А што стоиш, Кара-Видо,
„А што стоиш, та што чекаш,
„Сильна войска довтасала!“
Кара-Видо и говори:
„Катерино, първна лубо!
„Иди, пушти малку вино,
„Малку да се понапиям“.
Па отиде Катерина,
Си отвори девет врати,
Девет врати земни клети,
Кога виде, што ке види!
Земни клети Турци пълно!
Каде пият руйно вино:
Кой со чизма, кой со емепия.
Назат ми се повратила:
„Кара-Видо, стопанине!
„А што стоиш, та што чекаш?
„Земни клети Турци пълно!
„Каде пият руйно вино“.
Тува стана Кара-Видо,

Си истръгна остра сабля,
Се размаха на лево, на десно,
. . . . . .
Кога се врати на дивани,
Па погледна на сокаци,
Кога виде, што ке види!
Сека порта зелен байрак,
На нашата дванаесет,
Дванаесет ал-байраци.

Поле Венале — на правом берегу р. Вардара к югу от Велеса на 3 или 4 часа пути.

Запѣв послѣдней п. и нѣкоторые намеки предыдущих встрѣчаются в болгарской колядкѣ — Качановск. Памятники N 19:

Сив сокол принес царю Константину письмо. Призванный для прочтенія письма поп Никола од Прокопа,

Погледнал книжле-то [1]),
И поронил дребни сълзи;
Па си дума одговори,
Леле, варай, цару Костадине!
Е-те глава, е-те и сабья—
Земи сабья, посѣчи ме:
Царсто ни е достаяло.

Царь неповѣрил словам попа Николы, заключил его в тюрьму и присудил к смерти.

Изведе го, да го сѣче;
Ал погледна на-нагоре,
На нагоре, па на доле:
Колко на гора листье,
Колко на земня трѣва-та,
Толко иде иня вѣра,
Иня вѣра—клетви Турци.
Царь Костадин договаря:
Леле, варай, вѣрны слуги!
Яхайте, та бѣгаме.

---

[1]) Припѣв: коледе! опускаем.

Вѣрны слуги одговарат:
Леле, варай, царь Костадин!
Я се надах, да полетим
Ясно небо с ясны дзвѣзды
Ниес тебе да повернем,
Ато нели гиня вѣра,
Иня вѣра—клетви Турци.
Царь Костадин одговори:
Леле, варай, вѣрны слуги!
И я мога и конь може,
Коги́ Господь поможе.
Бутна конё—конь не верви,
Тергна сабья—невадисе,
Но се преби до крестеве,
До крестеве позлатены;
Проговори царь Костадин:
Леле, варай, вѣрны слуги!
Кой ште с мене да бѣгаме?
Сви са слуги останали,
Само пошел един слуга,

который послѣ отрубил Константину голову и правую руку, когда тот хотѣл зачерпнуть воды в колодцѣ.

Сербских пѣсен на тот же мотив пока неизвѣстно; но герои—Федор из Сталача и Петр Варадинец и города Сталач и Варадин принадлежат главным образом Сербскому эпосу; пріуроченіе паденія царства к Косовскому бою указывает на то, что этот мотив был знаком Сербам и входил в Косовскій цикл пѣсен. Предположеніе о сербском происхожденіи пѣсни о паденіи Сталака, может быть, покажется смѣлым, но едвали неумѣстным: образ Федора в ней представлен таким же величавым и строгим, как и в извѣстной сербск. п. „Женидьба Федора из Сталача“ (Вук II N 82).

Обратимся теперь к соотвѣтствующим русским сказаніям.

Былина о гибели богатырей разсказывает: выѣхали богатыри к Сафат-рѣкѣ и расположились опочив держать.

Здѣсь у них произошло столкновеніе с татарченком, не пропускавшим мимо себя ни коннаго, ни пѣшаго. Потом—

Было так на восходѣ краснаго солнышка
Вставал Илья Муромец раньше всѣх,
Выходил он на Сафат-рѣку,

умывался студеной водой, утирался тонким полотном, молился чудну образу,

Видит он через Сафат-рѣку
Переправляется сила басурманская
И той силы добру молодцу необъѣхати,
Сѣрому волку необрыскати,
Черному ворону необлетѣти.
И кричит Илья зычным голосом:
„Ой, уж гдѣ вы, могучіе витязи,
„Удалые братья названные!
Как сбѣгалися на зов его витязи,
Как садилися на добрых коней,
Как бросалися на силу басурманскую,
Стали силу колоть-рубить,
Не столько витязи рубят,
Сколько добрые их кони топчут;
Бились три часа и три минуточки,
Изрубили силу поганую.
И стали витязи похваляться:
„Не намахались наши могутныя плечи,
„Не уходилися наши добрые кони,
„Не притупились мечи наши булатные!
И говорит Алеша Попович млад:
„Подавай нам силу нездѣшнюю,
„Мы и с тою силою витязи справимся.

Как промолвил он слово неразумное, так явились двое воителей и смѣло вызвали витязей бой держать:

Не глядите, что нас двое, а вас семеро.

В варіантѣ (Кирѣевск. Пѣсни IV 2-е изд. 169) богатыри сказали:

„И со небесной мы бы силой супротивились,
„А не то что с силой проклятой!

Тут Господь на них прогнѣвался,
Спустил на пих столо́п огненный:
Они как столоп перерублят, так два станет,
Два станет все поединщики...

Ср.: в л. 1110 бысть знаменіе в Печерстѣм монастырѣ...: явися *столп огнен,* от земли до небеси, а молнья освѣтиша всю землю, и в небеси прогремѣ в 1 час нощи, и весь мир видѣ. *Се же бѣаше не огненный столп, но вид ангелеск: ангел бо сице является ово столпом огненным, ово же пламенемь* (Лавр. л.).

Неузнали витязи воителей. Разгорѣлся на их слова Алеша Попович, налетѣл на воителей и разрубил их наполы со всего плеча:

Стало четверо — и живы всѣ.

Налетѣл Добрыня, разрубил их по полам со всего плеча,
Стало восьмеро и живы всѣ.

Налетѣл Илья Муромец, разрубил их со всего плеча,
Стало вдвое болѣе—и живы всѣ.

Бросились на силу всѣ витязи,
Стали они силу колоть-рубить,
А сила все растет да растет,
Все на витязей с боем идет.
Не столько витязи рубят,
Сколько добрые их кони топчут:
А сила все растет да растет,
Все на витязей с боем идет.

Бились витязи три дня, три часа, три минуточки, намахалися их плечи могутныя, уходилися их кони добрые, притупились мечи их булатные:

А сила все растет да растет,
Все на витязей с боем идет.

Испугались могучіе витязи, побѣжали в каменныя горы, в темныя пещеры: как подбѣжит витязь к горѣ, так и окаменѣет, как подбѣжит другой, так и окаменѣет, как подбѣжит третій, так и окаменѣет. С тѣх пор перевелись витязи на святой Руси (Кирѣевск. Пѣсни IV 108—15).

В изданной г. Ефименком „Старинѣ про Илью Муромца“ (Матеріалы по этнограф. Арх. губ. II стр. 32—35) дѣло происходит иначе. Илья Муромец и другіе богатыри наѣхали на силу Мамая,

Тѣже во поли быки кормленые,
И начали силу рубить со краю на край.
Не оставляли они ни стараго, ни малаго,
И рубили они силу сутки пятеро,
И неоставили они ни единаго на сѣмена,
И протекла тут кровь горячая
И пар шел от трупья по облака.

Два брата Суздальца, выѣзжая из боя похвалились:

„Кабы была теперь сила небесная,
„И всѣ бы мы побили еи по полю.
Вдруг от их слова сдѣлалось чудо великое,
Возстала сила Мамаева
И стало силы больше впятеро.

Илья Муромец и товарищи были уже в своем лагерѣ, когда пріѣхали Суздальцы

И начали они разсказывать,
Что мы ѣхали дорогой похвалялися
И возстало силы впятеро,
И сами им во всем повинилися.
Тут поѣхала дружинушка хоробрая
Во ту рать силу великую,
И начали бить с краю на край,
И рубили они сутки шестеро,
А вставают силы больше прежняго.

Подобно Федору из Сталака, Илья Муромец узнал старый пред собой вину

И покаялся старый Спасу Пречистому:
„Ты прости нас в первой винѣ
„За тѣже слова глупыя
„За тѣхже братов Суздальцей“.
И повалилась тут сила кроволитная,
И начали копать мать сыру землю,
И хоронить тѣло да во сыру землю,

И протекла рѣка кровью горячею.

А богатыри садились на добрых коней, ѣхали в крашен Кіев град в честные монастыри, в кіевскія пещеры, там всѣ они и представилися.

Варіант, записанный г. Петровым (Рус. Филол. Вѣст. XIII 51), значительно удалился от того типа, который развит в приведенных сказаніях о гибели богатырей:

Собиралосе на поле боиканово 300 богатырей;
Енѣ думали думу крѣпкую,
Думу крѣпкую за единую:
„Кабы было кольцо кругом всей земли,
„Кругом всей земли кругом всей орды,
„Мы всю землю святорусскую впиз повернули,
„Самого бы царя в полон взяли;
„Кабы была на небо лисница,
„Мы бы выстали на небо,
„Всю небесную силу присѣкли,
„Самого бы Христа в полон взяли".

Услышал Христос рѣчь похвальную, супротивную, спустил на богатырей с неба поленицу удалую, которая прибила всѣх богатырей, кромѣ трех: Ильи Муромца, Добрыни и Олеши.

Этот извод можно сравнить со сказаніем Хронографа о гибели гигантов: „мудрый Пизандр о гигантех в твореніи своем сказа: человѣкы от земля рождены, имуща ноги зміевы *дрѣзнувша на нѣкыя Божьскыя силы,* рекь сия розличными козньми потреблены от Бога. Мудрый же Тимофей туже повѣсть толкует сице: яко сего дѣля творець нарече я чел҃кы на зміиных ногах, елма же звѣрин ум имуть, ничто же блага небеснаго на умѣ имуще, но имуще нозѣ ходяща на земная злая дѣла и неправедная, того дѣля божество . . . овѣм от тресновенія огнем повелѣ погибнути и другым *каменным статы,* инѣм же скорѣйшими смертными стрѣлами устрелонем быти яко лущью и другим множества воды потопленом быти. Тако вси гиганте нарицаеміи змѣенозѣ злѣ потреблени скончаша живот свой. Сервѣй же мудрый повѣдает сия на *игирощь полѣ*

живша, имѣвша рать с нѣкыми жившими на высоких горах, и возлѣзоша на горня аки зміевѣ на руках и чревѣ сы ползающе и избіени быша от живущих на горах“ (А. Попов. Обзор Хронограф. I, 8).

Сказанія об участіи небесной силы, ангелов, в битвах людей нерѣдко встрѣчаются в древней письменности. С явленіем двух воителей нашим богатырям сравн. слѣд. эпизод из сказанія о Мамаевом побоищѣ, о явленіи святых мучеников Бориса и Глѣба: нѣкто муж имен. Фома Халцибеев ради извѣстнаго своего мужества поставлен бяше от великаго князя направо стражи от поганых и откры ему Бог видѣти видѣніе на высотѣ облак изряден и се аки полки нѣкія зѣло великія от востока исходяху; от западныя же страны пріидоша два юноша свѣтлы, имущи в руках своих свѣщи и мечи остры. Сія же бяху святіи мученицы Борис и Глѣб. И рѣкоша полковником татарским: кто вам повелѣ отечество наше от господа нам дарованное потребляти? и начаша сѣщи и, яко ни един от них неизбысть цѣл. И воутріе повѣда оный страж пощное видѣніе великому князю (Дим. Донск.). Ровинск. Рус. пар. карт. II, 40.

Вѣроятно, возникшій из таких книжно-церковных мотивов какой либо цѣльный апокриф, лег в основаніе указанных южно-славянских п. и русских былин о гибели богатырей. Событія XIII—XV вв. благопріятствовали созданію и распространенію подобных сказаній на Востокѣ. Православныя царства одно за другим пали пред грозной силой Татар и Турок. Нашествіе иноплеменников считалось карой Божіей: ждали свѣтопредставленія. Русскія и юго-славянскія пѣсни могли возникнуть независимо друг от друга из одного общаго книжнаго источника, подобно различным изводам письменных сказаній о Соломонѣ. По крайней мѣрѣ, нѣт данных предполагать иное—заимствованіе самых пѣсен Русскими ли у юго-славян, или на оборот.

С объясненіем Сафат-рѣки, как перегласовки названія Іосафатовой долины (Примѣч. к Пѣсн. Кир. IV, 116) можно бы согласиться, если бы были указаны дѣйствительно сходныя черты в русских сказаніях о Сафатѣ и книжных палестинских о Сафатовом потокѣ, Сафатовом долѣ (Хожд. Арх. Грефенья, стр. 82). Пока же дѣло ограничивается сближеніем одних названій, я позволю себѣ предложить слѣд. сопоставленіе.

Нам кажется, что *Сафат-рѣка* есть *Евфрат* Византійских сказаній. Эпическая роль Евфрата (Ἀφράτης, Αὐράτης) в греческих богатырских сказаніях средневѣковаго періода очень похожа на роль Сафат-рѣки (Салфа, Софа) в русских былинах:

Сафат и Евфрат — пограничныя рѣки, за которыми в русском и византійском эпосѣ находится область врагов.

На Сафат-рѣкѣ происходят непріязненныя встрѣчи русских богатырей с врагами (Збут Королевич. Кирѣевск. I, 11; Злой татарченок-басурманченок. ibid. 3—5, Татары): герои греческих сказаній сталкиваются с Сарацинами при Евфратѣ.

Русскіе богатыри при Сафат-рѣкѣ разбивают бѣл полотнян шатер, устраивают крѣпкую заставу для наблюденія за врагами: Дигенис Акрит строит великія полаты при Евфратѣ поближе к кровным врагам греческой земли, Сарацынам.

В Сафат-рѣкѣ, как и в Евфратѣ, богатыри поят своих коней (Дестунис. Разысканія о греческ. богатырск. былинах, стр. 37, 102—3).

На тожество названій *Сафат* и *Евфрат* указывают и русскія былины. В разных варіантах одного и тогоже сюжета о встрѣчѣ Ильи Муромца с Сокольником,—встрѣча эта происходит по вар. Кирши (N 47, 3-е изд.) при *Сафат-рѣкѣ*, по вар. Рыбникова (I 80) при *Сахатарь-рѣкѣ*, а по вар. Гильферд. стр. 627 при *Евфрат*-рѣкѣ: в Ефрат бросает Илья Муромец ногу убитаго Сокольничка [1]).

---

[1]) Названіе другой русской эпической рѣки *Самородина*

Проф. Дашкевич в ст. „былины об Алешѣ Поповичѣ и гибели богатырей“ пытается пріурочить былины о гибели богатырей к Калкинской катастрофѣ. При несомнѣнно книжном происхожденіи сюжета этих былин, я думаю, что можно говорить лишь о тѣх туземных историко-эпических фактах, к которым пристало бродячее книжное сказаніе. Послѣдніе едва ли нужно соединять всецѣло с событіем на Калкѣ 1224 г.

Калкинское пораженіе небыло бѣдствіем общерусским. Силы сѣверно-русскія не участвовали в битвѣ на Калкѣ. Владимірскій князь Юрій Всеволодич послал было Василька Ростовскаго; но его, по словам лѣтоп., Бог тогда соблюде, пріиде бо с полки ко Чернигову в помочь; слышав се зло, случившееся в Руси, възвратися в свой Ростов, съхранен Богом (II. С. Р. Л. XV, 343).

Не было Калкинское пораженіе бѣдствіем, выходящим из ряду вон. Как само татарское нашествіе было лишь продолженіем давно начавшагося движенія в Европу народов Азіятскаго материка, так и Калкинская битва была не первой и не послѣдней попыткой русских устоять против натиска диких орд. К тому же, Татары внезапно появились и также внезапно послѣ битвы скрылись. Русь скоро забыла их, потому что тотчас по уходѣ Татар начались прежнія усобицы. В письменной кіевской литературѣ Калкинское пораженіе оставило послѣ себя лишь небольшую замѣтку; пораженіе Игоря Половцами оставило болѣе прочные слѣды даже в лѣтописи. Слѣдовало бы наоборот, если бы оно считалось у современников событіем, выходящим из ряду вон, если бы своей колоссальностью оно поразило воображеніе народа.

А. А. Потебня объясняет как *Само-родина*. К аналогіям, приводимым глубокоуважаемым профессором (К истор. зв. IV, 68), я могу прибавить слѣд. назван. в Москвѣ: *Самотека, Самотечныя*. В Курск. губ. Фатежск. у. есть село *Смородинное* на р. *Смородинкѣ* т. е. быть может *Само-родинкѣ*.

Таким образом, не было фактических основаній, по которым народ мог бы признать калкинскую битву событіем, с котораго перевелись витязи на святой Руси.

Когда явились в сѣверо-восточную Русь Татары в 1237 г., тогда произошла здѣсь дѣйствительная гибель и князей и войска и храбров. Автор сказанія о нашествіи Батыя на Рязанскую землю так разсказывает о пораженіи Татарами рязанских князей. Близ границ рязанских напали на князей Татары. „И начаша битися крѣпко и мужественно. И бы сѣча зла и ужасна, мнози бо сильніи полки падоша Батыеви. Царь Батый видяше, что господство Резанское крѣпко и мужественно бьяшеся, и возбояся вельми. *Но противу гнѣву Божію кто постоит?* А Батыевѣ бо силѣ и велицѣ и тяжцѣ, един бьяшеся с тысящею, а два со тмою .... И едва одолѣша их сильныя полки татарскія“. Побиты были князья, „и многи князи мѣстныя и воеводы крѣпкія, *и воинства удалыцы и ръзвецы Рязанскія — вси равно умроша, и едину чашу смертну испиша. Ни един от них возвратися вспять,* вси вкупѣ мертвіи легоша; *сія бо наведе Бог грѣх ради наших* (Срезневск. Свѣд. и Зам. XXXIX, 84). Это — самое раннее, почти современное событію, историческое упоминаніе о гибели богатырей (храбров). Гибель русской силы в бою с силой басурманской была явленіем общерусским. Убѣжденіе в роковом характерѣ татарскаго нашествія, в том, что оно есть наказаніе Божіе за грѣхи людскія, за гордость князей, было господствующим. „Бог вѣсть един, кто суть, и отколѣ изыдоша (Татары), премудріи мужи вѣдят я добрѣ, кто книгы разумѣет; мы же их невѣмы кто суть, но и здѣ написахом о них памяти ради русских князь и бѣды, яже бысть от них; но не сих же ради случися сіе, но гордости ради и величанія русских князь попусти Бог сему быти. Бѣша бо князи храбры мнози и высокоумны, и мнящеся своею храбростію содѣловающе; имѣяхуть же и дружину многу и храбру и тою величающеся (П. С. Р. Л. XV, 336).

Несомнѣнно существовали народныя пѣсни о гибе-

ли храбров в бою с Татарами не только на Калкѣ, но и на Сити и на других мѣстах. В народном сознаніи была подготовлена почва для воспріятія литературных сказаній, книжных образов, об участіи небесной силы в битвах смертных, о наказаніи возгордившихся своей силой людей. Воспріятіе совершилось. Усвоенное литературное сказаніе, ассимилировавшись с туземными пѣснями, возродилось в художественной былинѣ о гибели витязей на Сафат-рѣкѣ. Разлитой в пѣснѣ трагизм положенія витязей в борьбѣ с роком, силой небесной, ставит ее в ряд прекраснѣйших произведеній безъискусственнаго народнаго творчества.

В період объединенія всѣх былин во Владиміров цикл, и былина о гибели богатырей была введена в Кіевскій круг. А московскіе грамотѣи пріурочили гибель витязей исключительно к Калкацкой катастрофѣ. Основаніем такого пріуроченія могло быть книжное преданіе о гибели на Калкѣ Олеши Поповича с дружиной. Автор Никоновской лѣтописи, вѣроятно, имѣл в виду уже вполнѣ сложившуюся былину о гибели богатырей: воинственных людей толико бысть побіено (на Калкѣ), яко ни десятый от них возможе избѣжати, и *Александра Поповича и слугу его Торона и Добрыню Рязанича Златаго пояса, и седмь десять великих и храбрых богатырей, всѣ побіени бышa гнѣвом божіим* за грѣхи наша от Татар (изд. 1768 г. стр. 354).

РЯД ТРЕТІЙ:

БОГАТЫРИ МОСКОВСКАГО ПЕРІОДА.

Между былинами Владимірова цикла есть значительное количество слабо связанных с Кіевским богатырским кругом, особенно с тремя главными его представителями: Ильей Муромцем, Добрыней и Алешей. О Татарах в них или вовсе неупоминается, или упоминаніе невходит существенно в содержаніе былины. При отсутствіи явственных черт Кіевщины, в них очень много бытовых фактов московскаго времени. Таковы былины: о Микулѣ Селяниновичѣ, Хотѣнѣ Блудовичѣ, Чурилѣ Пленковичѣ, Дюкѣ Степановичѣ, Данилѣ Ловчанинѣ, Сорока каликах и Соловьѣ Будіміровичѣ.

Кіев и Владимір в них не болѣе, как псевдонимы; так что господствующее мнѣніе о принадлежности их кіевскому періоду русской исторіи не имѣет за собой ни малѣйшаго основанія. По обилію черт московской жизни, происхожденіе их с большим правом слѣдует отнести к московскому періоду русской исторіи. Так:

Былина о Хотѣнѣ переносит нас в среду чваннаго и спѣсиваго московскаго боярства, с его вѣчными, пустыми спорами о мѣстничествѣ.

Свидѣтельства иностранных путешественников и наших обличителей о распаденіи семьи, о развращенности общества дополняются яркими образами былин об Алешѣ Поповичѣ и братьях Збродовичах, о Чурилѣ и Бермятѣ, об атаманѣ калик и княгинѣ Евпраксіи [1]) и др.

---

[1]) Мотив, развиваемый в былинѣ о 40 каликах, был извѣстен Гомеру: Повелитель Ахеян, Прет Беллерофонту

. . . . . неповинному гибель умыслил:

Данило Ловчанин, предпочитающій добровольную смерть княжескому гнѣву — не вольный дружинник стараго, удѣльнаго, времени, имѣвшій право отъѣхать к другому князю, а холоп московскаго князя, слабый своим безсиліем. Заключая в себѣ нѣкоторыя черты довольно древнія, в цѣлом былина эта принадлежит тому времени, когда „воля вольным“ дружинникам миновалася; когда они от младости до старости обязывались служить вел. князю московскому; отставлялись от службы за старостью и болѣзнью; на мѣсто их назначались их сыновья. Послѣдніе с 15 лѣт уже поспѣвали на службу (Соловьев. Ист. Рос. VII 19). Такое положеніе служилаго сословія весьма мѣтко рисуется в запѣвѣ былины об Иванѣ Даниловичѣ, по основному мотиву относящейся к до-татарскому періоду, но в московское время подновленной и передѣланной: Данило, на вопрос Владиміра, почему он неѣст, непьет и ничѣм нехвастает, отвѣчает:

Ише чим мнѣ-ка, Владимір князь, видь хвастати?
Ни двора-то у меня широко́го не было,
Золотой у меня казны видь не лучилося,
А и сила та была видь во мнѣ ровная.

Злобно его из народа изгнал . . . . .
С юношей Прета жена возжелала, Антія младая,
Тайной любви насладиться, но к ищущей был непреклонен,
Чувств благородных исполненный, Беллерофонт непорочный
И жена, клевеща, говорила властителю Прету:
Смерть тебѣ, Прет, когда сам не погубишь ты Беллерофонта:
Он насладиться любовью со мной хотѣл с нехотящей.
Так клеветала;иразгнѣвался царь, таковое услыша,
Но убить не рѣшился: в душѣ он его ужасался;
В Анкію выслал его . . . .

Иліад. п. VI 157—168 ст.

Тот же мотив развивается в житіи св. Моисея Угрина. Стало быть, еще вопрос, дѣйствительно ли „вся исторія Сорока калик со каликою, с Потыком во главѣ их, есть перелицовка исторіи Іосифа, из Еврейской мѣстности пересаженной на Русскую, из исторіи священной в дѣйствительную и бытовую“ (Примѣч. к IV т. Кирѣевск. L).

Видъ служил я у тобя да пятьдесят годов
Да убил я тобѣ видь пятьдесят царёв,
А мелкой силы убил—да той и счету нѣт.
Теперь от роду мнѣ стало девяносто лѣт:
Ты спусти-тко, спусти, Влад., в монастырь пречестные,
Да во тѣ ли спусти во кельи низкія,
Да спасти мнѣ-ка, спасти да душа грѣшная.
А отвѣт держал Владимір князь:
„Ой нельзя, нельзя спустить тебя, Данилушко,
„Ише некому дѣлать видь защиты Кіеву.
. . . . . .
Говорил же Данило да Игнатьевич:
„А и будет тѣ ограда бѣлокаменной,
„Да и будет тѣ защита всему Кіеву:
„Есть видь у меня да сын Михайлушко.
Владимір отпустил Данилу в монастырь.
(Кирѣевск. III 42—3).

В московское же время, по всей вѣроятности, произошло усвоеніе великорусским народным творчеством сюжетов, зашедших литературным путем. Посему, в ряд былин Московскаго періода слѣдует помѣстить и — носящіе на себѣ болѣе-менѣе явственные слѣды заимствованій.

Глава VIII.

1. Соловей Будимірович.

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота океан море;
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омуты Днѣпровскіе.

Так начинается варіант Кирши Даниловича. Этот запѣв, привлекавшій вниманіе изслѣдователей силою поэтическаго взмаха, едва ли, однако, принадлежит простому, безъискусственному, народному творчеству. Он напоминает пріемы московских витій, любивших „преукрашать начала своих сочиненій „граматичными художествы и риторскою силою“. Вот напр. как патр. Іов начинает свою исторію о Феодорѣ Іоанновичѣ: небеси убо величества и высота недостижна и неописуема, земли же широта неосяжима и неизслѣдима, морю ж глубина неизмѣрима и неизпытуема, святыхъ же и крестоносныхъ преславнѣйшихъ россійскихъ царей и великихъ князей многая добродѣтелемъ исправленія неизсчетна и недоумѣваема... (Никоновск. лѣт. VII, П. С. Р. Л. стр. 316) [1]).

Незнаем, насколько авторы были здѣсь самостоятельны и насколько повторяли общія мѣста современной книжной словесности, но близкое сходство их с запѣвом были-

---

[1]) Еще раньше этого, именно в XV в, Пахомій серб в своей передѣлкѣ жизнеописанія Сергія Радонежскаго говорит: „земли убо широта и моря глубина и святыхъ чудеса неизчетна суть“. Эта оговорка Пахомія в XVII в, именно в спискѣ миней Милютинских, является изложенною в стихотворной формѣ, а также повторяется и другими древне-русскими списателями (И. Некрасов—Пахом серб, стр. 98—99).

ны о Соловьѣ Будиміровичѣ склоняет мысль к предположенію о возможности книжнаго происхожденія послѣдняго. К тому же, запѣв вар. Кирши стоит особняком; прочіе варіанты начинаются без обращенія к широтѣ земной, высотѣ поднебесной и *омутам Днѣпровским:*

Из-под дуба, дуба было сыраго,
Из-под вяза, вяза с-под черленаго,
Из-под кустышка да с-под ракитова,
С-под ты березы с-под кудрявыя,
Из-под камешка было из-под бѣлаго,
Пала, выпадала мать Нѣпра-рѣка,
Выпадала она в море, море Черное;
С-по морю, по морю, морю Черному
Выходила она да во турецкоё

Гильферд. стр. 172.

По турецкому морю, по Черному, из города Леденца, от заморскаго царя выбѣгало, выгребало 30 хорошо изукрашенных кораблей и один корабль славнаго гостя богатаго, Соловья Будиміровича. Корабль Соловья отличался особенно богатым убранством. Корабли бѣгут ко городу Кіеву и ласковому кн. Владиміру.

Прибѣжали корабли под стольный Кіев-град,
Якори метали в Днѣпр рѣку,
Сходни бросали на крут бережок.

Взяв подарков для князя, княгини и племянницы князя, Соловей идет с корабельной пристани в бѣлокаменныя княженецкія палаты (Кирша Данилов, 3-е изд. 1—3).

Былина о Соловьѣ Будиміровичѣ стоит в самой тѣсной связи с *великорусскими* свадебными пѣснями. В сравненіи с символикой послѣдних выясняются как общій смысл былины так и значеніе отдѣльных частностей ея.

В великорусских свадебных пѣснях жених пріѣзжает из-за моря:

Государыня моя матушка!
Ты построй мнѣ нов высок [терем,
Со тремя окошками:
Как первое окошечко
На чистое поле смотрѣть,
А второе окошечко
На зеленый сад смотрѣть,

А третье окошечко
На синее море смотрѣть.
Как на синем морѣ
Три корабля плыли:
Как первый корабль
С дорогими с товарами;
А второй корабль
С брульянтами, конями;
А как третій корабль
С удалым молодцом NN.
Сударыня маменька!
Время пришло,—и вот:
Как из-за горья—горья
Вѣтерок попыхает,
Да из-за моря, моря
Чернен корабль выбѣгает;
Выбѣгал чернен корабль
Из-за синяго моря
О двѣнадцати парусах,
О тринадцати ярусах;
Тонки парусы полотняны,
Всѣ отуги шелковыя,
Знамена государевы.
Выходил чернен корабль
Из-за синяго моря,
Подходил чернен корабль
Под N славну волость;
Подбѣгал чернен корабль
Под круту гору высокую,
Ко святой Божьей церкви;
Вымощали с корабля
Славны мосты калиновы,
Разстилали по мостикам
Все ковры семишелковые.
Выходил со корабля
Удалый добрый молодец.
Как садился добрый молодец
На комонь добрую лошадь,
Он поѣхал добрый молодец
На круту гору высокую
Ко N славной волости.
А о ту пору, о то время,
У меня ли красной дѣвицы
Тихой, дѣвій дѣвичничёк,
Да слезливо плаканьеце.
Сдивовались люди добрые
Удалому добру молодцу:
Это чей-то добрый молодец?
Он по платью по цвѣтному
Сын купца, гостя торговаго;
Он по низким поклонам
Сын попа—отца духовнаго;
Он по ласковым словечушкам
Сын крестьянина богатаго.
Поймай ты мнѣ тот корабль
Со удалым молодцем NN.
Дитё ль мое, дитятко,
Дите моё милое!
Когда пора, время придет,
Сам корабль к берегу при-
[плывет,
NN с корабля долой сойдет,
Во высок терем зайдет,
И тебя за ручку возьмет.
(Шейн Р. н. п. I 442 - 3)

(Москвитянин 1853 г. N 13).

Сам Соловей — купец, его дружина—гости корабельщики, цѣловальники любимые: в свад. пѣснях сваты—купцы корабельщики.

Ты родимый мой батюшка!
Это что у нас были за люди,
Что за гости торговые?
Торговал мнѣ родимый батюшка
Шубу да соболиную;
Торговала мнѣ родимая матушка
Серьги жемчужныя;
. . . . . .
Я сама млада знаю, вѣдаю,
. . . . . .
Каки то были да корабельщики
Среди зимы да студеныя
Во вьюги да во падеры,
Во морозы да во лютые:
То были да сваты свататься
. . . . . .
По меня да молодешеньку
Со чужой дальной сторонушки.

Пермск. сборн. I 65.

Одарив богато Владиміра и княгиню, Соловей Будиміровичъ просит у князя:

...ты дай мнѣ загон земли
Непаханыя и нераныя
У своей, осударь, княженецкой племянницы
У молоды Запавы Путятичной
В ея, осударь, зеленом саду,
В вишеньѣ, орѣшеньѣ:
Построить мнѣ, Соловью, снаряден двор.

Символика свадебной поэзіи поясняет желаніе Соловья:

Не буйные вѣтры понавѣяли,
Не званые гости понаѣхали!
Обломились сѣни новыя,
Обломились с переходами,
Растоптали, раздавили
Чару золоту, чару финисову.
Выпугали, выпугали
У саду соловья молодаго, залетнаго.

Как расплакалася свѣт,
Да расплакалась великая княжна NN
О своем высоком теремѣ:
Кто же то мнѣ, кто же то мнѣ
Изрубит сѣни новыя?
Кто же то мнѣ, кто же то мнѣ
Сольет чару золоту?
Кто же то мнѣ, кто же то мнѣ
Сольет чару финисову?
Кто же в моем, кто же в моем
Во саду сядет соловьем
Молодым и залетным?
Кто же меня, кто же меня,
Рано будет будить?
. . . . . .
Отвѣт держал великій князь (жених):
Ты не плачь, не плачь и не тужи,
Великая княгиня, боярыня (NN)
О своем высоком теремѣ:
Я сам тебѣ изрублю сѣни новыя,
Я сам тебѣ изрублю с переходами,
Я сам тебѣ солью чару золоту,
Я сам тебѣ солью чару финисову,
Я сам в твоем саду
Сяду соловьем молодым залетным,
Я сам тебя рано буду, свѣт, кликать,
Я сам тебя рано буду будить.
(Терещенко, Быт рус. нар. II 155—6).

В переводѣ образной рѣчи былины на простую просьба Соловья значит слѣд.:

Да я (Соловей) зашол то да здѣ доклад держу
А о добром дѣлѣ здѣ о сватовствѣ.
Да есть у тя любимая племянница,
А нельзя ли то отдать да за меня замужь
Гильферд. стр. 288.

Получив позволеніе Владиміра, Соловей с дружиной в одну ночь выстроил три терема златоверхіе.

Одна свад. п. разсказывает о диковинкѣ, возникшей чудесным образом:

У ворот вереюшки — Плотнички работнички,
У широких точены, — Мастера корабельные,
Не сами становилися, — Стружечки заморскіе,
Становили плотнички — Топоры литовскіе.

Ефименко, Матеріалы II 88.

По свадебным пѣсням жених строит для невѣсты терем „нетесан, нескоблен, только хорошо разукрашен, всякими разными красками наведен“ (ibid. I 117).

Любопытно сравнить, что и по греческому героическому обычаю брачную комнату строил сам жених (Одиссея XXIII 178—203).

Выстроенные Соловьем терема были хорошо изукрашены:

На небѣ солнце, в теремѣ солнце,
На небѣ мѣсяц, в теремѣ мѣсяц,
На небѣ звѣзды, в теремѣ звѣзды,
На небѣ заря, в теремѣ заря
И вся красота поднебесная.

Ниже, при разборѣ былин о Дюкѣ, мы пытаемся объяснить украшенія теремов Соловья помимо символики колядок: ясен мѣсяц — хозяин, заря — хозяйка, звѣзды — дочери (Веселовскій, Южно-русск. был. II 70).

Увидѣв в своем саду чудесные терема, Запава Путятична пошла посмотрѣть на них. Пошла она в вишенье, орѣшенье, послушала в первом терему — тут молчит: соловьева казна лежит; послушала во втором терему — там молитву творят: молится мать Соловья; послушала в третьем терему,

Ино в том терему да млад сидит да Соловей
Со своима со дружинамы со хоробрыма,
А на тоем стулѣ золоченоём,
Ай сидит-то, сидит забавляется:
Там вси скачут, пляшут оны, пѣсенки поют,
Во музыки да во скрыпочки наигрывают.

Гильферд. 287.

Игры играют Царя-града,
Напѣвки напѣвают Ерусолима. Ibid. 954.

Запава переступила порог терема, но испугалась, рѣзвы ноги подломились. Соловей был догадлив, подхватил дѣвицу за бѣлыя руки, клал на кровать слоновых костей:

Чего де ты, Запава, испужалася?
Мы де оба на возрастѣ.
—А и я дѣвица на выданьи,
Пришла де сама за тебя свататься

Кирша. 6.

В вар. Гильферд. послѣдній эпизод иначе разсказывается (N 199). Когда Запава вошла в терем Соловья, он

Подергивал тут ременчат стул,

на него усаживал Запаву.

А стали играть они в шахматы,
А и тут ли Соловей сын Будимірович
Раз тот сыграл, Забаву поиграл,
Другой тот сыграл, Забаву поиграл,
Третей тот сыграл, Забаву поиграл.
А говорит тут Забава дочь Путятична:
— Ах, молодец, ты заулишек добр!
—Кабы взял за себя, я бы шла за тебя.

Соловей соглашается на ней жениться.

Тот же мотив встрѣчается в свад. пѣснях.

Среди царства Россійскаго
Государства Московскаго
Тут стояли палаты бѣлокаменны,
Бѣлокаменны палаты, златоверхія.
Как во тѣх во палатах златоверхих
Поставлены столы дубовые,
На столах столешницы кедровые,
Испродерганы скатерти шиты, браныя,
Наставлены яства сахарныя,
Изналиваны питья мѣдвяныя.
Что за тѣми за столами за дубовыми
Тут сидѣли князья, бояра;
Промежь ними сидѣл доброй молодец NN,

На руках он держит звончаты гусли,
Что на тѣх ли звончатых гуслях
Он выигрывает волю батюшкину,
Великую нѣгу матушкину.
Подошедши к нему, красна дѣвица,
Подошедши, послушалася,
Отошедши, сама заплакала:
Уж, ты, свѣт, воля батюшкина!
Велика нѣга матушкина!
Отставать будет от воли батюшкиной,
. . . . . .
Приставать будет к волѣ свекровой,
Отставать будет от обычая дѣвичья,
Приставать будет к нраву молодецкому.

Пермск. сборн. I 136.

В слѣд. пѣснѣ *семейной* замужняя женщина, противополагая своего стараго мужа молодому любовнику, говорит:

. . . . . .
Пойду млада по Дунаю,
Погуляю млада по тихому,
Зайду млада во бесѣду,
Зайду млада во веселую.
Во бесѣдѣ сидит молодой,
Мой то милой, любезной,
На колѣнях держит гусли,
Новы гусли звончатые;
На гусельцах струны,
Новы струны, золотые.
Молодой в гусли играет,
Мое сердце шевелит.
Скоры ноги расплясались,
Бѣлы руки размахались,
Очи ясны разглядѣлись.

(Сахаров, I 105—6).

Была винная рѣченька,
Сахаринная источинка;

Што по сахару рѣка течет,
По изюму разливается;
Далеко она во сад прошла,
Далеко в зеленой протекла.
Было умное дитятко
У родителя у батюшка,
Было умное и разумное,
Душа красна дѣвица N.
Она ходила, похаживала,
Она гуляла, погуливала
Из высока нова терема во сад,
Што из саду в бѣлой шатер,
Из шатра зашла в горницу
К удалому добру молодцу,
Да ко князю первобрачному N.
Она будила, побуживала:
Уж, ты, встань, душа, умной мой,
Пробудись, душа, разумной мой!
Я пришла к тебѣ не пить, не ѣсть,
И не чаю, кофе кушати,
Я пришла разгулятися
Во таблеи играть, во шахматы
И во всѣ игры нѣмецкія.
Обыграла красна дѣвица душа
Удалого добра молодца,
Насмѣялась красна дѣвица душа
Над удалым добрым молодцем;
Проиграл добрый молодец—сокол
Со правой ручки злачен перстень
Со любимаго мизинчика.

Москвитянин 1853 г. N 13.

В вар. этой пѣсни, зап. г. Ефименком в Арханг. губерн. прибавлено еще:

Проигралася красна дѣвица душа
Удалому добру молодцу,
Проиграла свою вольну волюшку,
Свою буйную головушку,

Со головки кунью шапочку,
Хаз повязку красна золота
Со присадкой скатна жемчуга
(т. II, стр. 88).

Запава Путятична *сама пришла свататься за Соловья*. В. В. Стасов, встрѣтив такую же подробность в сборникѣ сказок Сомадевы, назыв. Кахта-Сарит-Сагара, в разсказѣ о красавицѣ Калингасенѣ и красавцѣ царѣ Удаянѣ, спрашиваетъ: „что это за сватовство самой невѣсты, что это за странность? Эпическая ли это черта, желающая изобразить каприз и порыв страсти героини, или просто случайная выдумка тѣх, кто слагал русскую пѣсню и индѣйскую сказку? Ни то ни другое. В нашей пѣснѣ *эта подробность не имѣет никакого смысла*, но в индѣйском оригиналѣ она имѣет историческое и народное значеніе. В древней Индіи, в числѣ многих форм брака, исчисляемых законами Ману, существовал и брак по свободному выбору невѣсты. Этому выбору, когда он был раз сдѣлан, немогли болѣе противиться родители невѣсты: они обязаны были покориться рѣшенію своей дочери, да этому выбору принужден был, сверх того, покориться и сам избираемый, иначе ему грозило проклятіе и всѣ сопряженныя с ним бѣдствія. В индѣйских поэмах, легендах и сказках очень часто идет рѣчь о таком бракѣ“ (Вѣстн. Евр. 1868 Февр. 703—4).

Сам же почтенный автор оговаривается, что „брак по свободному выбору недолжно считать учрежденіем исключительно только индѣйским, что этого рода брак был вообще в употребленіи на востокѣ из времен глубокой древности“ (ibid. 704 примѣч.). Для нас особенно важно, что подобный обычай существовал и у Славян в древнее время; остатки его до спх пор доживают свой вѣк у нѣкоторых славянских племен.

У Сербов, дѣвушка сама пожелавшая выдти за мужь за парня, называется *добјеглица*; то се догади кад родители не даду дјевојци поћи за кога она хоће, а она не ће за кога је они дају. То су понајвише рђаве дјевојке;

јер поштена дјевојка, и од поштена рода, не ће своје род теле и браћу осрамотити. У Србији добјеглица дође управо момку у кућу, па је онда одведу у какву кућу момачком роду, те тамо стои, док се не вјенчају, а у Срије му и у Бачкој дође поповој кући и ондје стоји док се не вјенчају (Караџић. Рѣчник).

О существованіи такого же обычая в южной Россіи преподав. I Харьк. гимназіи М. Д. Линда сдѣлал слѣдующее сообщеніе в одном из засѣданій Харьковск. Истор.-Филологич. Общества: „В том углу, гдѣ сходятся Курская, Харьковская, Полтавская и Черниговская губерніи, существует слѣдующій обычай: если какая либо дѣвушка захочет выйти замужъ за понравившагося ей парня, то она, выбравши время, когда вечером, по ея расчету, должны быть дома родные парня и он сам, связывает небольшой узелок своих пожитков и идет в дом родных парня. Войдя в хату, она, никому некланяясь и не говоря ни слова, пробирается на печь и там молча усаживается в уголок. Родители парня спрашивают его, что это значит? Если он не против брака с пришедшею дивчиною, то он дѣлает вид, что он „засоромился“, становится лицом к печи, подложивши лѣвую руку под голову, а указательным пальцем правой руки ковыряя глину на припечкѣ, и говорит: „я ничего, як ваша воля, як вы“. Сказавши это, он выходит в сѣни, за дверь, и там ожидает рѣшенія своей судьбы. Между тѣм отец и мать парня, по уходѣ сына в сѣни, обращаются к дѣвушкѣ со словами: „ну, доню, злізай, будемо знаты тебе“. Она слѣзает с печи, кланяется иконам и хозяевам и объявляет, потупивши очи в землю, кто она; ее просят присѣсть на лавку против печи, кличут сына из сѣней, дают дѣвушкѣ напиться воды и потом втроем (отец, мать и парень) провожают ее домой; при чем дѣвушка должна идти впереди этой процессіи, а парень в концѣ. На слѣдующій день или через день посылают к родным невѣсты сватов, и дѣло идет обычным порядком. Если же парень не согласен на брак с пришедшею дѣвушкой, то на задаваемый родителями вопрос, он

ничего неотвѣчает и уходит в сѣни, гдѣ становится за двери. Тогда родители парня обращаются к пришедшей дѣвушкѣ со словами: „ну, доню, бачишь, як воно скоілось; иди же собі до дому: мы тебе не знаемо“. Послѣ этих слов дѣвушка должна, молча, слѣзть с печи со своим узелком, молча поклониться одним общим поклоном, выйти из хаты и „задами“, т. е. по-за огородам уйти домой. Отказавшійся парень неимѣет права разглашать о своем отказѣ; иначе, дѣвушка имѣет право обратиться к деревенским парням за помощію в мести, и парни должны поколотить проболтавшагося. Впрочем, послѣднее, т. е. обращеніе к парням, рѣдко практикуется, потому что влечет за собою явную огласку позора дѣвушки. Этот обычай существует и в сѣверной Бессарабіи, и в западной части Подольской губерніи и даже в Молдавіи с тѣм только различіем, что к этому способу обращаются большею частію дѣвушки далеко зашедшія в жениханьи; в Молдавіи—только в послѣднем случаѣ“.

Великорусскія (Веселовскій, Ю.-русск. был. 74) и бѣлорусскія (Потебня, Объясненія малорус. и сродн п. 9) народныя пѣсни заключают в себѣ намеки на существованіе такого обычая и у этих племен.

Стало быть, упоминаніе в былинѣ про Соловья Будиміровича о самокрутствѣ Забавы Путятичны имѣет „историческое и народное значеніе“.

Подобно тому, как Соловей Будимірович пріѣзжает за Забавой на кораблѣ и на кораблѣ же увозит ее с собой, в свад. п. поется:

Я (жених) тебя (невѣсту) перевезу на ту сторону,
Я за тобою корабль пришлю,
Корабль пришлю, судно крѣпкое, колыхливое.
Сахаров I 120.

Когда везут невѣсту к вѣнцу, поют:

Как перед нашими широкими воротами,
Разлилося, разлелѣялось, синее море,
Унесло, улелѣяло, со двора три корабля:
Как первый-то корабль с красной дѣвицей душой,

А другой-то корабль с перинами, с подушками,
А третій-то корабль с коваными сундуками.
Шейн Р. н. п. 454.

Соловей Будимірович — *заѣзжій* богатырь потому, что он *жених:*

Как при вечерѣ было вечерѣ
У Настасьи было на сговорѣ
Прилетал к ней млад ясмен сокол,
Ясмен сокол добрый молодец,
Ясмен сокол залетный,
Добрый молодец пріѣзжій. Ibid. 434.

И самое названіе *Соловья* должно быть поставлено в связь с тѣм, что он жених. „В числѣ символов жениха *соловей* занимает очень видное мѣсто, как между великорусскими так и малорусскими пѣснями“ (Ящуржинскій, Р. Ф. В. IV 13). С именем героя — *Соловей* — стоит в связи прозваніе его — *Будимірович.* Соловей в нар. поэзіи будит:

Свѣт, ты, мой соловей в саду!
Кто ж меня рано будить буде,
Рано будить, поздно утѣшать
Шейн Р. н. п. 461.

Ай, свѣт, ты мой, соловей в саду!
Соловей в саду, он рано вставал,
Голосисто пѣвал, меня младу разбужал.
Ibid. 458.

По мѣткому выраженію А. А. Потебни Соловей Будимірович = Соловей Соловьевич, по аналогіи с Орел Орлович, Сокол Соколович (Обзор поэтич. мотивов колядок и щедровок, 81).

Представленныя сближенія былины о Соловьѣ Будимировичѣ с великорусскими свадебными пѣснями дѣлают шаткими культурно-историческія объясненія ея. По мнѣнію А. Майкова, „Соловей Будимірович — знаменитый строитель, напоминающій тѣх западных мастеров, которые с XII в. приходили на Русь“ (О был. Влад. ц. 43). Соловей Будимірович — не строитель только; он — и купец, и

моряк, и художник, и артист, он — молодец на всѣ руки, каков всегда, по идеальному представленію народа, жених.

Слабо мотивированным представляется и мнѣніе г. Буслаева, видящаго в Соловьѣ норманскаго пирата, варяга (Русскій богатырск. эпос. Русск. Вѣстн. 1862 г. V 93).

Связь былины о Соловьѣ Будиміровичѣ со свадебной народной поэзіей так жива и так глубока, что неможет, кажется, имѣть мѣста мысль о литературном заимствованіи ея сюжета. Поэтому, мы неможем согласиться с мнѣніем акад. Ягича, видящаго в нашей былинѣ передѣлку того эпизода сказаній о Соломонѣ, содержаніе котораго составляет увоз Соломоновой жены (Arch. f. Slav. Phil. I 114); причем самое названіе *Соловей* является, будтобы, народно-поэтическим толкованіем имени *Саломон* или *Соломон*, а также *Соломан* (ibid. 117). Сближает с былиной о Соловьѣ литературныя и народныя сказанія о Соломонѣ и Ор. Ф. Миллер (Ил. Муромец 560 и слѣд.).

Былины о Соловьѣ Будиміровичѣ и книжно-народныя передѣлки сказаній об увозѣ Соломоновой жены представляют совершенно различныя категоріи как по основной мысли так и по первоначальному источнику. В этом легко убѣждает безпристрастное сравненіе тѣх и других.

Болгарская п. „Митре Поморянче и Марія Бѣлоградска“ (Миладинов. Болгарск. п. N 184) разсказывает слѣдующее: невѣсту Димитрія, Марію, пересватал Петре Вайрадинче. Димитрій с горя и тоски незнает, что дѣлать. Мать совѣтует ему снарядить корабль, набрать в него дорогих матерій, одежд и женских украшеній, плыть в Бѣлоград, и там, под предлогом продажи товаров, замануть на корабль Марію и увезти ее. Димитрій так и сдѣлал.

Той си зеде малу—многу азно,
Та си собра млади-не майстори,
Си напра'и нова-на геміа,
Та си пойде во града Прилепа,
Си прекупи свила и коприна,
Си прекупи свилени кошули,
Си прекупи мѣдени елеци,

Що 'и носат свѫршени девойки;
Си прекупи чо'а парапгора,
Що ми пра'ѣт джубина за не'сти,
Си наполна нова-на геміа,
Си откупи млади гемиджии,
Си префжрли преку црно море,
Си излѣзе во Бѣлего града.

Когда вѣстники объявили по городу о прибытіи корабля с дорогими товарами,

Тога рече кир бѣла Маріа:
„А егиди три млади теляли!
„Яс ке дойдам пѫрво на геміи,
„Да си купам свила и коприна;
„Ай речите на млад гемиджіа,
„Да постелит платно бамбакерно,
„От порти-те дури до геміа".

Марія нарядилась хорошо и с тридцатью дѣвушками пришла к кораблю. Когда Димитрій отказался показывать товар внѣ корабля, сославшись на данную матери клятву— невынимать товар из корабля,—Марія с подругами взошла на корабль.

И им фжрли Митре Поморянче,
Що им фжрли свилена јоргана,
И им тури свила и коприна.
С' опулі'е свѫрщени девојки,
Да гледает свила и коприна.

Тогда крикнул Митре молодым корабельщикам:

Али сега, бракя, аль пикога!
Одтурнете нова-на геміа,
Си имате п' една па јунака.

Корабли отъѣхали. Когда были среди моря, тогда Марія догадалась, что она обманута. Митре с невѣстою прибыл к своей матери, женился на Маріи, а его товарищи на ея подругах.

Тот же мотив с одинаковыми почти подробностями развивается в первой части великорусск. былины, представляющей передѣлку сказанія о Соломонѣ, „о царѣ Сала-

манѣ, царицѣ Саламаніи и Васильи Окульевичѣ“ (Рыбн. II N 52). Герой, увозящій Саламанію, называется Ивашко Торокашко *Заморянин,* что̀ прямо соотвѣтствует прозванію Митре *Поморянче.*

Василій Окульевич поручил Ивашкѣ увезти красавицу, жену Соломона,

Построил три корабля, три черные,
Исправные всим корабли снарядные,
Опушил эти корабли лисицами,
Лисицами, куницами заморскими,
Нагружал эти корабли товарами,
Неоцѣнными камешками драгоцѣнными,
Отпущал Ивашка Торокашка за сине море,
За сине море, во град Еросолим
(вар. 2 стр. 291).

Прибыв в город и представив богатые дары Соломоніи, Ивашко говорил ей:

Ты прекрасная царица Саламонія!
Приходи-тко на крутой на бережок
Поглядѣть наших товаров заморскіих.
Умывалася царица бѣлешенько,
И надѣвалася она хорошохонько,
Приходила она на крутой на бережок
И заходила на суда на черленыя.

На кораблѣ было на что заглядѣться царицѣ: она

. . . увидала кроватку тесовую,
И наволочки она увидла шелковыя,
И занавѣски увидла крупчатой камки
И грядочку увидла орленую;
На той на орленой на грядочкѣ
Сидит-то птицынька райская,
Поет-то пѣсенки царскія;
И пива увидла бочек сорок сороков,
И пивную чашу полтора ведра,
И много ѣствушек сахарніих,
И больше питьицев медвяныих.
(стр. 280).

Для увоза Соломоніи Ивашко употребил пріем отличный от способа Петра Поморянче:

Как стал он убаивать,
Как стал уговаривать,
И около обхаживать:
„Ай же ты, царица благовѣрная Соломанья!
„Вышей-ка наших напиточков сладкіих,
„Сладкіих заморских нешьяных . . .
Подергивал ей столик дубовый,
Ко столику подергивал золотой он стул.
Садилася она на золот стул,
Садилася ко столику дубовому;
Как становил он напиточков,—
Все напиточки сонные;
Как начала она пить напиточков заморскіих,
Чарочку пить за чарочкой,
И напилась она до пьяна,
Обвалилася на черноем корабли,
Обвалилася, сонна лежит.

Ивашко Торокашко, заморскій гость, приказал кораблям отплыть. На синем морѣ Соломонія проснулась и узнала, что она увезена для царя Василія Окульевича (Рыбн. II 293—4).

В сербск. п., развивающей тот же мотив, находится и эта послѣдняя черта. Петруша, дочь Ледянскаго царя, рѣшается похитить себѣ жениха из Бѣлграда, Влаховича Стояна. Многіе женихи домогались ея руки, приходили со всѣх концов свѣта, она всѣм отказывает и просит отца:

Већ ти бави орахову грађу,
И набави тридесет мајстора,
Те ми гради орахову лађу,
И у лађи тридесет весала,
Свако весло дрво шимширово
И у лађи тридесет возара
. . . . . .
И у лађи шеја свакојака
А при томе вина и ракије,

А највише перја окатога.

На этой ладьѣ Петруша ѣдет в Бѣлград, чтобы достать себѣ в мужья красиваго Влаховича Стояна. Сестра его пришла к берегу по воду, когда увидѣла диковинный корабль о котором разсказала брату; тот отправился поглядѣть на него, его приняли, напоили и пьянаго увезли; когда он проснулся на другой день, он был женихом Петруши (Веселовск. Южно-русск. был. II, 76).

Все то, о чем говорят приведенныя славянскія сказанія, идет от книжных сказаній о Соломонѣ. „Нѣкій гость Паша“, на пиру у Пора сообщил послѣднему о красотѣ и добротѣ жены царя Соломона. Друг царев, боярин, рѣшается украсть ее для Пора. „Спаряди боярин корабль всякою красотою и сотвори боярин в кормѣ чердак зѣло красен, а в нем написа образ царя своего, краснаго и наличнаго, в корабли же написа всяким умыслом, сотвори небо под верхом корабля, и сотвори мѣсец и звѣзды, и противу их постави стекла хрустальныя, и бысть свѣтлость велія; и дивляхуся людіе красотѣ кораблю тому и хваляху зѣло“. Под видом купца или прохожаго человѣка боярин Пора прибыл в царство Соломопа. Ему удалось соблазнить царицу; она рѣшается оставить Соломона для Пора. „И рече посланник царицѣ: дам тебѣ забыдущаго зелья, про тебя мертву доспѣю да унесу на корабль. Царица обмерла от забыдущаго зелья, ее похоронили; посланник Пора напустил мертвый сон на приставленных к ней сторожей, проник в ея усыпальницу и унес ее на корабль. Там он помазал ее другим зельем, и она ожила. Так он привез ее к Пору (Веселовскій, Сказ. о Солом. и Китовр. 231—3).

Разница между разсмотрѣнными рефлексами сказаній о Соломонѣ и былинами о Соловьѣ Будиміровичѣ очевидна. Ясно, что первые говорят о насильственном похищеніи женщины; тогда как Соловей Будимірович пріѣзжает „о добром дѣлѣ — о сватовствѣ“, с совершенно мирными цѣлями. Терема были построены Соловьем вовсе не для того, чтобы замапуть туда Забаву и украсть ее (Ягич. Arch. f. Slaw. Phil. I, 115). Этот эпизод достаточно объ-

ясняется символикой свадебных пѣсен. А. Н. Веселовскій справедливо замѣтил, что „это — не былина об увозѣ невѣсты“ (Южно-русск. был. II, 77); совсѣм только невѣрно, что „в основѣ это — былина о брачной поѣздкѣ какого-то *заморскаго* молодца, прельщающаго невѣсту роскошными диковинками“ (ibid.). Соловей Будимірович — такой же чужой, заморскій, как и всѣ ясмен-соколы залетные, добрые молодцы пріѣзжіе — женихи, о которых поют свадебныя пѣсни.

„Всѣ изслѣдователи, заключает Ор. Ф. Миллер, свое изслѣдованіе о Соловьѣ Будимировичѣ, сходятся в одном — в признаніи иностраннаго строя в личности Соловья Будимировича. И дѣйствительно, . . . в нем замѣчается слой бытовой, значительно отличающійся от бытовых условій богатырства кіевскаго. Уже по одной *своей* работной дружинѣ и по *трояким* сходням, — он явно не кіевскій богатырь, а, как называет его в одном вар. Забава Путятична, дивом наѣхавшая *богатая богатина*. Рыбник. III 194 (курс. в подл. Ил. Муром. 562). Полагаем, предыдущее изложеніе дает нам основаніе этому взгляду на Соловья Будимировича противопоставить слѣдующій: этот эпическій образ, как в цѣлом, так и в частностях, вполнѣ туземный, русскій; в нем народ выразил конкретно свои идеальныя воззрѣнія на жениха. Жених — предмет очень любимый народной поэзіей. Народная фантазія нескупится на краски для изображенія излюбленнаго объекта. В одной малор. п. о женихѣ говорится:

Мати Ивася (жениха) родила,
Місяцем обгородила,
Зорею підперезала
(Чубинскій, Труды Экспед. IV, 87).

В записанной мной п.:

Хто у нас харош,
Хто у нас пригож?
Иванушка харош,
Васильявич пригош.
Он хораша ходя,
Манерна ступая,
Чюлкой ни валяя,
Сапох ни ламая.
Он на каня садитца,
Пад ним конь висялитца;

Он плеткаю маша, Луга зилянєють,
Пад ним воран конь Балоты линєють,
[пляша. Салавьи распявають
К лугам падьязжая, Кукушки кукують ...

(ср. Терещенко, Быт р. н. II 312—12).

Много любопытных в этом отношеніи подробностей разсѣяно в приведенных выше свадебных пѣснях.

Найболѣе выразительным фактом народнаго стремленія к идеализаціи личности *женихa* слѣдует признать былину о Соловьѣ Будіміровичѣ. Соловей Будімірович — идеальный великорусскій жених. Средства для созданія такого эпическаго образа были всѣ у себя, дома, в области символов свадебной пѣсенной поэзіи.

Глава XIV.

2. Тугарин Зміевич.

Наши былины о Тугаринѣ Зміевичѣ принадлежат к одной группѣ с южно-славянскими сказаніями о змѣях и змѣевичах.

У Болгар много пѣсен о сношеніях змѣев с людьми. Большею частію онѣ отличаются художественными достоинствами. Глубокій лиризм особенно ярким становится, когда пѣсня изображает страданія человѣка от ласк змѣя, тоску, сожалѣніе змѣя, поддавшагося хитрости человѣка и открывшаго секрет отворотнаго зелья. Чары властны и над змѣями; только помощію чар человѣк может освободиться от ласк непрошенаго любовника. Нетолько змѣи — существа мужескаго пола — вступают в связь с женщинами, но и змѣицы любят мужчин.

Стано ле мари хубава!
Шо съхниш, Стано, и вехниш,
Като гората под зима,
Под зима по Дмитровден?
Не ли ти драго, Стано ле,
И ти с момите да ходиш
И ти смин китка да носиш?

Стана отвѣчает:

Че драго ми је, мамо ле,
Яла не смеѫ от змеѫ,
От змеѫ от златокрила,
От змеѫ, от каскандиѫ.

Змѣй замѣтил, что она приготовляет для кого-то свадебные подарки и ревнует ее (Період. Спис. 1876 г. кн. XI и XII, 166). Чаще в подобных случаях змѣй уносит свою возлюбленную в горы, в свои палаты. Однажды Рада по-

шла за водой к змѣевым колодцам, набрала воды и шла домой. На встрѣчу ей два змѣя огненика. Старшій миновал Раду, младшій заступил ей дорогу, напился из ея водоносов и заговорил: „Рада, милая Рада! ты каждый вечер прежде ко мнѣ ходила, по букету цвѣтов носила; отчего же в этот вечер ты непринесла ничего?“ Рада отвѣчала: „пусти меня, змѣй, пройти: мать моя больна лежит, сильная жажда мучит ее“. Змѣй отвѣчает: „обманывай, Рада, кого нибудь другого, а не меня:

Змѣйно си хвърка високо
И гледа змѣйно широко,
Сеги над вази предхвръкнѫх,
Майка-та сѣди в горен кат,
Майка ти магесница-та,
Майка ти омайница-та,
За тебе ризи съшива,
Сѣкавки билки ошива,
Сѣкавки билки омразни,
Омразни билки, раздѣлни,
Да но те, Радо, намразѭ.
Майка ти магесница-та
Магйоза гора и вода,
Жива ѥ зъмя хванѫла,
В ново ѫ гърне турила,
С бѣл ѫ бодил подклада,
Зъмя се в гърне виѥше,
Виѥше йоще пищеше,
А мама ти наричя:
Както се виѥ тъз' зъмя,
Тъй да се виѫт за Рада,
За Рада Турци, Българи,
Дано ѫ змѣйно намрази,
Намрази да ѫ остави.

Но неудалось ей тебя заворожить: вот сейчас я тебя возьму. Только что сказал это, подхватил Раду и унес — горѣ в небеса,

Де високи-те канари,
У широки-те пещери
(Dozon Българск. п. N 8).

В п. N 12 ibid. вмѣсто змѣя является солнце. По тону пѣсни можно судить, что матери Радки удалось отворотить солнце. Оно ограничивается горькой жалобой на коварство матери Радки. Пѣсня начинается превосходным запѣвом:

Пусти-те мои двѣ тъги,
Я да станете двѣ мъгли,
Че се високо двигнете,
Дигайте мъгли прахове,
Та затулѣте слънце-то,
Слънце-то още мѣсеца.

Радка пошла за водой; ее встрѣтило солнце и так говорило:

Радке ле, мома хубава!
Бог да убіѥ майка-та,
Майка-та магесница-та,
Че магйосала слънце-то,
Слънце-то още мѣсеца,
Гора-та, още трѣва-та,
Земя-та, още вода-та.
Зъмии-те живи ловеше,
Със бѣл си бодил бодеше,
Бодеше и наричяше:
Какво аз бодж тѣ зъмии,
Тъй да се боджт иргени
За Радка, мома хубава.

Змѣй не один является за своей возлюбленной, а с цѣлой толпой себѣ подобных.

Димитра говорит своей матери: ты, мать, выдаешь меня замуж, а неспросишь моей воли. А меня, матушка, змѣй полюбил и сегодня возьмет к себѣ,

До вечера щжт да доджт
Змѣёви с бѣли атови,
Змѣици с злати кочии,

Змѣйчета в злати люлчици,
Гора без вѣтър ще легне,
Село без огън се пламне
И без кучета ще лавне.

Что же ты, говорит мать, об этом прежде не сказала:

Мома ти да те полѣꙗ
На пусто огнище с пуст бакрач?

Тот час явились змѣи и взяли Димитру (Dozon N 9).

Тяжелы и для мужчины ласки змѣицы.

Мать спрашивает Стояна, отчего он прежде был бѣлый, румяный, а теперь стал желтый, зеленый. Стоян отвѣчает, что к нему ходит „мечка-стръвница“: каждый вечер медленно приходит, головнями разгоняет овчаров, собак—камнями, а его, Стояна, милу́ет. Мать отвѣчает, что то не медвѣдица, а Елка змѣица; научает Стояна вывѣдать у ней хитростью секрет отворотнаго зелья. Когда пришла Елка, Стоян и спросил у ней:

Елко ле, либе змѣице,
Ти като толко ходиш,
Сички свѣт обходиш,
Не знаш ли билꙗ омразно,
Омразно билꙗ отдѣльно?
Че имам сестра по-малка
Та ꙗ Турчин ѫ залюбил,
От него да ѫ омразѫ,
Омразѫ, Елко, отдѣлѫ.

Елка поддалась хитрости: пусть мать твоя, говорит она ему, наберет

Синя-та бѣла тентава,
Жълта-та вратига и куманила;

пусть варит это в полночь в необозженном горшкѣ, да потом обольет твою сестру: она Турчину опротивѣет. Мать так и сдѣлала; но вмѣсто сестры облила самого Стояна. Когда к вечеру пришла к Стояну Елка,

От далеч иде и вика:
Либе Стоꙗне, Стоꙗне!

Що ме лесно излъга,
Те ме от себе отдѣли? Doz. N 7.

У Болгар для Змѣевича существует даже особое слово — *витяж*. У Дозона есть интересная п. о витякѣ, женившемся на дѣвушкѣ.

Жнчо ли гиди младу Жнчо,
Прочул се Жнчо от край ду край зжмя-та
Колку за нжгову юнасту,
Още толку чи имал *златни криля,*
Златни криля пуд мишница.
Сички мислжха чи си Жнчо *витяж,*
Витяж от змжи' породжн.

Всѣх юнаков превосходил он силою и ловкостію; а когда ходил в хороводѣ, то дѣвушки немогли налюбоваться им. Однажды, на Великдень, ходя в хороводѣ, он услышал, что Богдана сказала своим подругам, что она непрочь бы и выдти за муж за Янча. Янчо тотчас оставил хоровод, пришол к матери своей — *змъицъ* и передал ей рѣчи Богданы. Мать совѣтует ему похитить Богдану. На другой день Янчо стал дожидаться Богданы на перекресткѣ, чрез который она должна была проходить на ниву с подругами.

Дж си сж и тия с друшки зададж,
Лю си ду Жнчо приблизи,
И сж облаци зададоха,
Змжювя на имдат дойдоха,
Да си на Жнчо помогнат,
Мома Богдана да грабнат,
Богдана си тржска затржсж,
Та си падна умржла на зжмя.

Старый змѣй достал из-за пазухи живой воды и оживил Богдану. Когда Богдана вздохнула глубоко и вернулась к ней ея душа,

Та си я̀ змжювя закараха
На гора зжлжна,
При вода студжна,
Дж си змжници джке баняха (дѣтей);

от купанья в этой водѣ у змѣевичей выростают позолоченыя крылья.

Тога се Богдана дусети
Чи Жнчо си е змжй
И сж є чляк присимосувал,
Дур да си нжя измами.

И по русскому вѣрованію есть молодые молодцы зазорливые, которые умѣют прикидываться по змѣиному и по человѣческому (Аѳанасьев, Поэт. Воззр. II 523).

Через год Богдана родила сына, искупала его в той водѣ, у него выросли крылья —

Со злату позлатжни
И сж бисор поднизани
(Doz. Болг. п. 128—30).

Наш Тугарин — тоже витяк, змѣевич, сын змѣя: он имѣет крылья, впрочем бумажныя, вмѣсто древних б. м. золотых, на которых он летает по поднебесью; он — оборотень:

Невѣжа-то среди дня летает черным вороном,
По ночам ходит Змѣем Тугариновым,
А по зарям ходит добрым молодцем.
(Рыбник. II 16).

Как Янчо, он пользуется любовью женщин: княгиня Апракѣевна до того заглядѣлась „на мил живот, на молода Тугарина Зміевича“, что обрѣзала рученьку лѣвую; Алешѣ Поповичу, убившему Тугарина, она говорит:

Деревенщина ты засельщина!
Разлучил меня с *другом милым,*
С молодым змѣем Тугаретиным.
(Кирѣевск. II 80).

Сербская п. „царица Милица и змай од Јастребца“ (Вук II N 43) разсказывает об убійствѣ Змѣй-Деспотом-Вуком Змѣя от Ястребца, повадившагося летать каждую ночь к Милицѣ и измучившаго ее своими ласками. По совѣту Лазаря Милица выпытала у Змѣя, боится ли он кого нибудь на свѣтѣ; он ей проговорился, что боится Змѣй-

Деспота-Вука. Послѣдній тоже —витяк. Когда он родился, Јерина разсказывала Туркам:

У мог сина, слијепца Гргура,
У нега се мушко чедо наће;
Није чедо чеда каквано су:
Вучја шапа и орлово крило,
И змајево коло под пазуом,
Из уста му модар пламен бије,
Матери се не да задојити (Рѣчник).

Лазарь попросил Вука пріѣхать к нему в Крушевац и избавить его от насильника. Вук пріѣхал на крушевацкое поле и на нем распял свой шатер. Лазарь пригласил его к себѣ на вечерю, но Вук отклонил просьбу князя, а Милицѣ наказал ничего неговорить Змѣю о его прибытіи. Когда настала ночь,

Засија се Јастребац планина —
И полеће змаје од Јастрепца,
Право паде на бијелу кулу,
Те царици сједе у душеке.

Подобно тому и в былинах:

Вот как вѣтра нѣт и тучу поднесло,
Тучи нѣт да быдто гром гремит,
Грому нѣт да искры сыплятся,
Налетѣло Змѣйчищо Горынчищо
(Гильферд. 800).

Только змѣй усѣлся в покоях царицы, вскрикнул Вук:

Ко се љуби на бијелој кули,
Нек излази из бијеле куле,
Зар не види, ће је погинуо!

Укорив Милицу за измѣну, змѣй

..... из куле утече,
На не бјежи Јастрепцу планини,
Већ побјеже небу под облаке,
А ћера га Змај-Деспоте-Вуче,
На високо нега сустигао,
Удари га тешком топузином,
Те му преби у рамену крила,

Змаје паде у зелену траву,
На запишта, као змија лута:
„Вако било свакоме јунаку,
„Који свашта луби својој каже!

Долетѣл Вук, отсѣк голову змѣю и отнес кп. Лазарю. Благодарный Лазарь богато одарил избавителя.

Ср. с этим, что разсказывается в сказкѣ о битвѣ Добрыни Никитича с Тугарином Змѣевичем (Кирѣевск. II, IX): „Не вѣтры буйные в полѣ подымалися, не желты пески со дна моря разсыпалися: то съѣзжалися, сходилися Добрыня с Тугарином. Поднимается Тугарин выше лѣсу стоячаго, а у Тугарина, собаки, крылья бумажныя, и летает он, собака, по поднебесью. Взвился конь под Добрынею выше лѣсу стоячаго до облака ходячаго. Сам-то Добрыня мечем рубит Тугарина, а Тороп-то пускает калену стрѣлу в Тугарина Змѣевича, во его крылья бумажныя. И упал он, Тугарин, на сыру землю. И тут ему Добрыня главу свернул, на копье воткнул, а сам коня ко граду Кіеву вернул.

И посылает Владимір к Добрынюшкѣ золот перстень с правой руки, а княгиня Апраксѣевна ширинку шелковую златошвейную“.

Несомнѣнно, многое в разбираемых сказаніях объясняется и книжными средневѣковыми сказаніями о сношеніях демонов с людьми. Нельзя напр. не сравнить с нашей былиной о Тугаринѣ слѣдующаго эпизода из Александріи о зачатіи Александра Великаго от волхва Нектанева. Неплодная Алимпіяда призвала Нефтанава и вопрошала о житіи своем и чадородіи еже от Филиппа царя. Нефтанав, прельщенный красотой царицы, отвѣчал: родиши Филиппу сына, но не от него зачнеши, пріидет бо ти Аммон бог Ливійскій и от того зачнеши, ты же буди готова ему на царской постели, преже бо явитися во снѣ во образѣ змѣиномъ, и потом тѣм же образом и яве пріидет к тебѣ, и быв с тобою, паки во образѣ орла великаго преложится и изыдет от тебе. Се же изрече ѳй и отыде от нея. Ей же спящу обратися Нефтанав волхв во образ зміин, и быст

с пею, и зачат Александра. Яви же ся Нефтанав и Филиппу царю во снѣ, и изрече ему еже Алимпіяда от Аммона бога Ливійскаго зачала сына. Потом же Филипп пріиде в дом свой и видѣ Алимпіаду жену свою чревату, и невѣрова о том, еже от Аммона бога зачат, и сотворил Филипп вечерю на воевод своих. Егда же веселяшеся Филипп с гостьми своими, Нефтанав же обращься во образ змія великаго, и вниде пред всѣми гостьми в палату цареву; вси же видѣвше, устрашишася, царица же Алимпіада даст руку змію, змій взыде и ляже на лоно ея, и цѣлова ея, и паки пред всѣми превращься во образ орла великаго, и излетѣ из палаты вон. Филипп же ят вѣры, еже от Аммона бога Ливійскаго во чревѣ Алимпіады зачатое (из Хронографа, принадл. одн. извѣстн. мнѣ старовѣру).

В основаніи же своем славянскія сказанія о сношеніях людей со змѣями туземны; наша былина о Тугаринѣ представляет варіант их. Очевидно, Тугарин Зміевич — личность мифическая. Как в исторіи Лазаря Сербскаго нѣт ничего такого, что могло бы быть основаніем изложенной п. о царицѣ Милицѣ и змѣѣ от Ястребца; так точно слѣдует оставить всякія попытки историческаго объясненія и пріуроченія былины о Тугаринѣ Зміевичѣ.

Очень зыбким, хотя и заманчивым, нам кажется сближеніе Тугарина Змѣевича с половецким ханом, Тугор-ханом „Тугарин почти несомнѣнно (?) есть извѣстный Тугоркан или Тугаркан лѣтописей, говорит П. В. Безсонов, у коего Святополк Михаил взял дочь в замужество и на внучкѣ котораго Мономах женил сына Андрея. Эти исторически-родственныя с ними связи выражены в былинах тѣм, что Тугарин весьма часто в Кіевѣ как свой, союзится с кіевскими женщинами, кладет руки в пазуху женѣ Владиміра. Но, как хан Половецкій, он же был и постоянным врагом, он и убит в битвѣ с Русью и — замѣчательно—похоронен под Кіевом, напоминая о себѣ пѣсням своею могилою, подобно как, мы знаем, могила Олега Святославича под Овручем ввела его в пѣсни об Олегѣ Вѣщем“ (Примѣч. к IV т. Кирѣевск. 115—16).

Любовь Евпраксіи к Тугарину и родственныя связи кіевских князей с Тугорханом, убійство Змѣевича Тугарина Алешей или Добрыней и смерть Тугорхана под Кіевом—черты существенно весьма различныя. А при отсутствіи явственных слѣдов сходства между былиной и лѣтописными извѣстіями о Тугорханѣ гораздо основательнѣе видѣть в звуковом сходствѣ имен Тугарина и Тугорхана случайное созвучіе, на котором нельзя строить никаких убѣдительных выводов об историческом тождествѣ этих двух личностей.

Глава XV.

3. Жидовин.

Еще болѣе произвола допущено нашими изслѣдователями в объясненіи былины о Жидовинѣ. „По эпохѣ, в которую эта сказка сочинена, она, кажется, древнѣе всего собранія Кирши Данилова, за исключеніем может быть сказок о Дунаѣ Ивановичѣ и Волхвѣ богатырѣ. Ни разу нѣт упоминанія о Татарах, но за то *ясная память о Хазарах, и богатырь из земли Козарской, названной справедливо Жидовскою, является соперником русских богатырей;* это признак древности неоспоримой. В дѣйствіи является уже не отдѣльный какой нибудь богатырь, а цѣлая богатырская застава, которой атаман Илья Муромец. Эта застава принадлежит вѣроятно княжеским погра ничным стражам, хотя имя князя не упоминается нигдѣ. Стоит она на лугах Цицарских, под горою Сорочинскою: оба названія указывают, если не ошибаюсь, на южныя области за Кіевом“ (Сочиненія Хомякова I 487).

Это мнѣніе, повторяемое без измѣненія до сих пор в ученой и учебной литературѣ, есть в сущности не болѣе, как культурно-историческій мираж. Казары никогда небыли народом строго еврействующим. „Большинство Хазар мусульмане и христіане. И есть между ними идолопоклонники. И самый немногочисленный класс у них Евреи. Царь их исповѣдует еврейскую религію“ (Изв. Ал-Бекри о Руси и Славянах. Куника и Розена I, 60). В лѣтописи Нестора Хазары называются своим именем; упоминаются старцы козарстіи. В разсказѣ об испытаніи вѣр ясно различаются Жиды и Козары: *жидове козарстіи придоша,* рекуще. Владимір рече: гдѣ есть земля ваша? они же рѣша: в Ерусалимѣ (Лавр. л. 83). Нѣт никаких данных

утверждать, что Козары были миссіонерами еврейства на Руси. Не было, стало быть, основаній для древней Руси нѣт их и для нас — отожествлять Жидов и Козар, землю, Жидовскую и Козарскую, Жидовина и Козарина; тѣм бо лѣе, что в былинѣ незаключается ни одного упоминанія о *Козарах*, и все Хомяковское толкованіе ничѣм немотивировано.

Былину о Жидовинѣ по содержанію слѣдует считать поздним варіантом довольно распространеннаго в нашем эпосѣ сказанія о встрѣчѣ Ильи Муромца с сыном. Послѣдній в разных варіантах носит разныя названія, обнаруживающія книжное происхожденіе самого сюжета: Збут-Борис-Королевич (Кирѣевск. I, 10); Аполлонище, сын дѣвки Сиверьяничны (Гильферд. N 246); Петре Царевич Золотничанин, сын Сиверьяничны (ibid. N 226); Василей сын Сиверьяничны (N 219); Татарской сын, Михайло Долгомѣрович (N 114); Соловников (N 46); Сокольничек сын Латыгорки (Кирѣевск. IV, 12). Былина о Жидовинѣ (Кир. I, 47; IV, 6) построена по одному плану с этими и развивает почти одно и тоже содержаніе. Вся разница сводится главным образом к слѣдующему: в былинах о встрѣчѣ Ильи Муромца с сыном, послѣ паденія перваго, грубых, оскорбительных для старика-героя рѣчей втораго и ошибки нахвальщика на земь, происходит узнаніе отца сыном; в былинах о Жидовинѣ этот эпизод цѣликом выпал. Послѣднее обстоятельство я думаю поставить в связь с введеніем в круг былин этого мотива *названія* супротивника *Жидовин*. Жидовин в значеніи врага, с которым предстоит бороться богатырю, вѣроятно, первоначально являлся в книжно-народных сказаніях, подобных слѣд.: в русск. духовн. стихѣ о Федорѣ Тиронѣ Константина Самойловича осаждает в Іерусалимѣ царь *Іюдейской*, сила *жидовская*; в былинѣ о хожденіи русских богатырей в Царь-град является Идолище *Жидовское;* южно-славянская легенда об обрѣтеніи креста выводит на сцену проклята царя *Евреина* (А. Н. Веселовскій, Южно-русск. был. VIII, 288). Позже, эпитет стал собств. именем: явился богатырь Жидовин, в об-

щем смыслѣ врага. В этом значеніи Жидовин перешел в былины о встрѣчѣ И. Муромца с сыном и повліял на видоизмѣненіе сюжета послѣдних: о родственных связях И. Муромца с Жидовином немогло быть и рѣчи.

Очевидно, былина о Жидовинѣ и по строю и по содержанію принадлежит позднѣйшему времени и незаключает в себѣ ни малѣйших намеков на древне-русскія международныя отношенія. Введеніе заставы богатырской, сословной характеристики богатырей принадлежит московскому періоду, а не древне-кіевскому.

Из сказаній сходных с былиной о Жидовинѣ, помимо указанных Ор. Ф. Миллером в кн. „И. Муромец“ и пр., остановимся на слѣдующих двух:

У Болгар сюда принадлежит п. о борьбѣ трех юнаков — Петра, Марка и Груицы — с зміем трехголовым и троехвостым, засѣвшим на царской дорогѣ и грабившим царскую казну (Миладин. стр. 166—67)

Прочуло ся е люта змія,
Люта змія осойница,
Со три глави, с три опашки
На царьови-те друмове,
Та воспря на царя хазна,
Та не може да му мине.

Три славных юнака Петар, Марко и Гроица, по приказанію царя идут против змія. Первым вышел Петр,

В друми върви, песен пее:
„Де си, да си люта змія,
„Я си изляз на друмове.
И излезе люта змія,
Претегна му на конь нозе,
Па си вдигна втора глава,
Та му върза бѣли ръце,
Па си вдигна третя глава,
Да му піе църни очи.
Уплашися дели Петар,
Бутна коня та назади.

Тоже сталось и с Марком, выѣхавшим против змѣя, несмотря на предостереженія Петра.

Ср. с этим в нашей былинѣ про Жидовина: узнав о проѣздѣ через заставу Жидовина, богатыри рѣшаются ѣхать за нахвальщиком,

Настигать нахвальщика в чистом полѣ,
Побить нахвальщика в чистом полѣ,
По плечь отсѣчь буйну голову,
Привести на заставу богатырскую.

Выбор пал на Добрыню. Выѣхав в поле и увидѣв нахвальщика, он закричал:

Вор, собака, нахвальщина!
Зачѣм нашу заставу проѣзжаешь?
Атаману Ильѣ Муромцу не бьеш челом?
. . . . . .
Учул нахвальщина зычен голос,
Поворачивал нахвальщина добра коня,
Напущал на Добрыню Никитича.
Сыра мать земля всколебалася,
Из озер вода выливалася,
Под Добрыней конь на колѣнца пал.
Добрыня Никитич млад
Господу Богу взмолится
И мати Пресвятой Богородицѣ:
„Унеси Господи от нахвальщика!
Под Добрыней конь поисправился,
Уѣхал на заставу богатырскую.

Когда выѣхал на бой со змiем Груица,

Изляла бѣ люта змiя,
Ка си виде мало дете,
Па си вдигна една глава,
Претегна му на кон нозе;
Па си вдигна втора глава,
Претегна му половина,
Па си вдигна третя глава,
Па му вжрза бѣли ржце.
Провикнж сж мало дете:

„Я чуй ма, боже, я вижд ма,
Ослаби десна рачица,
Да извада остра сабя!“
Па извади остра сабя,
Та погуби люта змія,
Па си узе до три глави,
Занесе ги на царьови,
На царьови равни дворове.
И цар си им одговоря:
„Ой та Грую, мало дете,
Просто тебѣ столнина-та,
Аз да стана, ти да седнеш“.

У Ильи Муромца в бою с Жидовином,
Поскользит ножка лѣвая,
Пал Илья на сыру землю;
Сѣл нахвальщина на бѣлы груди,
Вынимал чинжалище булатное,
Хочет вспороть груди бѣлыя,
Хочет закрыть очи ясныя,
По плечь отсѣчь буйну голову...
Лежит Илья под богатырем,
Говорит Илья таково слово:
Да неладно у святых отцов написано,
Не ладно у Апостолов удумано.
Написано было у святых отцов,
Удумано было у Апостолов:
Не бывать Ильѣ в чистом полѣ убитому,
А теперь Илья под богатырем!

У Ильи лежучи прибыло силы втрое; махнул нахвальщика в бѣлы груди, шибал выше дерева жароваго; падал нахвальщина на землю, Илья отсѣк ему голову, поднял на копье и повез на заставу богатырскую (Кирѣевск. I 46).

Сходный мотив развивается в одном кабардинском разсказѣ о Нартѣ Сосрыко (Сборн. Св. о Кавк. горц. V, 56—59). Рыская по горам, Сосрыко замѣтил вдали черное пятно: он кликнул, но крик его небыл услышан; погнался за ним, но немог нагнать. Тогда тот, обернувшись,

крикнул, и крик его пронзил Сосрыко; преслѣдуя потом и нагнав Сосрыко, он нартовское двуглавое копье припер к сѣдлу и вышиб его из сѣдла. Вынув шашку, всадник подъѣхал снять голову Сосрыко; но тот прибѣг к хитрости, попросив назначить для боя иной день. Возвратившись домой, Сосрыко разсказал матери о своей встрѣчѣ с неизвѣстным всадником и описал его наружность. Мать признала в нем своего племянника, сына своей сестры. В назначенный день выѣхал Сосрыко на бой; коня своего он, по совѣту матери, увѣшал колокольчиками. Тотыреш Альбеков — так звали противника Сосрыко — уже ждал его. Сосрыко обернулся вокруг него туманом. Тотыреш, размышляя о том, откуда мог появиться туман, задремал. Тогда Сосрыко заставил коня своего мотнуть головой и хвостом. Колокольчики зазвенѣли, и конь Тотыреша, испуганный, понесся. Желая удержать коня, Тотыреш слишком сильно дернул за поводья, разорвал ему челюсти, отчего он тут же и умер. Сосрыко наскочил, вынул мечь и снял голову Тотырешу.

Глава XVI.

4. Святогор.

Выраженіе „старшіе богатыри“, встрѣчающееся в былинѣ о поѣздкѣ Ильи Муромца в Кіев, было понято нашими изслѣдователями слишком широко. Наши былины незаключают в себѣ опредѣленных указаній на великанов, представителей до-богатырскаго періода, „старших“ богатырей; отсюда и в изслѣдованіях о старших богатырях неясность, сбивчивость и произвол.

К старшим богатырям, обыкновенно, относят Святогора, Микулу Селяниновича, Вольгу, Сухмана, Дона и Дуная (Порфирьев, Истор. рус. слов. I 50), Полкана, Колывана и Самсона (Пѣсни Кирѣевск. Указатель). Но Полкан и Самсон, очевидно, имена, заимствованныя книжным путем. О Колыванѣ былины так мало говорят, что нѣт основаній относить его к старшим богатырям. Дон, Дунай, Микула, Сухман и Вольга незаключают в себѣ ничего титаническаго, ничѣм неотличаются от таких „младших“ богатырей, как Добрыня [1]).

---

[1]) Относительно Вольги, нам кажется довольно вѣроятным мнѣніе о связи былеваго образа этого богатыря с князем Олегом Вѣщим. Доказать этого, однако, нельзя, и мы оставляем пока в сторонѣ вопрос о том, принадлежит ли эта былина до-татарскому періоду и составляет ли она древне-кіевское наслѣдство, или возникла на сѣверо-востокѣ Руси самостоятельно и не в особенно древнее время. С сказаніем былины о рожденіи Вольги ср. арабскую легенду о чудѣ, сопровождавшем рожденіе Магомета. „В ту ночь, когда он родился, чудовищная рыба, величайшая из всѣх нѣмых обитателей соленых вод, рыба о 700000 хвостах, носящая на своем хребтѣ 700000 тельцов, из которых каждый больше земнаго шара,

В сказаніях о Святогорѣ указано так много элементов книжных (о сумочкѣ переметной, о смерти Святогора), что вопрос о литературном происхожденіи былин об этом богатырѣ кажется близким к положительному рѣшенію. Замѣчательно, что сами былины неприсвояют русской землѣ этого богатыря:

Святогор был Богом данный, не русскій,
И жил Святогор во землѣ не русскія.
Не ѣздил он на святую Русь,
Не носила его да мать сыра земля.

Он пашел на всей землѣ только одну гору, могущую выдержать его, и лежит на ней. На ней лежит огромный богатырь, сам как гора. „Видишь, какой я урод: меня и земля педержит, нашел гору себѣ и лежу на ней“ (Кирѣевск. IV, 2-е изд. стр. 233). Описаніе Святогора напоминает сказаніе Александріи „о великом мужѣ, котораго видѣв Александр подивися“ (Христом. Буслаев. стр. 1341): „и оттуду (от брахманов) мало (Александр) пошедъ и мѣста пѣкоего дошедъ и ту обрѣте гору высоку сущу, за нюже человѣк привязан веригами желѣзными; высота же человѣка того 1000 сажен, а широта 200 сажен; царь же Александр и все воинство его видѣвъ великаго оного мужа вси убояшася и приступити къ нему не смѣяша и минувше того 4 дни гласъ его слышаша, человѣка того“ (ср. А. Н. Веселовскій, Ж. М. Н. Пр. 1884 г. Іюнь, 176).

Для сравненія с русскими сказаніями о Святогорѣ и „старших“ богатырях представляют интерес кавказскія сказанія о столкновеніях Нартов с Великанами. В послѣдних образ „старших“ богатырей очерчен весьма ясно. Вот

каждый украшен 700000 рогов из чистаго изумруда и каждый скакал и прыгал в эту ночь на огромной массѣ, носящей его и даже вовсе этого нечувствовавшей, — Тамоаза, царица рыб, до того разыгралась в минуту рожденія Магомета, что непремѣнно опрокинула бы вселенную, если бы Аллах не укротил ея восторгов“ (Черты из Жизни Магомета и арабск. легенды о нем. Москвитянин 1853 N 14).

напр. сказаніе о нартовском богатырѣ Сосрыко (Сборн. Свѣд. о Кавк. горцах VII Нар. сказ. 1—4). Сосрыко погнал однажды скотину пасти к берегу Чернаго моря. Вдали он замѣтил огромнаго роста человѣка, приближавшагося к нему. То был Тых-Фирт Мукара, т. е. сын силы, Силич, Мукара. Подъѣхав к Сосрыко, великан с ним поздоровался и спросил про Нартовских знаменитостей. Сосрыко назвал поименно главнѣйших нартовских героев. Великан попросил показать ему нартовскія игры. „А вот как у нас играют: я помѣчу себѣ на груди, стану поодаль, а ты должен попасть мнѣ в помѣченное мѣсто на груди стрѣлой; если я выдержу, это значит хорошо; или ты станешь, я буду стрѣлять“, сказал Сосрыко. „Хорошо, стрѣляй ты, а я стану“, сказал Мукара и стал поодаль, обнаживши грудь. Стал стрѣлять Сосрыко; но к его удивленію стрѣлы, ударясь о грудь великана, ломались и отскакивали назад. „Нѣтъ, пустая это игра!“ воскликнул Мукара: „покажи что либо другое“. Вторая игра состояла в том, что Сосрыко, поставив великана под горою, сам взобрался на гору и сбросил оттуда ему на лоб огромный камень. Ударившись о лоб, камень разсыпался по сторонам мелким песком. Сосрыко предложил третью игру: „вот стань в море; когда оно замерзнет от верху до низу, то повернись в нем, и разбей лед; это хорошая игра; если сможешь,—ты богатырь“. Мукара вошел в воду. Когда море замерзло от верху до низу, попытался Мукара поверпуться; но гдѣ же ему взломать сплошной морской лед. „Что же мнѣ дѣлать с тобой?“ спросил Сосрыко. „Надул ты меня нартовец! ты хочешь убить меня; но своим оружіем тебѣ неубить меня; поэтому ступай к моей женѣ и возьми в кухнѣ мой кинжал в шерстяном чехлѣ: этим только кинжалом ты убьешь меня“. Сосрыко отправился. Одна женщина посовѣтовала ему, войдя в хоромы Мукары, неговорить ни слова: в противном случаѣ, кинжал соскочит с гвоздя и вонзится в его грудь. Сосрыко так и сдѣлал. Кинжал взял, Мукару убил, а на его женѣ, красавицѣ, сам женился.

Мукара, по словам сказанія, был *князь скал* (стр. 3); это прозваніе напоминает нашего *Святогора*.

В вар. (Сборн. Св. о К. г. V 53—56), когда Сосрыко бросился с мечем на замороженнаго в морѣ великана, послѣдній, дунув, отбросил его на полдневный путь назад. Как на крыльях приспѣл вновь Сосрыко и когда, вынув мечь, он подъѣхал снимать голову великану, тот сказал: „если бы я небыл глупый великан, как было мнѣ недогадаться по двум твоим колѣням, что ты Сосрыко".

И Святогор хотѣл дохнуть мертвым духом на братца названнаго, Самсона. Послѣднему достался мечь—кладенец Святогора, как Сосрыко чудный кинжал Мукары (Кирѣевск. Пѣсни IV 2-е изд. 283).

В былинѣ о Святогорѣ разсказывается, что он носил свою жену в ларцѣ. Такая же черта встрѣчается и в нартовских сказаніях. Хамиц был женат на маленькой и безобразной дѣвушкѣ; он нежил с нею, а только носил ее в кармапѣ всюду, куда пойдет: очень ужь она полюбилась ему (Всевол. Миллер. Осетинскія этюды I 148).

Приведенных сближеній, разумѣется, недостаточно, чтобы, опираясь даже на аналогію бабы Горыняпки, говорить о возможности вліянія кавказских сказаній о горных великанах на русскія былины о Святогорѣ. Дальнѣйшія изслѣдованія в области нартовскаго эпоса быть может представят больше матеріалов для такого или иного рѣшенія этого вопроса. — Наше дѣло отмѣтить, что есть.

Глава XVII.

5. Дюк Степанович.

Различныя подробности былин о Дюкѣ Степановичѣ наши изслѣдователи старались объяснять большею частію путем заимствованій из разных книжных и устных народных источников. В. В. Стасов „диковинки“ житья-бытья Дюка объяснял из подробностей восточных поэм (Вѣстн. Евр. 1868 г. Іюнь, 644 и слѣд.); г. И. Ждапов из греческой поэмы о Дигенисѣ Акритѣ (К литературн. истор. русск. былев. поэзіи. Кіев 1881 г., стр. 232 и слѣд.); А. Н. Веселовскій из средневѣковых сказаній об Индѣйском царствѣ (Ж. М. Н. Пр. 1884. Февр. Ю.-рус. был. VI). В этих поисках за источниками чудес Дюковой Индѣи богатой оставлена без вниманія возможность отраженія в былинѣ черт быта и обстановки жизни русскаго общества. Между тѣм, безпристрастное сравненіе частностей былины с извѣстными фактами бытовой обстановки Московскаго боярства XVI и XVII вв. обнаруживает поразительное обиліе в ней чисто русских, туземных, Московских, бытовых черт.

Одна из былин о Дюкѣ начинается слѣдующим запѣвом, замѣчательным, как по широкому поэтическому размаху, так и по присутствію мифологическаго элемента. Во Индѣи во богатой, во Корелѣ упрямой, в гор. Волын-

цѣ жил был боярскій сын Дюк Степанович. Брал он свой тугой лук, брал 30 каленых стрѣл и три стрѣлы золоченых, ходил стрѣлять гусей лебедей.

Разстрѣлял он тридцать три стрѣлы,
Не попал он ни в единую.
„Мнѣ не жалко тридцати-то стрѣл,
„А только жалко мнѣ-ка трех-то стрѣл.
„Эти три стрѣлы да вѣдь каленыи,
„*Оны вси да золоченыи,*
„*И перьями сажоныи,*
„*Оны перьями орловыма;*
„*Не того орла, который летает во чистом поли,*
„*А того орла, который сидит на мори,*
„*На мори сидит, на камени;*
„*А ще той орел сворохнется,*
„*Сине морюшко сколыблется,*
„*А в деревнях пѣтухи споют.*
„Тут ѣздят гости корабельщики,
„Обирают перья-ты орловыи,
„Оны привозят к моей матушкѣ,
„Емельфѣ Тимофѣевной“ (Гильферд. 628).

Этот мифическій орел встрѣчается в Калевалѣ: он так громаден, по представленію Финнов, что зѣв его подобен шести водопадам; одним крылом разсѣкает он морскія волны, а другим — небесныя тучи; в другой п. говорится об орлѣ, перья котораго пышут пламенем (Афанасьев. Поэтич. Воззр. Сл. на прир. I 493). В Исландіи думают, что орел производит бурныя грозы взмахом и запусканіем своих когтей (ibid.).

Этот молодец собирается поѣхать в Кіев град, посмотрѣть, так ли он хорош на самом дѣлѣ, как о нем разсказывают. Получив от матери благословеніе, Дюк отправляется в Кіев. Выѣхав из Волынца послѣ утрени великодной, Дюк поспѣл в Кіев к обѣднѣ. Отстояв обѣдню, Дюк, по приглашенію Владиміра, идет в княжескій терем, садится за дубовый стол с прочими богатырями; — начина-

ется пир. На пиру Дюк похвастал своим богатством, но нашел себѣ соперника в лицѣ кіевскаго щеголя, щапа, Чурилы сына Пленковича:

Да тут-то Чурилу стало за́зорко,
Да и сам говорил таково слово:
Да свѣт, государь, ты, Владимір князь!
Да когда правдой дѣтина похваляется,
Дак пусть ударит со мной о велик заклад:
Щапить-басить по три года
По стольному городу по Кіеву,
Надѣвать платья на раз, на другой не перенашивать.
Порок поставили 500 рублей.
Который из них а не перещапит,
Взять с того 500 рублей.

Извѣстно, наши предки любили щеголять роскошью и разнообразіем одежд.

Премладый Чурило сын Пленкович,
Обул сапожки ты зелен сафьян,
Носы—шило, а пята—востра,
Под пяту хоть соловей лети,
А кругом пяты хоть яйцо кати.
(Гильферд. 1076).

„Всѣ русскіе, говорит Ад. Олеарій, носят короткіе сапоги, с длинными острыми носками, из юфти, или персидскаго сафьяну. Женщины, особенно дѣвицы, носят башмаки с весьма высокими, в четверть локтя, каблуками, подбитыми снизу кругом маленькими, красивыми гвоздиками; в таких башмаках онѣ немогут и ходить много, потому что должны ступать только на цыпочки, едва касаясь земли передком башмака“ (Описаніе путешеств. Голшт. посольства, сост. Олеаріем; пер. Барсова. М. 1870, 162). В XVII в. и мужчины носили сапоги с высочайшими каблуками — до 3-х вершков (Прохоров. Русск. Древности 1876 г. стр. 29).

Дюк обул

. . . лапотцы ты семи шелков,

И в этыя лапотцы были вплетаны
Каменья все яфонты.
Да который же камень самоцвѣтные
Стоит города всего Кіева,
Опришно Знаменья Богородицы (ibid.).

Чурило Пленкович

Да наложил ён шапку черну мурманку,
Да ушисту, пушисту и завѣсисту,
Спереди-то невидно ясных очей,
А сзади невидно шеи бѣлыя (ibid.).
У молодаго у Дюка у боярина,
На головушку надѣта есте шапочка,
Спереду введен да то свѣтел мѣсяц,
А й вокруг-то введены звѣзды частыи,
На верху шелом как быдто жар горит
Гильферд. 527.

В старину шапки шились из дорогих разноцвѣтных матерій, украшались золотым шитьем, драгоцѣнными камнями и жемчугом. Мѣховыя опушки, как у мужчин, так и у женщин, ниспадая, закрывали болѣе половины лба и шеи (Прохоров. Рус. Древности, 1876 г. 4, 16 и др.).

Молодой Чурилушка-то Пленкович,
Надѣвал одежицу снарядную,
Ен снарядную одежицу, хорошеньку:
У рубашечки манешечки шелковеньки,
Кунью шубу он надѣл на плечка па могучіи,
Еще строчка строчена-то чистым серебром,
Друга строчена так красным золотом,
Петельки-ты вшиваны шелковыя,
Пуговки положены да золоченыя.

Всѣ эти черты вполнѣ русскія; далѣе слѣдуют образы иного пошиба:

Ай во этыи во петелки шелковыи,
А то вплетано по красноей по дѣвушки,
Во эвты пуговки-ты в золоченыи,
Ай то вливано по доброму по молодцу

Как застегнутся, так и обоймутца,
Поростегнутся, так поцѣлуются.

Такая точно одежда и такія украшенія на ней были у Дюка Степановича (Гильферд. 527). Неизвѣстно, носили ли русскіе бояре XVI и XVII вв. такія украшенія в петлицах и пуговицах. Слѣдующія подробности, относящіяся к пуговицам Дюка и Чурилы, показывают, что здѣсь мы имѣем дѣло с аллегоріей, источник и значеніе которой невполнѣ ясны. Чурило Пленкович как поведет по петелкам, так красны дѣвушки наливают зелена вина

И подносят добрым молодцам;
А по пуговкам поведет,—
Добрые молодцы играют в гусли яровчаты,
Развеселяют красных дѣвушек.
(Рыбников II 179).

Как Дюк Степанович поведет плеточкой по бѣлой груди,
Еще петелки-ты свищут по соловьему,
Ай то пуговки крычат-то по звѣриному.

От того свисту и крику народ падал на кирпичен мост (Гильферд. 528). В вар. Гильферд. N 225 в пуговицах шубы Дюковой были литы люты звѣри, в петлях были вшиты люты змѣи.

Да подернул Дюк-то по пуговкам,
Да заревѣли во пуговках люты звѣри;
Да подернул он по петелкам,
Да засвистали во петелках люты змѣи.

От того свисту и реву в Кіевѣ „старой и малой на землѣ лежит“. Приз в 500 рублей остался за Дюком (Гильф. стр. 1076).

А. Н. Веселовскій весьма основательно сближает этот эпизод былин с средневѣковыми разсказами о чудесах во дворцѣ знаменитаго пресвитера Іоанна. Так, в одном сказаніи встрѣч. слѣдующія диковинки: дворец правителя стоит на 900 колоннах; у каждой „sunt... facte ymagines, ad unam ymago regis et ad aliam ymago reginae, habentes ludos et cyphos, deaturos in manibus suis. Tunc ymago reginae habet cyphum aureum in manibus suis

sibi propinando, et sic et contra". Едва ли может быть сомнѣніе, что здѣсь разумѣются механическія фигуры, игравшія на инструментах и наливавшія друг другу в кубки (cyphos = scyphos). Средневѣковые памятники полны описаній таких диковинок. Диковинки в пуговицах и петельках Чурилы „суть образы пресветерова дворца, спустившіеся лишь с пилястров к пуговкам и петелькам". (Журн. М. Н. Пр. 1884 Февр. 393—4).

Побѣжденному в умѣньѣ хорошо нарядиться Чурилѣ стало зазорко. Он научает Владиміра послать оцѣнщиков или переписчиков на Дюкову родину „в Волынь землю" провѣрить „правдой ли дѣтина похваляется". Послы отправляются.

Послѣ трехмѣсячнаго путешествія, они

Усмотрѣли Индѣю да богатую,
Усмотрѣли тут Корелу да проклятую,

подумали, что

Вся Индѣя что ли нас да перепаласи,
Вся Индѣя вдруг да загорѣласи.

Оказывается, что не испугалась их Индѣя, а

Вся Индѣя тут стоит да у них в золоти;
Ай палаты тут у них да бѣлокаменны,
Столбики у них были точеныи,
Крышки-ты у них да золоченыи
(Гильферд. 85).
А тут церквы были всѣ каменныя,
Стѣны известочкой избѣлены,
На церквах маковки самоцвѣтныя,
На домах крышечки да золоченыя,
Мостовыя рудожелтыми песочками пріусыпаны,
Сорочинскія суконца поразостланы.
(ib. 825).

Вопреки мнѣнію г. Жданова (К литературн. истор. был. поэз. 235) мы полагаем, что это описаніе взято прямо из русской дѣйствительности, а не откуда либо изчужа. Богатый древнерусскій город с золочеными маковками церквей, с золотоверхими теремами, с разными украше-

ніями па зданіях мог производить подобный же эффект. Вот как описывает внѣшній вид царскаго дворца конца XVII в. Забѣлин в сочиненіи „Быт русск. царей“ стр. 108: „внѣшній вид дворца в концѣ XVII в. представлял чрезвычайно пеструю массу зданій самой разнообразной величины, разбросанных без всякой симметріи, единственно по удобству, так что дворец в строгом смыслѣ неимѣл фасада. Зданія тѣснились друг против друга, возвышаясь одно над другим и еще болѣе увеличивая общую пестроту своими разнообразными крышами, двускатными, епанечными, в видѣ шатров, скирдов, бочек, с прорѣзными злачеными гребнями и золочеными маковицами на верху, с узорочными трубами, искусно сложенными из поливных изразцов. В иных мѣстах возвышались башни и башенки с орлами, единорогами и львами, вмѣсто флюгеров. По свидѣтельству итальянца Барберини, кровли и куполы на царском дворцѣ были покрыты золотом . . .“

Двор у Дюка на семи верстах,
Да кругом двора да все булатный тын,
Столбики были точеные,
Да точеные да золоченые,
Да на каждом столбичку по маковки,
Маковки то были мѣдные (Гильферд. 1143).

У людей зажиточных на Руси дворы огораживались тыном или столпьем. Дворы были иногда весьма обширны; мы имѣем примѣры, что они дѣлились, как удѣлы и что два князя владѣли одним двором (Костомаров, Очерк домашней ж. и нр. великор. нар. в XVI и XVII вв.). Вообще обширность двора соотвѣтствовала, повидимому, знатности и богатству хозяина (Древности Труды Моск. Общ. 2 сл. жилище).

В вар. Рыбникова III N 31 у Дюка тридцать три терема; верхи теремов свивают в одно мѣсто.

В трех теремах златоверхих Соловья Будиміровича тоже свиваются верхи с верхами. „Это напоминает, говорит Ор. Ф. Миллер, тѣ дубы, в которых свито гнѣздо Соловья Разбойника — дубы свивающіеся верхами“ (стр. 554

Ил. Мур.). Сравненіе это мало помогает уразумѣнію даннаго общаго мѣста былин о Дюкѣ и Соловьѣ Будимировичѣ. Свиваніе верхов теремов — архитектурная подробность древне-русскаго обычая строить зданія. Слово *верх* в этих мѣстах былин употреблено не в смыслѣ кровли зданія, а в значеніи верхняго этажа, верхняго жилья (Даль). „Верхом, говорит Забѣлин, назывался в XVI и XVII в. верхній этажъ; в царских хоромах—верхній этажъ дворца, который занимали князья и цари; выраженіе: „быть у государя в верху“ значило тоже, что во дворцѣ“ (23). Соединялись отдѣльныя постройки сѣнями. „Из всѣх мѣст лѣтописи, гдѣ упоминается о сѣнях, видно, что онѣ были в верхнем этажѣ“ (ibid. 22). Сообразно с этим, приказанію Соловья Будимировича построить

А три терема-то златоверхих,
Что верхи бы с верхами завивалиси
(Гильферд. 286)

соотвѣтств. в вар. (ibid. N 68) постройка трех теремов

Со троима со синями со парядными.

У Кирши:

Ко полуночи двор Соловья поспѣл:
Три терема златоверховаты,
Да три сѣни косящатыя,
Да трои сѣни рѣшетчатыя.
Да еще у Дюка у Степановича
Ворота были вольячные (рѣзные, точеные),
Подворотенки были хрустальные,
Надворотенки да дорог рыбій зуб.

Наши предки заботились о тщательной отдѣлкѣ ворот. „По уборкѣ и отдѣлкѣ ворот всегда можно было судить о достаточности хозяина, ибо двор красился воротами, изба—углами, т. е. внутренним нарядом, хоромы—теремом“ (Забѣлин, Быт рус. цар. 37). Рѣзныя костяныя украшенія и хрустальныя цѣнились (ibid. 212). Рыбій зуб, часто употребляемый нашими былинами, был дѣйствительно дорог—по рублю фунт (Прилож. к Быт. рус. цар. Забѣлина, стр. 66).

Да еще у Дюка у Степановича
Над воротами да над широкима,
Да стоя у Дюка чудны образы,
Да горя свѣчи неугасимые (Гильферд. 1143).

По исконному старо-русскому обычаю, на воротах дворов всегда становились иконы или кресты. „Русскій человѣк невходил и невыходил из дома без молитвы и без крестнаго знаменія“ (Забѣлин, Быт р. ц. 116).

Да еще у Дюка у Степановича,
Да стоят три церкви три соборныя,
Да на каждой церкви по три маковки,
Маковки ты были мѣдные,
Дорогою мѣди все казарскіе,
Да пекут лучи да солнопечные
По тому по городу по Галицѣ
Да по той Волынь-земли богатые.
Да во перву церкву соборную
Ходит Дюкова та матушка,
Да во другу церкву соборную
Туда ходит Дюк Степанович,
А во третью церковь соборную
Туда ходит дружина-та Дюкова.

По свидѣтельству Котошихина, „у больших бояр, не у многих, учинены на дворех своих церкви“ (О Россіи, изд. 3, стр. 166).

Да еще у Дюка у Степанова
Среди двора его широкаго
Да стоят три терема высокіе,
Да высокіе да златоверхіе.
Да во первом тереми высокоем
Да живет тут Дюкова-та матушка,
А во другом тереми высокіем
Да живет тут Дюк сын Степанович,
Да во третьем тереми высокіем
Да живет дружина тут вѣдь Дюкова
(Гильферд. 1144).

Три терема — для Дюка, его матери и дружины — не совсѣм эпическая черта, а в значительной степени бытовая. О великокняжеских хоромах нам извѣстно, что онѣ состояли из трех особых отдѣленій: во первых, хоромы *постельныя* или *покоевыя;* в них проводил обыкновенно время вел. князь; во вторых, *княгинина половина,* хоромы государевых дѣтей и родственников, стоявшія отдѣльно от хором государя; в третьих, прочія хозяйственныя постройки и службы. Несомнѣнно, что подобным образом распредѣлялись и усадьбы бояр. Отдѣльный разряд в великокняжеских хоромах представляли хоромы *непокоевые,* назначенные для разных торжественных собраній (Забѣлин. I 39).

Эпитет теремов *златоверхіе* восходит давностію к Сл. о П. Игорев. и несомнѣнно имѣет в основаніи бытовые факты (ibid. 23—24)

На пиру Владиміра Дюк похваляется своим теремом:

У вас в палатах-то бѣлокаменных
Против нашего—послѣдній дом.
У нас на небѣ солнце, и в теремѣ солнце,
На небѣ мисяц и в теремѣ мисяц,
На небѣ луна и в теремѣ луна.

И послы Владиміра находят, что то не пустое хвастовство:

И точно, правду хвастал Дюк Степанович
(Рыбник. II 154—5).

Тоже самое в теремѣ Соловья Будиміровича:

На небѣ солнце, в теремѣ солнце,
На небѣ мѣсяц, в теремѣ мѣсяц,
На небѣ звѣзды, в теремѣ звѣзды,
На небѣ заря, в теремѣ заря
И вся красота поднебесная.
(Кирша Данил. 3-е изд. стр. 6).

У Чурилы—

Пол-середа одного серебра,
Печки-ты были все муравленые,
Да потики-ты были все серебряные,

Да потолок у Чурила из черных соболей,
На стѣны сукна навиваны,
На сукна-ты стекла набиваны,
Да все в терему-де по небесному,
Да вся небесная луна де принаведена была,
Ино всякіс утѣхи несказанные.

(Гильферд. 1063).

Уже давно наши изслѣдователи обратили вниманіе на сходство нѣкоторых эпизодов былины о Дюкѣ с извѣстным, очень распространенным в средніе вѣка, сказаніем об Индіи. Древнѣйшая русская редакція „Сказанія об Индѣйском царствѣ“ принадлежит XV в.; по изслѣдованію Баталина, она имѣла своим источником, вѣроятно, греческій текст (Филолог. Зап. 1874 г. III и IV в., 1875 г. в. III и V). По формѣ оно представляет письмо попа-царя Ивана к царю греческому Мануилу. В нем встрѣчается, между прочим, слѣд.: „двор у мене, пишет царь-поп, таков: 5 ден ити около двора моего, в нем же суть полаты многи златыя и серебряныя и древяни, изнутри украшени, аки небо звѣздами, а покровени златом, и в той полатѣ огнь негорит: аще ли внесут, в той час огнь погасает“. В романтическом путешествіи Іоаппа de Hese, при описаніи замка пресвитера Іоанна, разсказываются об одной палатѣ такія подробности: „есть отдѣльная палата пресвитера Іоанна и ученых, гдѣ они держат совѣщанія: эта палата вращается на подобіе колеса и со сводом на подобіе неба; в ней много драгоцѣнных камней, претворяющих ночь в свѣтлый день“ (Баталин l. c. Веселовскій Ж. М. Нар. Пр. 1884. Февр. 392).

Можно бы признать, что из подобных книжных источников ведут свое начало солнце, мѣсяц и звѣзды в теремах Дюка, Чурилы и Соловья Будиміровича, если бы данныя московскаго быта XVII в. недавали основаній для другаго объясненія даннаго locus communis наших былин. Остановимся на внутреннем убранствѣ комнат московскаго боярства XVI и XVII в.

Стѣны жилых комнат драпировались сукнами и украшались рѣзьбою. „С особенною заботливостію украшались *подволоки* или потолки. Большею частію они украшались рѣзьбою из дерева и составлялись из отдѣльных штук, щитов или рам. Вмѣстѣ с деревянною рѣзьбою подволоки убирались чаще всего слюдою с рѣзными украшеніями—из жести. Иногда подволоки устраивались даже из серебра. Деревянныя рѣзныя подволоки золотились и расписывались красками“ (Забѣлин, Быт I 117). Подволочная живопись особенно интересна. „В царской столовой избѣ, построенной цар. Алексѣем в 1662 г. в подволокѣ написано было *звѣздотечное небесное движеніе, двѣнадцать мѣсяцев и бѣги небесные*“. „Звѣздотечное небесное движеніе царской столовой палаты пользовалось в то время особенным уваженіем и нѣсколько раз служило образцом при украшеніи других комнат, преимущественно столовых, в постельной половинѣ дворца“ (ibid. I 135). Из царских хором оно перешло в боярскія и княжескія. „В каменных хоромах кн. Голицына (1689) в большой столовой палатѣ в подволокѣ были также изображены небесные бѣги: в серединѣ подволоки солнце с лучами вызолочено сусальным золотом; круг солнца бѣги небесные с зодіями и с планеты писаны живописью... А по другую сторону солнца мѣсяц в лучах посеребрен... В крестовой палатѣ того же боярина в подволокѣ находился деревянный рѣзной репей с лучами по мѣстам вызолоченный и разцвѣченный красками, а около репья 12 мѣсяцев рѣзных же. В спальнѣ в подволокѣ были написаны по потолку 12 мѣсяцев с планеты (ibid. 137).

Мнѣ думается, что упоминаніе в былинах о красотѣ поднебесной в теремах богатырей возникло под вліяніем дѣйствительнаго обычая московских бояр XVII в. украшать потолки комнат изображеніем солнца, мѣсяца и звѣзд, „бѣгов небесных“. Несомнѣнно, под вліяніем этого обычая, в одной редакціи „Сказанія об Индѣйск. царствѣ“ XVII в. сказано: „да есть у меня палата зѣло прекрасна, и велика, вся серебром содѣяна, а покрыта златом, и внутри

украшена каменіем драгим и частым жемчугом и всякими мудростьми . . . *и планетами и звъздотечіем* (Баталин l. c. 86).

В слѣдующей похвальбѣ Дюка заключаются послѣднія бытовыя указанія относительно внутренняго убранства боярских комнат и неменѣе интересныя образно-поэтическія выраженія, характеризующія роскошь и довольство жизни московскаго знатнаго боярства:

Уж ты солнышко Владимір князь да столен Кіевской!
У вас все да не понашему:
Я пришол как к вам во гридни во столовыи,
У вас стоят столы дубовыи,
А на столах все скатерти сбраныи;
А у нас столы да все кленовыи,
А скатерти-ты все шелковыя,
А семи шелков да шемаханскіих.
У вас все да не по нашему:
У вас печки-ты кирпичныя,
А у нас печки изразцовыя,
Карнизы золоченыя.
У вас все да не по нашему:
У нас вина виноградныя,
А у вас вина-то простыя вѣдь;
У нас меды стоялыя,
А у вас-то меды кислыя;
У нас колачики крупивчаты,—
Колачик-от ѣшь, а по другом душа горит,
Потому душа горит: у нас помяльца-ты шелковыи,
А мочат их в меды да вѣдь стоялые;
У вас помяльца-то сосновыя,
Так колачики-то на хвойку пахнут.
У нас как матушка Емельфа Тимофеевна
Пойдет-то в церковь во соборную,
Впереди идут лопатчики,
А во слѣд идут метельщики,
Дорожку разгребают да песочком посыпают;
А под рукой идут вѣдь няньки,

А во слѣд идут служанки;
У нея лапотики на ножках шелковыя,
Семи шелков да шемаханскіих,
А одежа на себи да шуба соболиная, —
Придет-то в церковь во соборную,
Крест кладет по писаному,
Поклон ведет по ученому,
На вси стороны да поклапяется;
А идет как она из церкви из соборныя
На свой на широкій двор,
У пас-то на дворѣ да сукпа посланы да одинцовыя.
У вас все да не по нашему:
У вас дорожки не розглажены,
Песочком не засыпаны;
У вас па двори, хоть звѣрь ногу ломи;
Дворники да слуги в шашки да в бабки играют,
В красных рубахах гуляют (Гильферд. 632).

Выйдешь на наш широкій двор,
По нашему широку двору
Разостланы сукна одинцовыя;
Наши любимые конюхи
По этим по сукнам катаются,
В кости, в зернь, в шашечки поигрывают.
Зайдешь во гридню во столовую,
Вся окошечки скутаны,
Вкладены в стѣнѣ камни драгоцѣнные,
Видно молодца станом, лицом, возрастом.
(Рыбн. II 144).

Двери и окна в боярских и царских хоромах XVI и XVII в. почти всегда обивались сукном; завѣшивались тафтяными, камчатными или суконными и стамедными завѣсами, которыя задергивались на проволокѣ посредством колец (Забѣлин, Быт I 125). Полы жилых помѣщеній устилались сукнами; нѣт ничего невозможнаго или индѣйскаго (Веселовск. Ж. М. Н. Пр. 1884 г. Февр. 387) в словах былины, что у Дюка на дворѣ были разостланы сукна

одинцовыя. За чистотой и опрятностью в хоромах и дворѣ тщательно наблюдали. В царских хоромах наблюденіе за чистотой лежало на Истопничьей палатѣ. „Крыльца, лѣстницы, рундуки, площадки, переходы, дворики, открытые и находившіеся в сѣнях, каждый день начисто выметались и подсыпались просѣянным песком желтым или красным, который сыпали в подсѣв, через рѣшета для того, что б ложился ровно и чисто (ibid. 193).

Особенный интерес представляет обстановка, в которой представлена Дюкова матушка в былинах. Когда Добрыня прибыл в Галич свидѣтельствовать Дюково хозяйство,

И незнает как найти Дюковой матушки.
Погляди как народ идет от обѣдни воскресенскія.
Он спросил у нѣкоторых людей про Дюкову матушку;
Говорили ему таковы слова:
„А ненайти тебѣ палат Дюковых бѣлокаменных скоро,
„А дожидай,—идет Дюкова матушка от обѣдни воскресенскія,
То она сама покажет полаты бѣлокаменны.
Он и поглядит: ведут стару старуху, староматеру,
Под руку пять дѣвиц и под другую пять дѣвиц.
Он зашел спереду и поздрастовал:
„Здрастуйте, Дюкова матушка!“
Она говорит: „я не Дюкова матушка,
„А я Дюкова халуйница (прислужница).
„Дюкова матушка назади идет“.
Поглядит, а ижно ведут другую
Старую старуху, старо-матеру,
Под руку десять дѣвиц
И под другую десять дѣвиц.
Он зашел спереду и поздрастовал:
„Здрастуй, Дюкова матушка!“
Она говорит: „я не Дюкова матушка,
„Дюкова я рукомойница“.
Третью ведут старуху, старо-матеру
Под руку ведут 15 дѣвиц

И под другую ведут 15 дѣвиц;
Он зашел спереду и поздрастовал:
„Здрастуйте, Дюкова матушка!“
Она говорит: „я не Дюкова матушка,
„А Дюкова постельница;
„Дюкова матушка позади идет“.
Поглядит, а ижпо чствертую ведут
Старую старуху, старо-матеру,
Под руку 20 дѣвиц
И под другую 20 дѣвиц.
Он зашел спереду и поздрастовал:
„Здрастуйте, Дюкова матушка!“
—Я не Дюкова матушка,
—А я Дюкова калашница;
—Дюкова матушка позади идет.
Наконец-то идет сама Дюкова матушка:
Под руку ведут тридцать дѣвиц,
И под другую тридцать дѣвиц;
Над ней несут подсолнечник,
Что б от краснаго солнца незапеклось ея лицо бѣлое;
Спереди стелют сукна одинцовыя,
Сзади сукна убирают;
У ней надѣто платье цвѣтное,
На платьѣ подведена луна поднебесная,
Пекет красное солнышко,
И свѣтит свител мѣсяц,
Разсыпаются частыя, мелкія звѣздочки.

Ткани с изображеніем солнца, мѣсяца и звѣзд существовали в XVII в. (Забѣлин, Быт р. цариц 333 и примѣч.).

В вар. Гильферд. 1113:

Идут как тутова три женщины,
Несут подсолнечник-от подсолнечный.

У Рыбник. III N 29:

Подсолнечник — сорока сажен.

Стало быть, балдахин в послѣднем случаѣ и зонтик в первых.

Подобный же эпизод встрѣчается в нѣкоторых старофранцузских поэмах и разсказах о хожденіи Карла Великаго и его Палладинов в Константинополь и Іерусалим. Путники сначала встрѣчают свинопасов царя Гугона, потом пастухов коров, потом царских овчаров, наконец самаго царя Гугона: он пашет, у царскаго плуга сошник и омешики золотые, ярмо из драгоцѣннаго камня; за волами Гугон ѣдет на золотом стулѣ, везомом мулами; под ногами у него серебряная скамейка, на руках дорогія рукавицы, на головѣ золотой вѣнец, *над головой шелковый балдахин от солнца, прикрѣпленный к краям стула на рѣзных золотых жердях;* в руках он держит вмѣсто бича золотую трость, а борозды проводит прямыя и красивыя. То же описаніе, говорит А. Н. Веселовскій, повторяется с отмѣнами и в других варіантах: вездѣ характерный балдахин, оберегающій царя от солнечных лучей,— как подсолнечник Дюковой матушки, которую послы Владиміра, послѣ первых встрѣч с ея прислужницами также видят впервые в торжественном шествіи“ (Ж. М. Н. Пр. 1884. Ф. 391).

Это сравненіе, во всяком случаѣ интересное, невыясняет вполнѣ значенія данпаго эпизода наших былин. Тѣм менѣе можно говорить о заимствованіи подсолнечника Дюковой матушки из каких либо иноземных источников. Шествіе Дюковой матушки из церкви с толпой прислужниц и под зонтиком или балдахином—черта вполнѣ туземная, русская, бытовая-московская XVI—XVII в. В подобной обстановкѣ происходили праздничные выходы в церковь цариц и, вѣроятно, знатных московских боярынь. В описаніи путешествія в Московію Мейерберга помѣщены два рисунка, изображающіе такіе выходы. Оба они могут служить иллюстраціей к былинѣ о Дюкѣ Степановичѣ. „Первый рисунок изображает, как царица Марья Ильиничпа шествует в монастырь к панихидѣ. Головной ея убор, или убрус, простой, без царскаго вѣнца, спереди с вышитым начельником; ожерелье унизано сплошь жемчугом. Оплечье мѣховое. Верхняя одежда ея парчевая с откидными с прорѣ-

хами рукавами. *Впереди ея идут четыре дѣвицы с зажженными свѣчами и двѣ сзади царицы с солнечником.* Сзади их боярыня, с женским головным убором спереди вышитым пачельником. В таких же одеждах и головных уборах идут двѣ боярыни впереди, одна несет кутью, другая держит в правой рукѣ ширинку (Русск. Древности Прохор. 1876 г. стр. 21).

Солнечник, говорит Забѣлин, выносился в обыкновенные воскресные и праздничные дни; но употреблялся ли он собственно для защиты от солнца, или выносился для большаго парада, неизвѣстно" (Быт р. цариц 321). „Должно думать, что он служил и вообще для украшенія обстановки выхода" (ibid.).

„Другой рисунок Мейерберга изображает торжественное шествіе царицы в церковь в большіе праздники. На головѣ у нея сверх убруса царскій вѣнец; лѣтник или шубка парчевая, накладная, два ожерелья, одно жемчужное (ошейник), другое мѣховое (оплечье), в рукѣ у нея ширинка. Впереди царицы дѣвица несет на руках царевича, а впереди ея три царевны в золотых шубках, с корунами дѣвичьими на головах. *Четыре дѣвицы несут над ними большой солнечник.* Шествіе открывают дѣвицы, идущія попарно, младшія впереди. Царицу сопровождают крайчая и двѣ боярыни" (Прохоров ibid. 21).

„В повседневных выходах, говорит Забѣлин, царицу сопровождали только ея комнатные люди, ближайшія дворовыя боярыни, крайчая, казначея, двѣ-три верховыя боярыни и столько же постельниц, носивших подножіе (род ковра) и другія необходимыя при выходѣ вещи. Праздничные выходы совершались, разумѣется, торжественнѣе, с большим числом дворовых людей. Без сомнѣнія при этом соблюдался и какой либо церемоніальный порядок шествія, младшіе чины, дѣвицы боярышни, постельницы шли впереди по-парно, старшіе позади" (Быт р. цариц 331).

Угостив богатырей, послов кн. Володимриа, Дюкова мать повела их оцѣнивать Дюковы животы. Здѣсь былины говорят о таких чудесах во владѣніях Дюка, которыя мо-

гут быть объяснены только заимствованіем из каких либо книжных источников,— всего вѣроятнѣе, из сказаній о чудесах Индіи богатой.

На широком дворѣ у Дюка течет струйка золоченая (Гильферд. 784),

А по той было Индѣи по богатыя
Увидали (послы) тут рѣку да золоченую
(ibid. 87).

В погребах Дюка находятся, кромѣ золота и серебра, три камешка,

Да когда от тых вѣдь тут камешков
По всему по городу по Галичи
Всякіе огни горя, лучи пекут.

Ср. в редакціи XV в. сказанія об Индѣйском царствѣ: есть у мене иная палата злата велика, как очима видѣти, на столпѣх золотых: два велики камени кармакул в нощи свѣтят в той же палатѣ у меня (Баталин, Ф. Зап. 1875 г. 86). Латинская редакція того же сказанія говорит о чудесном источникѣ во дворцѣ пресвитера. „В устах того, кто его отвѣдает, он имѣет вкус желаемой пищи или напитка. Он наполняет палату таким благоуханіем, как еслибы по ней протекали всевозможные благовонные бальзамы и духи“ (ibid. 135).

В концѣ концов, послы сознаются, что описать животы Дюковы невозможно:

Негдѣ оцѣнить нам Дюковы животы,
Ай велики вѣрно что у Дюка животы.
Как нам спродать надо весь город Кіев-от,
А еще семь раз спродать его повыкупить,
Накупить бумаги да чернилов то,
То нехватит нам у Дюка животов уписать.
(Гильферд. 1010—11).

Подобным образом оканчиваются русскія редакціи сказаній об Индѣйском царствѣ XVII в.: и вы, послове, послушайте, да скажите своему царю Мануилу Греческому, да продайте свою землю Греческую да на то купите бумаги и чернил, на чем вам писать моя земля и чудеса

индѣйская, да сядьте себѣ писати со всѣми своими книжники и скорописцы, ино вам непаписать моей земли и чудес до исхода души своей, а се небудет вашея земли на бумагу и с чернила, да пришед послужите моему чашнику, и вы будете богати свыше царства своего (Ф. З. 1875. стр. 115).

Когда послы возвратились в Кіев град из города Галича, Волынь-земли и донесли Владиміру, что Дюкова правда сбывается „да будто вешняя вода разливается“, Чурилѣ еще больше стало зазорко. Он предлагает Дюку биться с ним в послѣдній раз о велик заклад, не о стѣ, не о тысячѣ, а о своих буйных головах: скакать на конях через матушку Пучай-рѣку и обратно перескакивать. И тут Дюк остался побѣдителем.

Тогда выдергивал Дюк-от саблю вострую,
Да хотѣл срубить ему (Чурилѣ) буйну голову.
Владимір с княгиней вступились за Чурилу;
Тогда Дюк пинал Чурила правой ногой,
Да улетѣл Чурило во чисто полё,
А сам говорил таково слово:
„Ай де ты, Чурило сухоногіе!
„Да поди щапи с дѣвками да бабами,
„А (не) с нами с добрыма молодцами
(Гильферд. 1079).

Дюк и Чурило прибѣгли к обычному у знатных русских XVII в. способу дуэли. „Извѣстно, что, вмѣсто того, чтобы вызвать друг друга биться на саблях, или огнестрѣльным оружіем, знатные русскіе господа, и даже князья, выѣзжая на лошадях, отстегивают друг друга нещадно плетьми“ говорит Олеарій (Описан. путешеств. пер. Барсова, стр. 175).

Посмѣявшись над Чурилой, Дюк прощался с кн. Владиміром и княг. Апраксіей, боярами кіевскими и всѣми мужиками огородниками, садился на добра коня и уѣзжал в свой родной Галич (Гильферд. N 225).

Несмотря на обиліе туземных русских черт, в общем, однако, мы находим невозможным признать былину о Дю-

кѣ Степановичѣ произведеніем самостоятельным русским. Самое имя—Дюк—нерусское; мы выше отмѣтили нѣсколько частностей в содержаніи былины, несомнѣнно заимствованных; наконец, самая основная мысль былины — представить богача в идеальной обстановкѣ посредством осмотра богатства его нарочито для этого отправленными послами — необычна, как в русском эпосѣ, так и в эпосѣ других славянских народов. Мнѣніе А. Н. Веселовскаго, что за хожденіем Карла в Іерусалим и Константинополь и пѣснями о Дюкѣ стоит какая-то древняя пѣсня или повѣсть о хожденіи послов, богатырей в Индѣйское царство" (Ж. М. Н. Пр. 1884 г. Ф. 387) остается в силѣ. Привитіе странствующей повѣсти об Индѣйском царствѣ тѣм легче могло состояться, что восточно-азіатская обстановка жизни московскаго боярства XVI и XVII вв. своими аксессуарами напоминала нѣкоторыя чудеса сказаній об Индіи Ср. напр. московскій обычай украшать потолки изображеніем „бѣгов небесных" и чудеса пресвитеровой Индіи: палаты, вращающіяся на оси, с движущимися луной, солнцем и другими свѣтилами (Веселовскій ibid. 392) и пр. Дальнѣйшая судьба сказанія на Руси очевидна: перейдя в устно-народную литературу, оно явилось в передѣланном на русскій лад, на русскіе нравы видѣ, со многими чисторусскими бытовыми подробностями,—в формѣ былины о боярском сынѣ Дюкѣ Степановичѣ.

По обилію бытовых подробностей былина о Дюкѣ стоит выше всѣх прочих наших былин, вообще бѣдных в этом отношеніи. Сам Дюк,— не смотря на иностранное имя и полу-русское происхожденіе — московскій боярин XVI—XVII вв.; мать его — московская боярыня; обстановка его жизни — обстановка жизни московскаго боярства XVI—XVII в.

Поэтическіе былевые образы Московской эпохи носят особую физіономію, отличную от богатырских образов болѣе ранняго времени. Храбры Татарской и до-Татарской

эпох стоят за князя, вѣру и отечество, защищают святорусскую землю от врагов. В мирное время, каким преимущественно представляется эпоха князей — собирателей Руси, естественно, идеальными образами являются другія лица,—с совершенно мирными свойствами: крестьянин Микула Селянинович (см. Замѣтки по Слав. пар. поэз. I), жених, добрый молодец, Соловей Будимірович, богач Дюк Степанович, наконец щеголь Чурило Пленкович и пр. Высокіе мотивы дѣятельности героев предыдущаго періода смѣняются в былинах Московской эпохи мелкими житейскими отношеніями, интригами, а под час и дрязгами; облекаются в поэтическую форму такіе прозаическіе случаи, как ссора на пиру жен Чесовой и Блудовой. В богатырских образах ранняго времени иногда удавалось отыскать дѣйствительных исторических лиц, геройскими подвигами стяжавших себѣ славную память: героями былин Московскаго періода являются идеальные образы, чистыя созданія народной фантазіи. Идеальный характер героев Московскаго времени обнаруживается уже в их именах и прозвищах: *Дюк—богач* (ср. мрус. дука), Соловей *Будимірович* т. е. *Соловьевич*, Микула *Селянинович*. Прозваніе щеголя *Чурилы* также стоит, вѣроятно, в связи с былевым характером этого богатыря. Обыкновенно он прозывается *Пленкович;* но в нѣкоторых вар. его отчество — *Щап-Пленкович* или *Щапленкович* (Гильф. N 127). Послѣдняя форма, вѣроятно, наиболѣе древняя; она стоит, несомнѣнно, в связи с глаґолом *щапить* т. е. щеголять, и таким образом прозваніе Чурилы *Щапленкович* может значить тоже что *Щеголенкович* или *Щеголевич*. Отсюда, с одной стороны, как искаженіе, явились формы *Щапленкович, Цыпленкович* и *сын Пленкович,* с другой, как забвеніе первоначальнаго значенія прозвища Чурилы, сложился образ *Пленка*, гостя Сароженина, отца Чурилы.

Заговорив о значеніи прозвища Чурилы, неможем некоснуться и вопроса о происхожденіи былин об этом богатырѣ, несчастном сопернике Дюка Степановича.

Распространенность имен Чурило, Журило, Цюрило в юго-западной Руси в пѣснях и мѣстных названіях дает большую вѣроятность мнѣнію о южно-русском происхожденіи сказаній об этом богатырѣ. Впрочем, малорусскія пѣсни дают мало для характеристики личности Чурилы: в них он представляется любимцем дѣвиц и гулякой:

Ішов Журило з міста — За ним *дівочок триста*
(Мрус. п., Ант. и Дагом. I 54).

Гой ты Джурыло, гой ты! — Гой ты, Джурыло, пане!
Куда ж до тебе зайти? — *Де твое войско стане?*
Ледом *дівчата,* ледом, — Й а у місті при долини,
В мене горівка з медом. — Пры червоні калыні.
Kolber Pokucie II 155.

Быть может, о первой чертѣ Чурилы напоминает галицкая пѣсня, говоря о раскосой дѣвушкѣ, что у нея одно око до Чурила, другое до Потока:

Казала с ми тоту брати, — Одно око до Чурила [1]),
Ту, шо скуловока: — Друге до Потока.
(Ibid. II 101).

---

[1]) Къ сожалѣнію, я немогу рѣшить, дѣйствительно ли здѣсь заключается упоминаніе о богатырях-красавцах Потокѣ и Чурилѣ, или эта пословица возникла на основаніи мѣстных названій, в родѣ того, как в г. Бѣлгородѣ Курск. губ. говорят о раскосых, что у них один глаз смотрит на Болховец, а другой на Донец.

Глава XVIII.

В заключеніе своего обзора былин Кіевскаго цикла считаем нелишним высказать нѣсколько общих замѣчаній относительно состава великорусскаго эпоса, времени, мѣста его происхожденія и объединенія во Владимиров или Кіевскій цикл. Полагаем, что оставшіеся неразобранными, за недостатком новых матеріалов, нѣкоторые богатырскіе образы непомѣшают этому, равно как непоколеблют и установленной системы дѣленія былеваго великорусскаго матеріала.

Мы неможем вмѣстѣ с А. Н. Веселовским и другими назвать всѣ вообще былины Кіевскаго цикла „южно-русскими". В кругу их есть, дѣйствительно, нѣсколько богатырей и былевых сюжетов кіевскаго происхожденія и южно-русскаго. Так, к южно-русским богатырям мы должны отнести Владиміра, Добрыню, быть может Вольгу, Ставра, Ивана Даниловича, Чурилу Пленковича и отчасти Ивана Годиновича.

Труднѣе опредѣлить, какіе былевые сюжеты зашли на сѣвер и сѣверо-восток из Южной Руси. Несомнѣнно, имена богатырей усвоивались вмѣстѣ со сказаніями о них. Но, с одной стороны, древнее содержаніе с теченіем времени было заслонено подробностями поздних эпох; с другой, многіе южно-русскіе, кіевскіе богатырскіе образы, вѣроятно, забылись на сѣверѣ. Дѣйствительная сумма древних южно-русских или кіевских сказаній была, вѣроятно, больше той, какая в настоящее время нам открывается за татарским и московским слоями. Точно же опредѣлить ее нѣт данных, по крайней мѣрѣ, для безпристрастнаго наблюдателя. С большим или меньшим вѣроятіем можно говорить о кіевском или южно-русском происхожденіи и тѣх

„былин“, которыя в настоящее время связываются с южно-русскими богатырями. Большинство же былин и богатырских образов кіевскаго круга возникли на сѣверо-востокѣ Руси, в Великороссіи, в старой Суздальщинѣ и Московщинѣ. Даже передѣлки книжных сказаній в былины и былевые образы нужно относить на долю Великороссов Московскаго періода: сомнительно, чтобы в Кіевскій період нашей исторіи повѣствовательный книжный матеріал на столько глубоко проник в массу, что был усвоен хорошо, передѣлан в пѣсню, а затѣм перекочевал на сѣвер и там сохранился до наших дней.

Равным образом, не можем вполнѣ согласиться со вскользь высказанным мнѣніем Н. И. Костомарова. „В наших былинах, говорит он, которыя несомнѣнно образовались в их настоящем видѣ только на сѣверѣ, исключительно в великорусском племени, и притом под вліяніем иноплеменных населеній, воздѣйствовавших на великорусское племя, одно только относится к кіевской древности — это собственныя имена Кіева и кн. Владиміра и нѣкоторых его богатырей, но затѣм в былинах собственно-кіевскаго чрезвычайно мало“. „Былины есть произведеніе чисто русскаго сѣвера, исключительно великорусской вѣтви; всему малорусскому племени онѣ совершенно чужды и незнакомы“ (Русск. Старина 1877 г. Январь, стр. 174—175).

Крайности — в сторону. Выше были указаны факты сходства в самых сюжетах великорусских былин и малорусских сказаній. Но сходство между малорусским и великорусским эпосом неограничивается одним содержаніем; оно касается и самых пріемов творчества.

Исходной точкой для сужденія о древне-русском эпосѣ должна служить мысль о своеобычіи племен, составлявших Русь: имѣяхуть бо обычая своя и законы отець своихъ и *преданія,* кождо своя норовъ. В дальнѣйшем ходѣ русской исторіи племенныя разницы должны были усилиться вслѣдствіе раздѣленія русской земли на удѣлы, обширности русской территоріи и разнообразія интересов на западѣ, сѣверо-востокѣ, юго-востокѣ и юго-западѣ Руси. Су-

ществованіе в древне-русском эпосѣ нѣскольких мѣстных, областных, эпосов нужно считать несомнѣнным фактом. Содержаніе областных эпосов состояло, главным образом, из сказаній о подвигах мѣстных хоробров. Каждый удѣльный князь имѣл дружину. В челѣ этой дружины стояли хоробры. Их подвиги в борьбѣ с врагами области, удѣльнаго княжества, даже быть может города, воспѣвались мѣстными дружинными пѣвцами. Областные эпосы находились между собой во взаимодѣйствіи. Хоробры, как вольные дружинники, переходили от одного князя к другому; вмѣстѣ с ними могли переходить и сказанія об их подвигах на службѣ разных князей. Дружинные пѣвцы были естественными разнощиками помѣстных сказаній. Весьма естественно, что Кіевом, как древнѣйшим центром великокняжеской власти болѣе интересовались, и пѣсни о подвигах кіевских храбров находили большее распространеніе по удѣльным княжествам, чѣм сказанія об областных героях. В содержаніи областных эпосов было значительное разнообразіе; сходство касалось главным образом формальных пріемов творчества. Наблюденія над составом великорусскаго эпоса приводят к мнѣнію, что т. н. Владиміров или Кіевскій круг былин неоднороден ни по мѣсту ни по времени происхожденія составляющих его сказаній; он — не развившійся один мѣстный эпос, а соединеніе трех, а может быть и четырех областных эпосов, именно: Суздальскаго, Старо-Кіевскаго, Черниго-сѣверскаго и Московскаго. Присутствіе элемента Черниго-сѣверскаго болѣе-менѣе гадательно. Московскій и Старо-Суздальскій эпосы занимают выдающееся мѣсто по количеству составляющих их сказаній. Такой смѣшанный характер великорусскаго эпоса объясняется условіями образованія великорусской народности и Московскаго царства, ея политическаго фокуса. Ядром великорусской народности послужило населеніе Залѣсской земли, Суздаль-Ростов-Володимірскаго княжества. В основаніе великорусскаго эпоса легли мѣстныя преданія этой области. В XIII в. славными хоробрами этой мѣстности являются Олеша Попович, Тимоня или Добрыня и др. Та-

тарское иго выдвинуло третьяго великаго представителя сѣверно-русскаго богатырства, братца названнаго первых двух и земляка, Илью Муромца. В ту же эпоху были созданы и другіе образы, олицетворявшіе как силу вражескую (Идолище), так и туземную в борьбѣ с врагом.

Татарская сабля разрубила русскую землю на двѣ, или даже на три части: юго-запад, сѣверо-восток и сѣверо-запад. Центром сѣверо-востока стала Москва. И из Кіева и из Чернигова потянулись на службу к московскому князю служилые люди. В это время, вмѣстѣ с переходом дружины, зашел в Москву дружинный областный эпос Кіевскій и Черниговскій и вступил в тѣснѣйшія комбинаціи с эпосом Старо-Суздальским, тоже передвинувшимся к центру, в Московскую область, и вновь возникшим Московским. Несомнѣнно, и раньше этого кіевскія и черниговскія сказанія заходили на сѣверо-восток, вмѣстѣ с дружинами кіевских князей, управлявших Залѣсской землей; но найболѣе интензивным переход этот мог стать именно в это время — в період наибольшаго тяготѣнія Руси к Москвѣ (XIV—XV в.). Таким образом, Москва—собирательница русской земли, явилась и собирательницей русскаго эпоса. Московским пѣтарям принадлежит уже как дальнѣйшее развитіе русскаго эпоса, так и централизація его в Кіевскій круг.

Вопреки установившемуся мнѣнію, мы полагаем, что в Кіевской Руси немогла установиться централизація былеваго матеріала в один эпическій круг, что в до-татарскую эпоху один Владимір не мог быть собирательным центром русскаго эпоса (Веселовскій, Южно-русск. былины X стр. 374) и что объединеніе былин в Кіевскій круг, отнесеніе времени дѣятельности богатырей ко временам Владиміра и мѣста — к стольному граду Кіеву, совершились *в Московской Руси*, а не в старой Кіевщинѣ.

Вся удѣльно-вѣчевая пора была эпохой героической в жизни русскаго народа.—То было время храборства: сначала шла борьба с Печенѣгами, Половцами и др.; затѣм грянул гром татарщины. Народная поэзія успѣвала только

идти в параллель с ходом событій; дѣло было не до централизаціи сказаній, требующей, по необходимости, затишья в народной жизни. Только при отсутствіи постоянных волненій в народной жизни является возможность пѣвцам установить сказанія в извѣстную систему и порядок. Заключеніе эпических пѣсен в цикл происходит всегда послѣ событій, послуживших основаніем для них. Если пѣсня слагается по горячим слѣдам событія, то эпическій цикл установляется исключительно по пѣсням и в области пѣсенной. В дѣлѣ централизаціи эпических сказаній пѣвцам нѣт дѣла до исторіи, до фактических основаній былевых сюжетов.

Письменные памятники недают никаких основаній утверждать, что Владимір был в до-татарскую эпоху центральным лицом русскаго эпоса. Лѣтопись сохраняет отчетливыя воспоминанія о предшественниках этого князя. По Слову о п. Игор. Боян пѣл старому Ярославу, храброму Мстиславу, красному Роману; сам автор Слова вспоминает многих удѣльных князей, а не одного Владиміра.

Современная малорусская поэзія содержит в себѣ нѣкоторыя указанія на характер древнѣйшей. Народ в своем творчествѣ консервативен. Нетолько извѣстные мотивы, формулы живут сотни лѣт, но и самый характер народной поэзіи измѣняется лишь в связи с какими либо важными перемѣнами в политической и этнографической жизни народа. Поэтому в области народной поэзіи всегда возможно заключеніе от настоящаго к прошедшему, особенно в вопросах, касающихся формальных сторон творчества. Руководясь этим, мы вполнѣ согласны с акад. Ягичем, что старо-кіевскій эпос в формальном отношеніи походил на теперешнія малорусскія думы. „По поззрѣніям, которыя я составил себѣ лично, говорит почтенный ученый, изучая славянскую народную поэзію, возможно из существованія дум о козацкой эпохѣ малорусскаго народа заключать о существованіи в прежнее время *таких же народных пѣсен* о княжеской порѣ“ (Слав. Ежегод. 1878 г., стр. 224). Извѣстно, что в думах необнаруживается стремленія к ци-

клизаціи. Имя Хмѣльницкаго выступает перед именами других героев козацкой поры, но незаслоняет собой этих послѣдних. Исходя из этого наблюденія, мы можем с достовѣрностью предполагать, что и древне-кіевскій эпос не обнаруживал наклонности сложиться в строгій эпическій цикл, с одним центральным князем — Владиміром, заслонявшим собой воспоминанія о других исторических дѣятелях Ю. Руси. Может быть, малорусскій народ, болѣе великорусскаго склонный в поэзіи к реальной правдѣ, вовсе не в состояніи образовать строгаго эпическаго цикла, требующаго, по необходимости, в интересах централизаціи, отрѣшенія пѣвцов от болѣе исторической группировки былеваго матеріала, введенія в круг пѣсен о былом сказочных сюжетов в видах пополненія недостающих звеньев в народных историко-эпических воспоминаніях. Раздробленность в южно-русских сказаніях была одною из причин, почему они необнаружили такой устойчивости, как великорусскія былины и разсыпались с одной стороны по думам, с другой—по лирическим пѣсням.

Трудно понять, наконец, чѣм объяснить чисто механическую роль Кіева и Владиміра, если дѣйствительно Кіевскій цикл установился в Кіевской Руси. Непремѣнно было бы болѣе жизни в лицѣ Владиміра и болѣе географической опредѣленности в изображеніи Кіева...

Отрѣшимся от произвольной гипотезы о возникновеніи на югѣ Россіи Кіевскаго цикла сказаній. Существовали в Московском царствѣ благопріятныя обстоятельства, способствовавшія систематизаціи былеваго эпоса в Кіевскій круг. Это: во 1-х присутствіе в собравшемся в Московскую область эпосѣ исторических пѣсен, связанных с Кіевом, с кіевскими в. князями и особенно Владиміром; во 2-х популярность имени Владиміра Свят. во всей Руси; в 3-х память о первенствующем значеніи Кіева—матери городов русских.

Стольный город Кіев всегда привлекал к себѣ служилых людей: у великаго князя было служить и выгоднѣе и почетнѣе. Поѣхать на службу к Кіевскому князю было

мечтой военнаго человѣка древней Руси. Естественно поэтому, Кіев являлся в народной поэзіи идеальным городом, Кіевскій в. кн. идеальным князем: о службѣ у него пѣлись пѣсни не только у нас, но и у Скандинавов. Мотив о поѣздкѣ в Кіев на службу к велик. кн. был несомнѣнно самым распространенным в древне-русском эпосѣ, коренным, исторически возникшим из отношенія удѣльных княжеств к Кіеву. Он до сих пор живет в запѣвѣ наших былин; для образованія его нѣт нужды прибѣгать к произвольному предположенію о переходѣ всего старо-кіевскаго эпоса на сѣверо-восток.

Вмѣстѣ с Кіевом в эпических сказаніях Старой Руси, конечно, упоминались и Кіевскіе великіе князья; между ними особенно выдвигалась вперед колоссальная личность Владиміра Святаго. На югѣ Руси в XI и XII в. Владимір был несомнѣнно эпическим лицом народной поэзіи (Костомаров, Вѣстн. Евр. 1873, N 3, 26 стр.). Как далеко на сѣвер простиралась слава его, свидѣтельствуют норвежскія саги, напр. сага об Олафѣ. „Главнѣйшей причиной популярности этого князя, говорит Костомаров, служило, конечно, то, что он был великим преобразователем русской земли и народа, просвѣтителем свѣтом христіанства“ (Первоначальн. пред. русск. лѣт. В. Е. 1873, N 3, стр. 32). „Как ни скудны данныя, которыя бы могли дать нам болѣе ясный образ Владиміра и его эпохи, самых тусклых представленій достаточно, чтобы признать, что эпоха его была эпохою великаго внутренняго преобразованія, и личность Владиміра хотя видимая нами сквозь призму народных преданій все таки настолько кажется громадною, что в нашей исторіи одна только личность может стать с ним в уровень — личность Петра Великаго. Послѣдствія говорят за него. Он был также истинным основателем гражданственности и политическаго бытія Руси, как и ея просвѣтителем“ (ibid. стр. 36). Несомнѣнно, Владимір был эпическим лицом и на сѣверѣ Руси. К областным воспоминаніям о Владимірѣ присоединялись заходившія из Кіева сказанія о дѣятельности этого князя — устныя и пись-

менныя. Заходившія кіевскія сказанія должны были еще болѣе укрѣпить в народѣ память об этой личности, упрочить эпическое значеніе этого князя в народной поэзіи. Одних мѣстных сказаній для этого было бы недостаточно, и в этом нужно видѣть главное значеніе, какое только имѣли старо-кіевскія сказанія в строѣ великорусскаго эпоса. Благодаря им, имя Владиміра выдвинулось настолько, что заняло в эпосѣ первенствующее положеніе и стало служить эпическим обозначеніем русской старины стародавней. Нѣкоторые факты сѣверно-русской письменности очень любопытны, именно с той стороны, что дают намек на общее отношеніе на сѣверѣ Руси к Владиміру, как представителю славной старины. Родословія сѣверно-русских князей начинаются не с Рюрика, а с Владиміра Святаго. Сѣверно-русскіе князья называют себя гнѣздом Владиміра стольно-кіевскаго. Так, в Задонщинѣ, в сказаніи о Мамаевом побоищѣ (Временник И. О. И. и др. XIV; Сахар. I). В слѣдующем мѣстѣ Задонщины Владимір прозывается так, как в былевом эпосѣ: тот *боярин* (*боян*) воскладоша грозная своя персты на живыя струны, поюша русским князем славу, первому кн. Кіевскому Игорю Бяриковичу и в. кн. *Владимеру Всеславьевичу Кіевскому* и кн. Ярославу Володиміровичу (Временник XV).

Вслѣд за бурным періодом Татарщины в Московской Руси наступает період затишья и относительнаго спокойствія, період дѣятельности князей-собирателей. Для народных пѣвцов настало удобное время разобраться в разнообразном былевом матеріалѣ, оставшемся памятником минувшаго, привести его в систему и порядок.

В числѣ былин доставшихся в наслѣдство Москвѣ от Суздаля, Рязани, Мурома, Чернигова, Кіева и других областей, было значительное количество таких, в которых дѣйствіе происходило в Кіевѣ и при кн. Владимірѣ. Повторяем, вполнѣ опредѣлить тот первоначальный круг сказаній, мѣстных и зашедших с юга, в которых дѣйствіе пріурочивалось к Кіеву, невозможно; во всяком случаѣ их было больше, чѣм указано нами. Вслѣдствіе популярности

имен Кіева и Владиміра, этот кружок кіевских сказаній в тѣсном смыслѣ оказал ассимилирующее вліяніе на всѣ прочія помѣстныя былины, первоначально относившіяся к другим историческим событіям и лицам, другому мѣсту и времени. Процесс ассимиляціи первоначально состоял в распространеніи *запѣва* собственно кіевских сказаній, т. е. как самостоятельно возникших в разных мѣстах сѣв.-вост. Руси на почвѣ дѣйствительных отношеній к Кіеву, так и зашедших из Кіевской Руси на всякія другія, несвязанныя ни с Кіевом ни с Владиміром, мѣстныя суздальскія, рязанскія, муромскія, московскія и друг.: к извѣстному областному сказанію чисто механически приставлялся *запѣв* с Кіева и Владиміра. В большинствѣ случаев затѣм эти имена вводились в самое содержаніе разсказа, занимая в нем не существенную, а чисто внѣшнюю роль; иногда же они только примыкали к началу и концу былины, являясь таким образом лишь впѣшними объединяющими принципами разных сказаній; самое же содержаніе былин развивалось независимо от них и без всякой связи с ними. Чѣм ранѣе вводилось в Кіевскій круг сказаніе, тѣм тѣснѣе оно связывалось с Кіевом и Владиміром. Былины, созданныя в болѣе позднее время, связь с Кіевом ослабляют до антагонизма, допускают враждебныя отношенія пріѣзжих богатырей к Владиміру. Так напр. в былинѣ о Дюкѣ Степановичѣ послѣдній осмѣивает кіевских богатырей, Владиміра и стольный Кіев град. „Пѣсня ничего не сдѣлала, говорит А. Н. Веселовскій, чтобы спасти как нибудь народную гордость, словно она недавно занесена и неуспѣла пріурочиться к мѣстным отношеніям и интересам“ (Ж. М. Н. Пр. 1884 г., стр. 386). Дѣло в том, что в народном сознаніи в то сравнительно позднее время, когда составлялась эта былина, кіевская старина уже неказалась настолько своей родной, как в болѣе древнее время. Становилось возможным ироническое отношеніе как к отдѣльным богатырям, так и к Владиміру стольно-кіевскому.

К концу XVI в., ко времени завершенія объедини-

тельнаго движенія начавшагося в Москвѣ в XIV в., закончено было и объединеніе былин в Кіевскій круг. Времена Грознаго стоят на распутіи. Ермак еще введен в Кіевскій богатырскій круг; но сам Грозный царь уже сформировался в особую эпическую личность. Впрочем, и введеніе Ермака в Кіевскій круг не было явленіем обще-великорусским. Первоначально оно, вѣроятно, совершилось в кругу приволжской вольницы; в тѣ же былины, которыя раньше успѣли перейти на сѣвер, этот богатырь невошел.

Указанное объединительное движеніе в великорусском былевом эпосѣ стояло в существенной связи с широким и глубоким процессом *собиранія,* происходившим в Московском государствѣ с XIV по XVI вв. В политической жизни он выражался в дѣятельности князей-собирателей; в письменной литературѣ — в стремленіи московских грамотѣев собрать и привести в порядок разбросанныя по городам и областям древнія лѣтописи, сказанія, житія и т. п. Результатом этого стремленія, извѣстно, явились такіе компилятивные сборники, как Четьи-Минеи Макарія, Никоновская лѣтопись и Степенная книга.

Из Московскаго царства, как центра, былины распространялись во всѣ стороны. Главная масса их вмѣстѣ с населеніем перешла на сѣвер, гдѣ онѣ живут и до настоящаго времени. Молодежь, уходившая в казаки, на Дон, Волгу и др., туда же разносила с собой и былины, причем могла передавать их ближайшим сосѣдям, Запорожцам; откуда сказанія могли заходить и в Малороссію. Помимо этого, великорусскія сказанія могли переходить в Малороссію путем устной передачи. В період этого, отчасти обратнаго, движенія былеваго матеріала с сѣвера на юг зашли сюда и прикрѣпились к Кіеву многія сѣверно-русскія сказанія, напр. об Ильѣ Муромцѣ, о Михайликѣ и др.

В 1594 году посѣтил Кіев Эрих Ляссота. В описаніи своего путешествія он сообщает нѣсколько свѣдѣній о своем пребываніи в этом городѣ, о том, что он видѣл и слышал. Судя по его словам, прибой великорусских эпических сказаній был еще в полном разгарѣ. Великорусскіе бого-

мольцы искали здѣсь фактических основаній для своих эпических сказаній о Владиміровой порѣ. Как всегда в таких случаях, на вопрос являлся отвѣт, большею частію столь же мало соотвѣтствующій дѣйствительности, как и самыя эпическія сказанія. Вот что говорит Ляссота о Кіевѣ: Кіев был нѣкогда главный город особеннаго княжества, коего владѣтели, имѣвшіе титул царей или князей, были из роду нынѣшних русских или московских... Главным украшеніем Кіева была великолѣпная церковь Св. Софіи, неимѣвшая, как говорят, равной себѣ по громадности: она построена царем Владиміром.... В одной из плит, как раз над олтарем, продѣлано круглое отверстіе, вышиною в половину локтя, но теперь замазано известью. Говорят, что тут встарину находилось зеркало, в котором, посредством магическаго искусства, можно было видѣть все, о чем думали, хотя бы даже это происходило ни разстояніи нѣсколькихсот миль. Когда раз Кіевскій князь выступил в поход против язычников и долго невозвращался, то супруга его каждый день смотрѣла в зеркало, чтобы узнать, что с ним случилось и чѣм он был занят. Но увидѣвши однажды его любовную связь с плѣнницею из язычников, она в гнѣвѣ разбила самое зеркало, sit fides penes Authorem. Затѣм еще в верхней части церкви находится темная комната, в которой Владимір будто бы велѣл замуровать одну из своих жен; далѣе от хоров ведет витая лѣстница к небольшой башнѣ, гдѣ, как говорят, происходили засѣданія совѣта Владиміра. Эта т. н. Stolicza Владиміра есть небольшая свѣтлая комната..... В другом придѣлѣ церкви (in einer anderen Capellen an der Kirchen aruserhalb) была гробница И. Муромца, знаменитаго героя или богатыря, о котором разсказывают много басен. Гробница его нынѣ разрушена, но в том же придѣлѣ сохранилась гробница его товарища (Путев. зап. Эр. Ляссоты, пер. Бруна. Одесса. 1873 г., стр. 17—19).

Что касается сказаній о Владимірѣ, то они могли быть и мѣстнаго, кіевскаго, происхожденія; сообщенія же Ляссоты об Ильѣ Муромцѣ указывают лишь на совершившее-

ся пріуроченіе этого богатыря ко Владиміру и Кіеву, но не к пещерам кіевским. Позже совершилось и послѣднее, как мы выше говорили (гл. IX).

Параллельно с развитіем и процвѣтаніем в Московской Руси эпоса, объединеннаго именами Кіева и Владиміра, в Новгородской области существовал особый эпос, сохранившійся в т. н. былинах Новгородскаго цикла. При начавшихся со времен Грознаго разселеніях Великоруссов на сѣвер, оба эпоса встрѣтились здѣсь и смѣшались; но смѣшеніе вышло неполное: характерныя черты новгородскаго быта, лежащія на новгородских былинах неизмѣнились под вліяніем былин Московских, равным образом и послѣднія неподпали вліянію первых. На сѣверѣ творческаго движенія в области былеваго эпоса небыло. Дѣло ограничивалось сохраненіем и пересказом полученнаго наслѣдства непосредственно от Москвы и Новгорода.

Итак, сѣверно-русскій Кіевскій цикл былин представляет собой не передѣлки и искаженія эпическихъ сюжетов Кіевской Руси, а самостоятельный великорусскій эпос, сложившійся в Московском царствѣ в період времени от XIV по XVI в., на основаніи как областных сѣверо-восточных эпическихъ сказаній, так и зашедших в разное время из Южной Руси. Старо-Кіевскій же эпос, примкнув отчасти к сѣверо-восточно-русскому эпосу, увеличив количественно его состав и оказав вліяніе на установленіе эпическими центрами Кіева и Владиміра в совершившейся при московских князях-собирателях централизаціи великорусскаго эпоса, существовал и развивался на югѣ Руси сам по себѣ, на ряду с другими областными эпосами, еще долгое время послѣ потери Кіевщиной государственной самостоятельности. В отрывках он живет еще в настоящее время с одной стороны в думах, с другой в лирических пѣснях.

Мнѣніе о том, что Малороссы забыли свой старый эпос, должно быть если не оставлено, то значительно ограничено. Древній южно-русскій эпос органически примкнул

к новѣйшему, и в настоящее время возстановляется путем научнаго анализа послѣдняго. Большую услугу в этом дѣлѣ оказывает изученіе колядок, особенно галицких, сохранивших в себѣ много архаических черт.

Отсылая читателей к трудам Антоновича и Драгоманова (Историч. п. мрус. нар. Кіев 1874, 75), Веселовскаго (Разысканія в области рус. духовн. стих. VII, 265—291) и Потебни (Обзор поэтич. мотивов колядок и щедровок), я остановлюсь на двух галицких колядках, напечатанных в малораспространеном у нас сборникѣ Кольберга „Pokucie“ Kraków 1882 и 83 гг. Заключая в своем содержаніи черты вѣка дружиннаго и княжескаго, онѣ своими нѣкоторыми подробностями сходятся с великорусскими былинами:

Ой торгом торгом, тай Сочевою
Гой дай Боже!
Там йиде восько, аж земли кѣжко;
Наперед йиде можний наш пане,
Можний наш пане, пане, Васылю!
Твоє подвирє Турки забрали
Из Татарами из Гарапами.
Маю ж я цюру—вірногу слугу;
Кличу покличу на того цюру:
Цюро ж мій, цюро, вірний мій слуго!
Сидлай мы коня—того моцаріа,
Й-а впопруж єго в сім-девять попруг,
Й-а в тов десятов—самов дзолотов.

В великорусских былинах, богатырь, отправляясь против врагов, обыкновенно:

Ставае он по утрышку ранехонько,
Умывается он да и бѣлехонько,
Снаряжается да хорошохонько,
Он сѣдлае своего добра коня,
Кладывае же он потнички на потнички,
А на потнички он кладе войлочки,
А на войлочки черкаськое сѣделышко,
Подтягиват двѣнадцать тугих подпругов,

Тринадцатый—тот клал да ради крѣпости,
Что бы в чистом полѣ доброй конь же с под сѣдла не выскочил,
Добра молодца в чистом полѣ не выронил
Гильферд. 48 стр.

Колядка продолжает:

Скочу, поскочу за тымы Турки,
Гой як здогоню, пид меч положу,
Другу виночку конем стратую,
Я их цареви головку здойму,
Головку здойму, тай з собов озму,
Я з собов озму, я в свою землю,
Я в свою землю, своему цареви.

Великорусскій богатырь в сраженіи с врагами не столько сам бьет, сколько его добрый конь топчет; царя непрітельскаго, впрочем, он отпускает домой, а с ним оставляет и силы на сѣмена.

Гой буду маты тры даруночкы,
Тры даруночкы, тры городочкы:
Один ми город—славны Билгород,
Другый мы город славнищий Ілвив,
Третый мы город славнищий Кыив,
Я в Билгороди коня сидлают,
В славнищим Львови двором мешкаю,
В славним Кыєви панну сватают,
Панну сватают й-аж до Галича,
Й-аж до Галича до Русовича,
До Русовича гречного пана (имр.)
Гой за цим словом бувай здоров и т. д.

слѣдует обыкновенное окончаніе колядок.

(Pokucie I, N 8, стр. 101).

Награжденіе за службу городами с пригородками или селами со приселками или золотой казной по надобью—общее мѣсто великорусских былин.

1 Й-а в поли, поли, близко дорогы
Гой дай Боже!
Стоя наметы з билого шовку,

Й-а в тых наметах стоя столове,
А по за скилу сыдє панове,
Ой сыдє, сыдє, за дочку раде.

Бѣл полотнян шатер, в котором богатыри совѣщаются и опочив держат, постоянно упоминается в русских былинах.

Єст меже ними, єст одын старшый,
Єст одын старшый, гой пан Гаврыло.
Прійшли ж ид нему вірніи слуги,
Взели шепочки по за крысочкы,
Взели шабелькы по за обелькы,
Взели рушнычкы по за бочечки.
Просє господа своєго пана:
Можный наш пане, пане Гаврыле!
Гой пусти ж ты нас й-а в гор на війну.
Я вас ны пущу, сам за вамы пиду.
Ой пишов з нымы й-а в гор на війну,
Й-а в гор на війну, аж там за гору,
Аж там за гору за Угорскую.
Стали наметом там пид горою,
Там пид горою пид Угорскою,
Совгнулы киньмы—як грим на неби,
Блыслы мечемы—як молни в неби,
Пускє стрілочки, як дробен дощик.

Тоже было за Волошской горой и за Турецкой. За послѣдней, еще прибавляет пѣсня,

Приллели кровцю як водицю.

Гипербола такого рода нерѣдко встрѣчается в малорусских колядках. Сравн. Антонов. и Драгоманов, Истор. п. I, стр. 23, 9 и др., также слѣд.:

Ой все наш панок коником грає,
Та як го узрів, той мечем ізвів:
Як панок наш тяв, то Тур-царя став.
(ibid. стр. 24).

Чрезмѣрное увеличеніе силы героя и дѣятельности обычно и в былинах, и напрасно А. Н. Веселовскій счи-

тает эту черту результатом искаженія великорусскими былинами южно-русских сюжетов (ср. гл. VII).

А вит-так пишлы аж там за гору,
Аж там за гору за четвертую,
За четвертую за Московскую.
Сталы наметом аж там на гори...
Тай просе Бога—своєго пана (имр.):
Можный наш пане, пане Гаврыле!
Ой пусты ж ты нас вже до домочку,
Заплаты ж ты нам тай за службочку,
Та що мы тоби вірно служылы,
Вірно служылы вид молодосты,
Вид молодосты аж до старосты,
Вже нам головы аж посывилы,
Вже нам бороды аж побилилы,
Та вже нас жоны ны попрыймают,
Та вже нас диты ны попизнают.
Будь же здоров! и т. д.
(Pokucie I, стр. 109—10).

И богатыри служат Владиміру до старости. Добрыню Никитича, возвратившагося из дальней поѣздки, неузнает жена; Илью Муромца, при встрѣчѣ, неузнает сын.

Болѣе точное и всестороннее обслѣдованіе малорусской пѣсенности должно выяснить дѣйствительныя отношенія великорусских исторических воспоминаній к малорусским; равным образом, — опредѣлить дѣйствительную сумму малорусских воспоминаній о до-казацких временах. Найболѣе пользы в этом отношеніи должно принести изученіе малорусской народной поэзіи без великорусских тенденцій. Не с великорусскими былинами в руках, а с лѣтописью нужно отыскивать слѣды древней исторіи в современной малорусской пѣсенности. Ненужно считать непремѣнно древним, старо-кіевским только то в малорусских сказаніях, о чем говорится в великорусских былинах. Данныя великорусских былин сами по себѣ еще немогут служить критеріем древности извѣстнаго эпическаго факта. Сходныя черты в сказаніях Малоруссов и Велико-

руссов должны быть и онѣ есть: объясняются онѣ кровным племенным родством и долговременным сосѣдством; но есть и разница между ними: причина ея лежит в своеобычіи племен, составлявшем основную черту древней русской исторіи. Быть может в результатѣ изслѣдованія окажется, что Малороссы неуступают Великоруссам, если не в количествѣ, то в качествѣ воспоминаній о древних (доказацких) временах.

ДОПОЛНЕНІЯ И ПОПРАВКИ.

К гл. II. Слово хоробер в загадкѣ:

Мать толста,
Дочь красна,
Сын храбер
Под небеса ушел. (печь, огонь, дым)
Сахар. Сказ. р. н., изд. 3, т. I, 93.

К гл. III. В.

Для исторіи мотива былин о Добрынѣ и его женѣ считаем любопытным отмѣтить, что подобные анекдоты были извѣстны в классическом мірѣ. Сходную сказку Геродот сообщает о Скифах (Ηροδ. IV 1—3); его слова повторяет Трог Помпей: Scythae autem tertia expeditione Asiana cum annis octo a conjugibus et liberis afuissent, servili bello domi excipiuntur: quippe conjuges eorum longa expectatione virorum fessae nec jam teneri bello, sed delectos ratae servis ad custodiam pecorum relictis nubunt, qui reversos cum victoria dominos velut advenas armati finibus prohibent. Quibus cum varia victoria fuisset, admonentur Scythae mutare genus pugnae, memores non cum hostibus, sed cum servis proeliandum, nec armorum, sed dominorum jure vincendos: verbera in aciem, non arma adferenda, omissoque ferro virgas et flagella ceteraque servilis metus paranda instrumenta. Probato omnes consilio instructi, sicut praeceptum erat, postquam ad hostem accessere, inopinantibus verbera intenta: adeoque illos perculerunt, ut quos ferro non poterant, metu verberum vincerent, fugamque non ut hostes victi, sed ut fugitivi servi capesserent. Quicumque capi potuerunt, supplicia crucibus luerunt.

Mulieres quoque male sibi consciae partim ferro, partim suspendio vitam finierunt (Justinus Trogi Pompei histor. Philip. epitoma. Lips. Teubner. L. II, 5).

Если данный мотив принадлежит к бродячим, и сказанія об измѣнѣ жены в отсутствіе мужа возникли в разных мѣстах не самостоятельно, а путем заимствованія, то свидѣтельства Геродота и Трога Помпея могут служить указаніем на ход мотива: вопреки проф. Дашкевичу, он распространялся не с запада на восток, а наоборот.

К гл. VII, 2.

Со словами М. Данилов: „рад тебѣ служить вѣрою и правдою, своею саблею острою, над твоею шеею толстою“ ср.:

Ах, если бы была при мнѣ сабля острая,
Послужил бы я над твоей буйной головушкой.
Сахар. Сказ. р. н., 3 изд., т. I, стр. 242, N 15.

К гл. XIII о Соловьѣ Будимировичѣ (напеч. VIII).

Вм. „сходство их с запѣвом“ слѣдует на стр. 147 „сходство их пріемов с запѣвом“.

Обычай самокрутства в XVII в. в Малороссіи пользовался большим распространеніем, чѣм в настоящее время. Боплан о нем говорит как об общераспространенном. В Украйнѣ, говорит он, наперекор всѣм народам, не мущины сватаются за дѣвиц, а дѣвицы за мущин. В этом им содѣйствовало общее мнѣніе, что дѣвицы скорѣе достигают своей цѣли. Влюбленная дѣвушка приходила в дом жениха в то время, когда его родители были дома. Войдя в избу, она привѣтствовала их: „помогай Биг!“ и садилась. Потом обращалась к жениху, называла его по имени и говорила: я вижу, что ты человѣк добрый и я буду с тобой счастлива, женись на мнѣ. Наконец, обращалась к его родителям и просила их согласія. Если они небыли согласны или отговоривались молодостью сына, то дѣвушка отвѣчала, что она неразстанется с их домом. По прошествіи нѣсколькихъ недѣль, родители соглашались с жела-

ніем невѣсты и уговаривали сына полюбить ее. Несогласиться с желаніем невѣсты, значило навлечь на себя гнѣв Божій, а на дом несчастіе (Быт рус. нар. А. Терещенка, ч. II, стр. 485—6).

К гл. XV.

Жидовин в бранном значеніи:

А муж жидовин присмотрѣл,
Он с плетью приспѣл, подоспѣл.

Сахар. Сказ. р. н., т. I, изд. 3, стр. 215, N 4.

У Болгар слово *жид* употребляется в зн. великана, гиганта; Mikl. сравнивает его с турецк. dzinn Dämon (Die Türkische Elem. in den Sudost und ostevrop. Spr. I, 55). У Сербов существует пѣсня о встрѣчѣ Марка Королевича с *жидовкой* дѣвушкой (см. гл. III). Несомнѣнно, между сербским и русским сказаніями существует родство. Источник его неясен и кроется скорѣй всего в книжных сказаніях, а никак не в исторических связях наших предков с Хазарами.

УКАЗАТЕЛЬ.

Авраамій Ростовскій 95.
Агунда 106.
Адам суконник 106
Алауган 30—32.
Александр Македонскій 17, 174, 184.
Алеша Попович см. Олеша Попович.
Аммон Ливійскій 174.
Андрей Боголюбскій 108.
Антія 145.
Аполлоница 81.
Арапы 55.

Балц 41.
Батыга 53.
Батый 80—87; 105; 108—109; 111—114; 142.
Бахмет 86.
Байда 125.
Беллерофонт 144—145.
Беч 113.
Боплан 228.
Богатур 15, 22.
Богатыръ 13—23.
Богдана 171—2.
Боиканово поле 138.
Борис 139.
Боян 214.
Буняк 35.
Буняково замчище 34.
Брак по свободному выбору 156.
Бѣги небесные 198.

Варадин 111, 129, 134.
Вардар р. 133.
Вайрадинец Петр 129.
Василій Игнатьевич 45, 53, 86; 106—110.
Василій Прекрасный 64—65.
Василій сын Ксанфина 90.
Василей сын Сиверьяничны 178.
Василько Маричич 43.
Василько Ростовскій 141.
Василиса Никулична 82—83.
Велес город 133.
Венале поле 132.
Верх 194.
Византія 98—99.
Виисава 127—131.
Вила 29.
Винцентій Бовезскій 91—93.
Витяк 171, 173.
Владислав 112—114.
Влах-Алия 115.
Влахович Стоян 164.
Владимир (Владимір) Стольно-Кіевскій 10, 11, 25, 146;

215—217; 220 и др.
Владимир Галицкій 6.
Владимир Мономах 99.
Володимерь 58.
Вольдемар 3.
Володарь 63—64; 67.
Волхв богатырь 177.
Волынь земля 206.
Волынец 188.
Всеволод Юрьевич 58.

Галич 205—6.
Гарды 3.
Гда р. 57—60.
Гигант 138, 23.
Глѣб кн. 139.
Глѣб Юрьевич 50—51.
Горынянка баба 33, 186.
Груица 179—181.
Гурій архіеп. казанск. 96.

Давид Сасунскій 83.
Давыд Ярунович 43.
Дамьян 43.
Данил Тугкович 43.
Данило Ловчанин 82—83; 144—145.
Дегин град 55.
Демьян Куденевич 50—57.
Дигенис Акрит 187.
Добрыня Никитич 16, 25; 26—37—42; 144, 210; Д. Рязанич 42.
Добѣглица 156.
Дунай Иванович 177.
Дѣвы судьбы 29
Дченза сын 106.
Дюк Степанович 144; 187—209; 218.

Евпатій Коловрат 84—87.
Евпраксія 80.
Евфрат 140.
Елена цар. 99.
Елка 170.
Емельфа Тимофеевна 188.

Жених 165—166.
Жидовин 79, 177—182.
Жидовка дѣвушка 27—28; 229.

Запава Путятична 152 и др.
Збут 178.
Златна баба 29.
Змай Деспот Вук 172.

Иван Данилович 145; 43—49.
Иван Годинович 120—126; 210.
Ивась Коновченко 45—49.
Ивашко Торокашко 182.
Игорь 141.
Идол Скоропеевич 97.
Идолище поганое 88—93.
Илья Муромец 94—105; 17; 51—53; 135—137; 144; 180—181; 183; 213; 220.
Илья-шах 103.
Иліас Ярл 103.
Ингварь кн. Рязанскій 84.
Индѣя 187 и др.
Исидор юродивый 70.
Искрен 117—118.

Исполин 23.
Ишна р. 59.

Іерина 173.
Іерусалим 207.
Іоанн пресвитер 191.
Іоанн Грозный 218.
Іов патр. 147.
Іосафатова долина 140.

Калевала 188.
Калин царь 51—53; 56, 95.
Калингасена 156.
Калка 141.
Кальнофойскій 100—101.
Кара-Видо 132.
Карл Великій 38, 207.
Катерина 132.
Кіев-град 2—5, 11 и мн. др.
Князь скал 186.
Коё 39.
Козак 37.
Константин Всеволодич 58.
Константин Мономах 99.
Константин царь 133—4
Константинополь 207.
Корела 187.
Косово-поле 130.
Костадин царь 133—134.
Котошихин 195.
Кощерище 121—123.
Ксанфин 90

Лазарь сербск. 81, 173, 175.
Леденец 148.
Лемминкайнен 3.
Леонтій Ростовскій 98.
loci communes 34, 35, 53, 53; 86—87.
Лоуха 3.
Ляссота 101, 219.

Мамай 137.
Мануил Греческій 205.
Ману 156.
Марія, заклавшая два дѣтища своя 71
Марія Бѣлоградска 160—161.
Марко Кралевич 27—28; 55, 130, 179; 116—117.
Мартын туровскій мних 94.
Мейерберг 203, 204.
Микула Селянинович 144, 208.
Милица жена Лазаря 175, 173, 82.
Милица ж. Искрена 117—118.
Милош Обилич 27, 49, 55.
Милутин слуга 82.
Митре Поморянче 160—164.
Михаил Черниговскій 5, 111.
Михаил Клопскій 69, 74.
Михалко 108—109.
Михалко Юрьевич 108.
Михайло Казарянин 53.
Михайло Долгомѣрович 178.
Михайло Данилович 86, 146 и др. см. Иван Данилович.
Михайлик 45, 107—110.
Міят гайдук 116.
Моисей Угрин 145.
Молочное усыновеніе 35—36.

Момчило 131.
Морава р. 127.
Мстислав Данилович 7.
Мстислав Изяславич 50.
Мукара 185—186.
Мурат царь 49.
Муса Кеседжія 131.

Нарты 30.
Настасья Митріевична 121—125.
Нектанеб 174.
Никола поп 133.
Новгород Сѣверскій 50.
Ной птица 27.
Нѣпра р. 54.

Областные эпосы 9—10; 212
Один 39—40.
Олаф 216.
Олеша Попович 58—69; 135, 143, 144, 212.
Олеарій 189, 206.
Олексій Попович Пирятинскій 69.

Папаз-паша 128.
Пахомій серб 126, 147.
Пересвѣт 23.
Переяславль 50, 56.
Переяславец на Дунаѣ 64, 67.
Петруша 163.
Петре царевич 178
Петр Могила 100.
Петар 179.
Печенѣги 65, 67.
Плано Карпини 91—93.
Пленк, отец Чурилы 208.
Подволоки 198.
Подсолнечник 202—204.
Поленица 24, 33.
Полоникъ, польникъ 23—24.
Половцы 55, 64.
Пойола 3.
Поп невѣрующій 74.
Пор 164.
Прет 144—145.
Прилеп 160.
Потык 145, 209.
Първан 117—118.

Рада 168.
Радка 169.
Ратибор 59.
Реля 27, 55, 131.
Рогнѣда 25.
Родман 65, 66.
Ростов 58.

Садко 69.
Салаким Тодор 131.
Самородина р. 140—141.
Самотека 141.
Самсон храбор 16.
Са́тана 39.
Сафа 39.
Сафат рѣка 134, 135, 140, 143.
Сафатов поток, дол 140.
Сахатарь р. 140.
Свиваніе верхов теремов 194.
Святогор 183—186.

Секула 49.
Сербин 73.
Сергій Радонежскій 147.
Симон 38.
Сити 143.
Сказаніе о новгородск. бѣл. клобукѣ 99.
Сказаніе о кѣевских богатырях 76, 77: 97—100.
Скифы 227.
Сокольничек 178. -ик 140.
Соловей Будимірович 144; 147—166; 228.
Соломон 139, 160, 164.
Сомадева 156.
Сосрыко 181—182; 185—186.
Ставр 43.
Сталак 127—128.
Сталач 134.
Стамбул 3.
Стана 39, 167.
Станислав благородный 43.
Сшолп огнен 136.
Стоян 170.
Страхиня 115—116.
Суздальцы братья 137.
Сулейман царь 127—128.
Сухман Одихмантьевич 53—57.
Сухона р. 56.

Таврул 85.
Таврольевич 87.
Тарас слуга 51.
Татарове-юланове 109.
Тимоня 42, 59, 69, 212.
Торон слуга 58, 59.
Тотырeш 182.
Тохтамыш 106—107.
Тугарин Змѣевич 97—99; 167—176.
Тугор-хан 175—176.

Угодичи 59.
Удаяна 156
Уза 59.
Урызмаг 39.
Усія 59.
Жнчо 171—172.

Федор од Сталака 127—134, 137.
Федор Іоаннович 147.
Федор Юрьевич 80—83.
Филон Джеджалія 49.
Фома Халцибеев 139.
Фрит̈а 39—40.

Хазары 177—178; 229.
Хандуд-Ханум 83.
Хвилон 45—49.
Хиз 106.
Хмѣльницкій 49, 215.
Хостоврул 85.
Хотѣн Блудович 144.
Храбор 12, 15—23; 43, 44, 142—443; 212, 227.

Царь-град 97—100 и др.

Челахсартаг 106.
Череможская весь 105.
Черкас-долина 45.

Черкасскія сѣдла 34.
Черкес 34, 37.
Чоботко 101—102.
Чурило Пленкович 144, 189—192, 206—208.

Шауай 32.
Шевкал 91—92.
Шемаханскій шелк 34.
Шолудивый Буняка 34,

Щапленкович 208.

Эмегена 30—33.

Юрій Львович 6.
Юрій Ингоревич 80.
Юрій Всеволодич 58, 141.
Юрята 60.

Янко 43, 49.
Ян Усмошвец 65—66.
Ярл Иліас 103.
Ярославль 105.